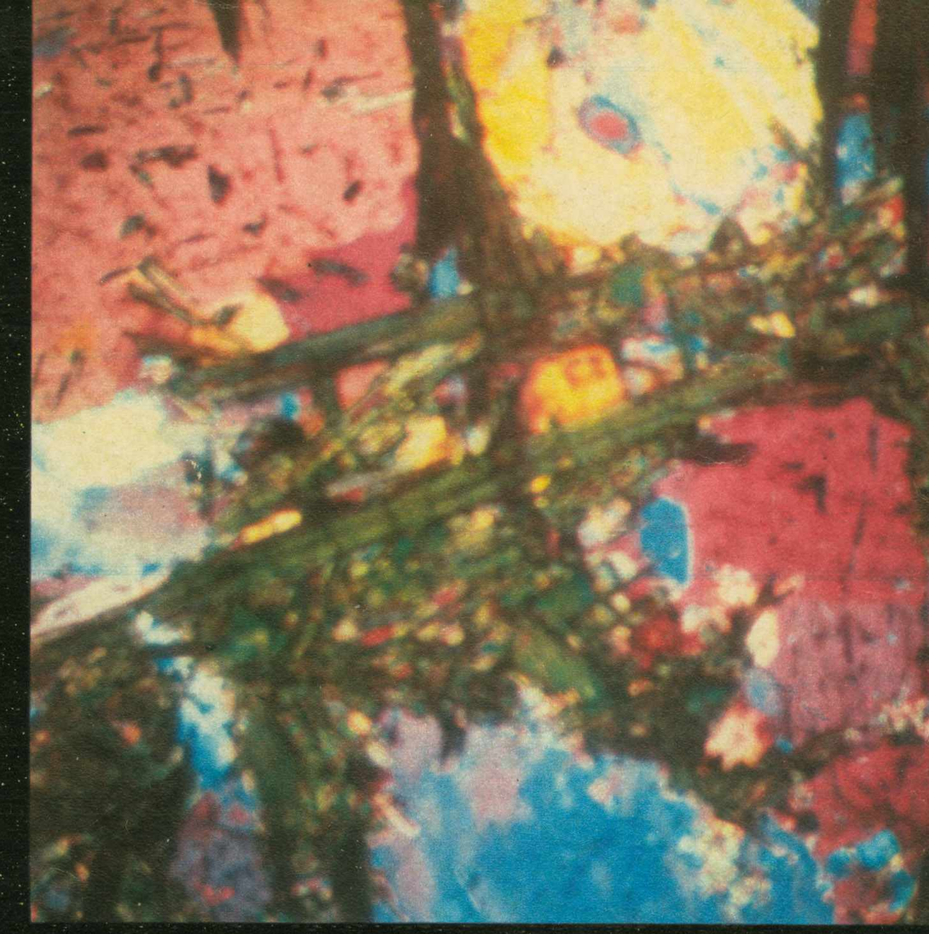

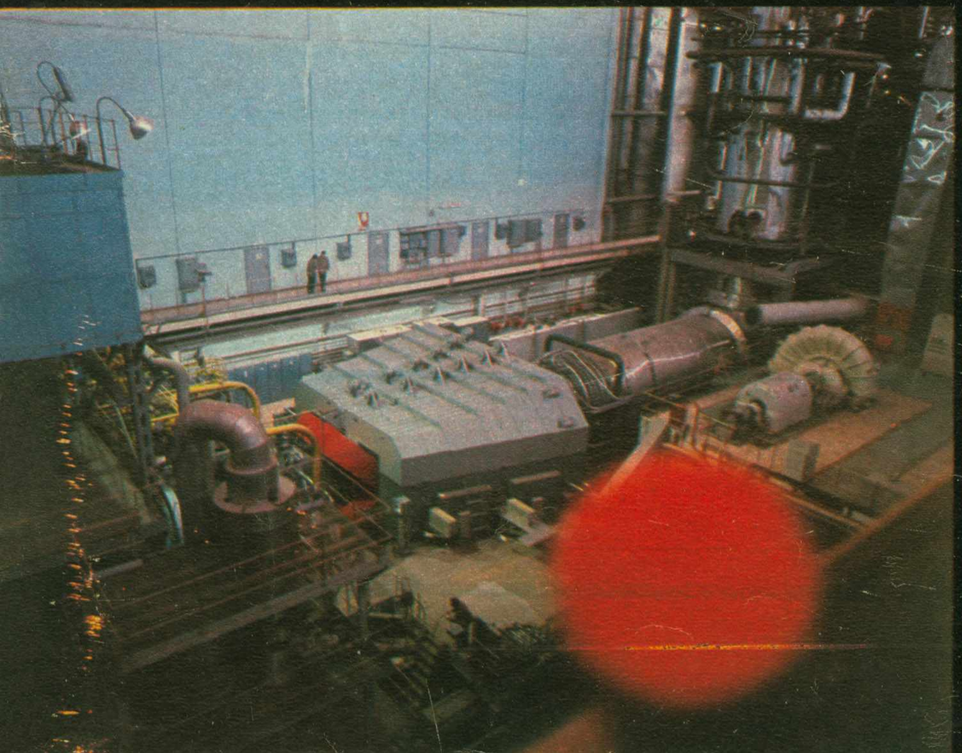
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1974

В НАШЕЙ СТРАНЕ ВСЕ ЧУДЕСА ТЕХНИКИ, ВСЕ ЗАВОЕВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ОТДАНЫ НА БЛАГО НАРОДА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

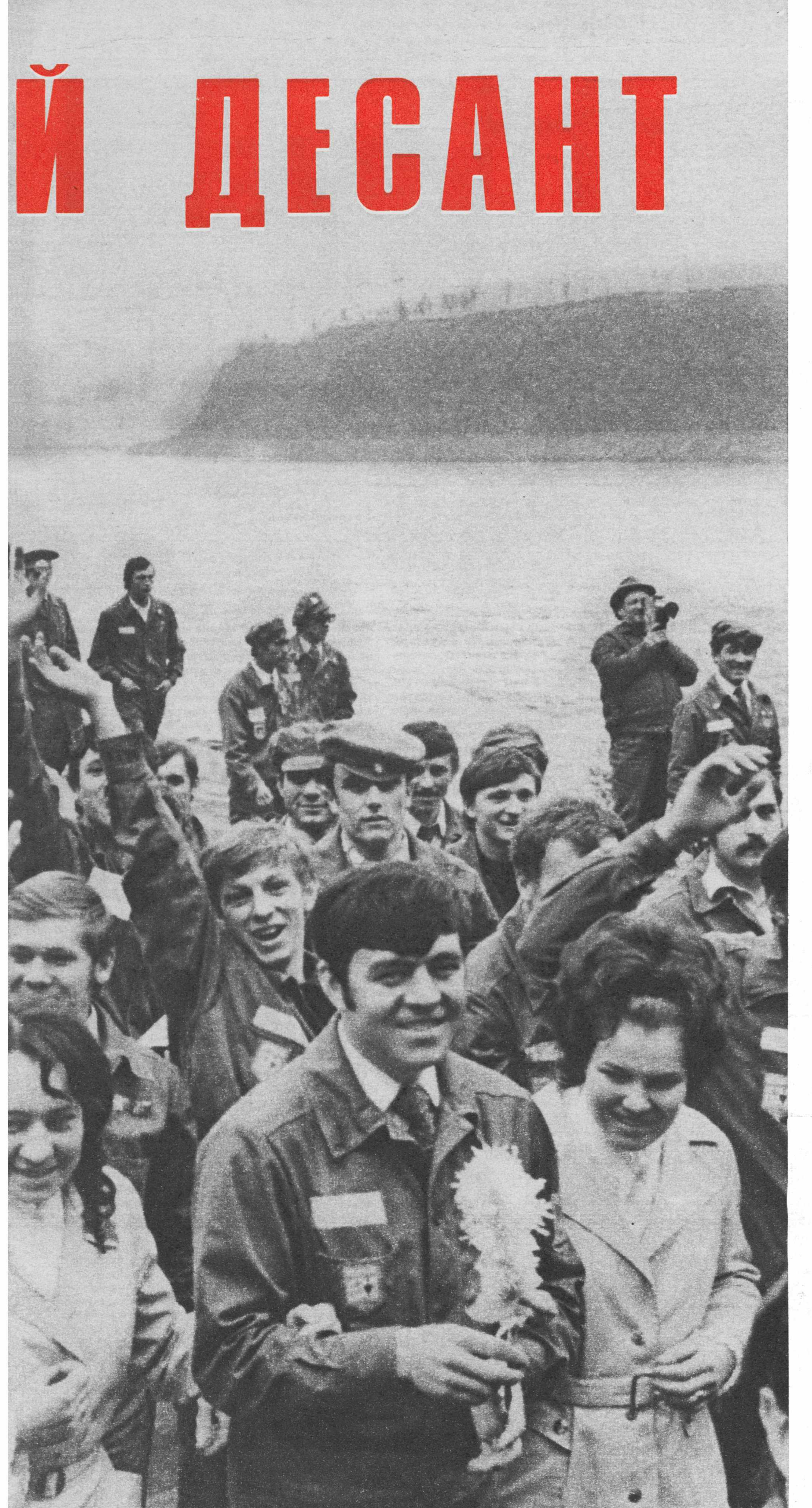
Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2445)

11 МАЯ 1974

ПЕРЕДОВО

Й ДЕСАНТ

«Байкало - Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан новый большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки.

Мы твердо уверены, что комсомольцы, молодежь внесут свой достойный вклад в эту грандиозную стройку».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на XVII съезде ВЛКСМ.

Магнитка и Днепрогэс, Комсомольск и Кузбасс, Братск, Самотлор и КамАЗ — молодость Страны Советов первой отправлялась на эти ставшие легендарными стройки.

Но вот новый призыв Родины: «Надо строить Байкало-Амурскую магистраль!» В считанные дни был сформирован Всесоюзный ударный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Передовой десант, состоящий из шестисот человек, отправился в путь.

Впереди — сооружение тысяч километров железнодорожной магистрали. А это значит, непроходимая тайга, болота, горы, реки. Это значит, придется работать днем и ночью, в зной и стужу, пока не будет забит серебряный костыль, венчающий тяжелый и вдохновенный труд многих тысяч людей.

Вглядитесь в эти лица. Запомните их. Сейчас это просто парни и девчата в форме бойцов строительного отряда.

Пройдут годы, по новой железнодорожной магистрали промчится первый поезд, и вся страна будет чествовать героев-строителей!

Б. СОПЕЛЬНЯК

Этот снимок сделан на берегах Ангары. А сегодня строители Байкало-Амурской дороги уже там, где начинается гигантская стройка.

Фото Э. БРЮХАНЕНКО. ТАСС.

ВСТРЕЧА в ЦК КПСС

6 мая в ЦК КПСС состоялась встреча делегации КПСС в составе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И., члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. Суслова М. А., кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. Пономарева Б. Н. и члена ЦК КПСС тов. Зимянина М. В. с делегацией Компартии США в составе Генерального секретаря КП США тов. Г. Холла, Национального председателя КП США тов. Г. Уинстона и членов Политкомитета ЦК КП США тт. Дж. Джексона, Д. Рубина и Х. Уинтер.

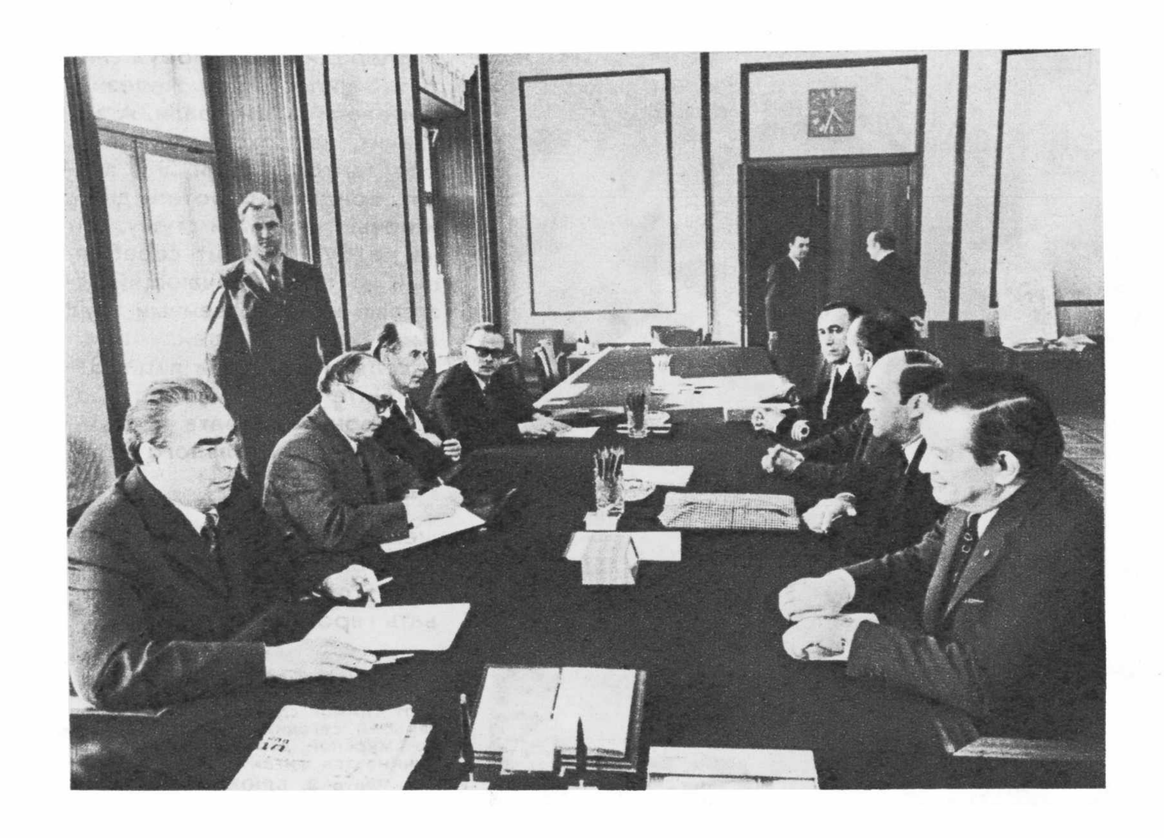
Делегация КПСС рассказала о целеустремленной, последовательной работе КПСС по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС, уделив особое внимание выдающимся успехам в деле завершения девятой пятилетки, решения новых задач коммунистического строительства и осуществления принятой съездом Программы мира, выражающей принципиальный курс СССР на активную защиту мира, свободы и безопасности народов.

Делегация КП США со своей стороны информировала о деятельности американских коммунистов, о борьбе партии за жизненные интересы рабочего класса и всех трудящихся США, за обеспечение подлинного равноправия, против расизма, за демократию и социальный прогресс.

Встреча делегаций КПСС и КП США проходила в сердечной, товарищеской обстановке, характерной для отношений между обеими партиями.

На снимке: во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ МИНИСТРА ЭКОНОМИКИ АРГЕНТИНЫ Х. ХЕЛЬБАРДА

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 5 мая принял в Кремле личного представителя президента Аргентинской Республики Х. Перона, министра экономики Аргентины Х. Хельбарда, возглавлявшего аргентинскую правительственную делегацию.

В ходе беседы, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, был затронут широкий круг вопросов, касающихся отношений между СССР и Аргентиной, в том числе в торгово-экономической области.

Х. Хельбард передал тов. Л. И. Брежневу личное послание президента Х. Перона и вручил от его имени высшую награду Аргентинской Республики «Большой крест ордена майской революции», которым отмечается вклад выдающихся государственных деятелей в укрепление солидарности между народами.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

НА СВАЛКУ ИСТОРИИ

Юрий КОРНИЛОВ

Итак, в Португалии рухнул фашистский режим. Созданный в Лиссабоне Национальный совет спасения объявил о своей решимости восстановить основные свободы, гарантировать право на сформирование политических партий, освободить всех политических заключенных, осуществить ряд других мер, направленных на демократизацию страны. Эта программа шаг за шагом претворяется в жизнь.

Сообщения, поступающие из Лиссабона, воссоздают волнующую картину того, как бурно живет сегодняшняя Португалия, сбросившая оковы фашизма. Упразднено главное управление безопасности — одна из основных опор режима, распущена фашистская «партия». Распахнуты настежь тяжелые двери тюрем-крепостей Кашиас и Пенише, их узники, патриоты-антифашисты, братски приветствуют своих товарищей по борьбе, вышедших из подполья или вернувшихся из эмиграции. Впервые за сорок с лишним лет открыто выходит газета коммунистов «Аванти!», что значит «Вперед!». В Лиссабоне, других городах проходят массовые митинги и демонстрации, участники которых — рабочие, студенты, солдаты — высоко поднимают алые транспаранты с лозунгами: «Мир! Демократия! Нет колониальной войне!».

Перечитывая сегодня сообщения из Лиссабона, я невольно вспоминаю ту Португалию, которую мне довелось увидеть несколько лет назад, — страну, задыхавшуюся в тисках ненавистной народу фашистской диктатуры. Вспоминаются суровые лица рабочих-металлургов Маге, которые с гневом и горечью рассказывали о своих товарищах, брошенных в тюрьму за участие в забастовке. Безногий солдат на деревянном костыле, протягивающий навстречу прохожим жестяную кружку у зеркальных дверей фешенебельного лиссабонского отеля «Риц». Отряды солдат-новобранцев, марширующих в лиссабонский порт в окружении плачущих матерей и невест... Та, вчерашняя Португалия оставила Португалии нынешней поистине страшное наследство: самый низкий в Европе уровень зарплаты, самый высокий процент неграмотности (38), самую высокую детскую смертность (59,3 на каждую тысячу новорожденных), самый высокий процент населения (52), лишенного медицинского обслуживания.

В марте нынешнего года, за полтора месяца до свержения в Португалии фашистской диктатуры, мне довелось встретиться в Москве с Генеральным секретарем Португальской коммунистической партии Алваро Куньялом. Этот замечательный человек, посвятивший жизнь самоотверженной борьбе за счастье своего народа, брошенный фашистами в тюрьму Пенише и совершивший оттуда побег, говорил о родной стране с твердой верой в ее лучшее будущее. «Фашистский режим в Португалии переживает глубочайший внутренний кризис. В основе кризиса — губительные экономические, политические и социальные последствия колониальной войны, изоляция и международное осуждение португальского фашизма, успехи национально-освободительных движений в Африке, мощный подъем борьбы нашего народа. Нынешняя Португалия — это вулкан накануне взрыва...»

Анализ, который давали положению в Португалии коммунисты этой страны, оказался исчерпывающе точным. Это, разумеется, не означает, что на пути Португалии к свободе и демократии, к тому, чтобы полностью покончить с позорным и бесперспективным колониальным прошлым, не существует препятствий и преград. Нет, это не так: положение в стране остается достаточно сложным, определенные империалистические круги на Западе хотели бы, чтобы Лиссабон и впредь оставался опорой угодного им колониального режима, с помощью которого международные монополии и НАТО протягивают свои щупальца в Африку. Португальская компартия подчеркивает, что в нынешний переломный момент как никогда необходимо крепить единство действий рабочего класса, демократических сил, молодежи, всех антифашистов и противников колониализма.

Борьба против реакции и колониализма продолжается, но одно очевидно уже сегодня: события в Португалии еще раз подтвердили, что, как бы ни свирепствовал фашизм, дабы сохранить и упрочить свою власть, каким бы частоколом штыков он себя ни окружал, как бы ни пытался запугать народ массовыми расстрелами и тюрьмами, в наше время у него нет и не может быть будущего. «Падение режима Каэтану означает серьезное поражение фашизма и реакции в Европе и во всем мире», — с полным основанием констатирует в своем заявлении о событиях в Португалии Всемирный Совет Мира.

Хорошо известно: чем ощутимее свежие ветры разрядки, тем больше злобствуют противники смягчения международной напряженности, тем активнее действует милитаристский робот, который лелеет, как любимое детище, самые реакционные, тиранические, фашистские режимы и пожирает демократические свободы. Наглядный тому пример — трагедия Чили, страны, где царит чудовищное надругательство над демократическими традициями целой нации и элементарной законностью, где пылают костры из книг, а земля залита кровью казненных. Трагедия Чили острой болью отзывается сегодня в сердцах миллионов людей, в самых различных кругах демократической общественности всех стран мира. Но разве можно сомневаться в том, что чилийской хунте так же, как и португальским фашистам, не удалось и никогда не удастся подавить волю народа к свободе?

Португальский фашизм выброшен на свалку истории. Рано или поздно там же неизбежно окажутся и чилийская хунта, и расисты Южной Африки, и сионистские «ястребы», и милитаристы всех мастей — все те, кто хотел бы повернуть вспять поступательный ход событий. Ибо мир идет вперед, и все сильнее, все громче звучит над миром это великое, гордое, это сладкое слово — свобода!

Жители Лиссабона, собравшиеся у входа в тюрьму Кашиас, приветствуют освобожденных политзаключенных.
Фотохроника ТАСС.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аэрофлот открыл новую международную авиалинию Ленинград — Гамбург... Это еще одна воздушная магистраль, связывающая Советский Союз с Федеративной Республикой Германии. Корреспондент «Огонька» А. Голиков попросил Генерального представителя авиакомпании ФРГ «Люфтганза» в Москве господина Мюллера прокомментировать это событие.

— Открытие воздушного сообщения между Ленинградом и Гамбургом,— говорит господин Мюллер,— свидетельствует о дальнейшем развитии экономических и культурных связей между нашими странами.

Недавно в Дюссельдорфе в течение двух недель проходила торгово-промышленная выставка Советского Союза. Выставка вызвала в нашей стране огромный интерес. Я из Москвы специально летал в Дюссельдорф. Там мои соотечественники вновь смогли убедиться, что СССР является мощной индустриальной державой. На выставке бизнесмены заключали крупные торговые сделки. Покупали советские станки и агрегаты. Выставку посетили около ста десяти тысяч человек, газеты посвятили выставке десятки статей, телевидение организовало специальные передачи. Думается, что теперь еще больше граждан ФРГ захотят поехать в СССР, чтобы лучше узнать вашу страну. И я уверен, что многие из них предпочтут совершить это путешествие по воздуху.

17 000 КИЛОМЕТРОВ ПО СССР

В переводе с румынского «Flacara» значит «Пламя». Так называется издающийся в Бухаресте иллюстрированный еженедельник, с которым «Огонек» связан узами традиционной дружбы.

Недавно в нашей стране побывала группа сотрудников «Флакэры» — заведующий международным отделом Е. Даскэлу, корреспондент М. Хетко и фотокорреспондент Е. Гера. «Цель нашей поездки,— рассказали румынские журналисты,— собрать материалы для специального номера «Флакэры», который будет посвящен жизни Советского Союза».

Гости «Огонька» познакомились с Москвой, Ленинградом, Таллином, Иркутском, Братском. Отсняты десятки фотопленок, заполнены журналистские блокноты. Перед возвращением на родину наши друзья подсчитали: они пролетели и проехали семнадцать тысяч километров по Советскому Союзу.

Журналисты «Флакэры» на берегу Байкала.

ЗЛОВЕЩИЙ ОСТРОВ

Пиночетовские палачи предпочитают расправляться со своими противниками — истинными патриотами Чили — в уединенных местах, подальше от глаз людских. Для этого используются острова, а там, где их нет,— отведенные подальше от берега корабли.

Одним из таких зловещих мест стал остров Досон, название которого сегодня звучит набатом во всем мире. Чилийская хунта во всем строго держит равнение на порядки былого третьего рейха — она даже внешне оформляет свои концлагеря по типу нацистских.

Сейчас военная хунта сводит счеты с офицерами и солдатами, оставшимися верными правительству Народного единства. 47 узников уже приговорены к длительным срокам тюремного заключения, вплоть до пожизненного.

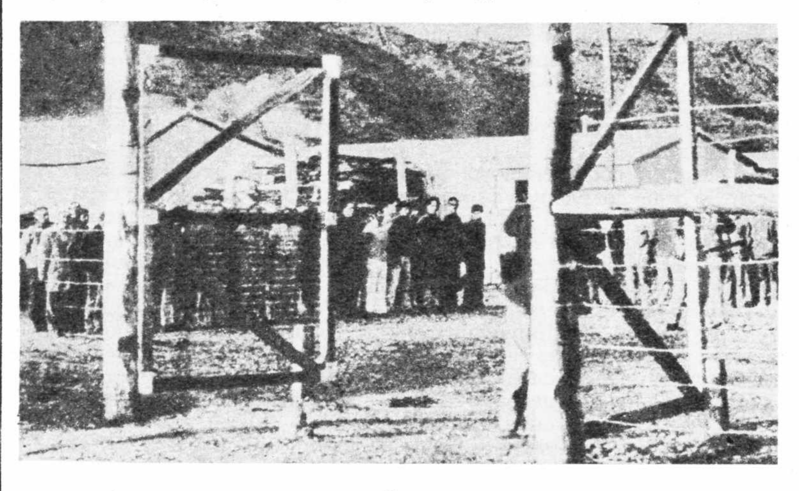
Большинство обвиняемых уже прошли через ад — шесть месяцев пыток, приведших некоторых из них на грань безумия.

Пленников острова Досон с надетыми на голову колпаками (чтобы жертва не видела своего мучителя) подвешивают за кисти рук и бьют прикладами, палками, кулаками. Иногда 3 дня и 3 ночи подряд не дают садиться, связав за спиной руки. Излюбленный метод пыток — электрошок.

Чилийские палачи готовят расправу над Генеральным секретарем Компартии Чили товарищем Луисом Корваланом и другими коммунистами. Сейчас в южном полушарии начинается зима, стоят небывало холодные ночи; убийцы в военных мундирах запретили врачебный контроль за состоянием ухудшившегося здоровья Луиса Корвалана. Они делают все для того, чтобы оборвалась жизнь лидера чилийских коммунистов, погибли сотни ни в чем не повинных людей!

Мир должен помешать этому!

На снимке: концлагерь на острове Досон.

В САН-ФРАНЦИСКО ОПАСНО...

Однажды вечером жительница Сан-Франциско Тина Смит ожидала автобус. На остановке, кроме нее, никого не было. Неожиданно к ней подошел мужчина и дважды выстрелил из револьвера. Обливаясь кровью, женщина упала. Смерть наступила мгновенно. Убийца поспешил к ожидавшему его темному «кадиллаку». Но скрыться ему не удалось. Через десять минут машина была задержана полицией. В завязавшейся перестрелке с блюстителями порядка владелец «кадиллака» погиб. Вскоре была установлена личность преступника. Им оказался некий Винсент Уоллин, бывший служащий береговой охраны.

Скупые строчки полицейской хроники сообщают еще о ряде подобных случаев, происшедших в Сан-Франциско в тот же вечер.

В 21 час 15 минут 80-летний Джон Бэмбик был сражен двумя выстрелами в спину на улице Маркет Стрит. В 21 час 50 минут Джейн Холли, 45 лет, была убита наповал у входа в прачечную. В 22 часа 10 минут Роксен Макмиллан, 23 лет, мать четырехмесячного ребенка, поднималась по лестнице к себе домой. Ее остановил неизвестный. Только лишь молодая женщина собралась ответить на его приветствие, как раздался выстрел. Покушавшийся скрылся. Тяжелое ранение парализовало Роксен Макмиллан, которая прикована теперь к постели.

В последнее время в Сан-Франциско стало опасно выходить на улицу вечером. Особенно с тех пор, как в городе разнеслась весть о преступлениях, которые совершил один маньяк. Только за пять месяцев он убил десять человек и ранил четверых. Преступник обычно следовал одной и той же схеме. Он подходил на улице к избранной им очередной жертве и стрелял в упор. А затем стремглав мчался к ожидавшему его неподалеку автомобилю, за рулем которого находился сообщник.

Эта цепь бессмысленных убийств, совершенных в Сан-Франциско, лишила сна и покоя многих жителей города. «Каждый раз, когда ко мне сзади приближается автомобиль, я с ужасом оглядываюсь»,— сказал один банковский служащий в беседе с корреспондентом журнала «Тайм». Теперь многие родители доставляют своих детей в школу и обратно домой на машине, опасаясь за их жизнь. Полиция постоянно предупреждает жителей города, чтобы они проявляли осторожность и бдительность на улицах Сан-Франциско.

Еще одна жертва на улицах Сан-Франциско.

Несмотря на растущую волну преступлений, совершаемых садистами и маньяками, которые в отличие от гангстеров не грабят свои жертвы, полиция все еще не может установить личность убийц и мотивы их поступков. Однако шеф полиции города Чарльз Барка сказал: «Мы ведем поиски среди психически ненормальных людей». Не слишком ли узок круг этих поисков?

Говоря о разгуле бандитизма в Соединенных Штатах, журнал «Ньюсуик» писал: «Корни преступности остаются центральной проблемой. «Крепость Америка» продолжает дорого платить за свою безопасность. Зарешеченные витрины, поголовные проверки в школах и жилых домах, полицейские вертолеты, парящие в небе со слепящими глаза прожекторами,— все это вряд ли можно назвать атрибутами открытого общества. Растущее число психических заболеваний, подозрение, вызванное каждым незнакомым лицом, бегство в «защитимое пространство»... Вполне естественно, что американцы начинают удваивать дверные запоры, чтобы бороться против страха и преступности; но опасно то, что в конце концов они упрячут в тюрьму самих себя».

ТУННЕЛЬ ПОД ЛА-МАНШЕМ: АТАКИ И КОНТРАТАКИ

Наверно, еще наши прадеды были свидетелями шумных споров вокруг туннеля под проливом Ла-Манш, разделяющим Англию и Францию. С тех пор прошло много лет, а страсти вокруг проекта не утихают. Существует даже официальный «Союз противников туннеля», во главе которого стоят полковник и майор. Но и «несоюзные» не дремлют. Английская «туннельная оппозиция» выдвигает один за другим аргументы, например-де, у англичан из-за этого соединения разовьется... водобоязнь. Привлекли и статистику: с 1970 года из-за пожаров в туннелях погибло свыше 70 человек, 140 стали жертвами других туннельных происшествий, около 1 000 были ранены. Некоторые ученые-психологи добавляют еще более минорную ноту: туннель под проливом должен неизбежно притягивать к себе террористов и заговорщиков...

Однако все объясняется просто. С одной стороны, в хоре противников строительства слышнее всего раздаются голоса представителей влиятельных групп промышленников. Например, авиакомпании не особенно заинтересованы в туннеле: на коротких линиях между Англией и континентом они понесли бы существенные потери. Если учитывать такие факторы, как изменчивость погоды, дальнее расстояние от городов до аэропортов, то налицо преимущество поездки в туннеле. Но еще сильнее сопротивление пароходств и паромных агентств, которые еще в 1882 году добились прекращения рытья туннеля. Их представители утверждают, что непрерывная рационализация техники морских перевозок опрокидывает все предварительные расчеты по экономичности туннеля.

Когда в марте 1973 года в Англии вышла «Зеленая книга», ратовавшая за скорейшее строительство туннеля, газета «Таймс» с подозрением спрашивала: «После того, как мы прождали 170 лет, почему вдруг эта спешка?»

Но есть и еще одна причина столь примерной медлительности: вопрос финансирования. Проект, осуществление которого, по послевоенным подсчетам, оценивалось в 25 миллионов фунтов стерлингов, превратился в барометр роста инфляции в Западной Европе. В 1960 году расходы определялись в 130 миллионов фунтов, в 1966-м — 200 миллионов, в 1973-м — 468 миллионов, а к 1980 году (когда предполагается сдать готовый туннель), по мнению экспертов, окончательная сумма будет равняться 846 миллионам фунтов стерлингов. Большие надежды возлагались и английской и французской стороной на капиталовложения частных фирм (пока что истрачен 1 миллион фунтов на предварительные расчеты). Однако частные инвесторы ведут себя более чем сдержанно. Если вначале они были готовы взять на себя 60 процентов расходов, то в 1971 году эта цифра понизилась до 30 процентов. Компании «Сосьетэ франсез дю туннель сюр Ла-Манш» и «Бритиш шэнел тунел компани» со стоящими за ними финансовыми группами сообща вкладывают лишь 10 процентов, причем британская сторона ввела в договор параграф, позволяющий ей в любой момент отказаться от участия...

Быть или не быть туннелю в 1980-м — вот в чем вопрос...

«ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ВСЕХ ПОДРОСТКОВ РАБОТАЮТ ЕЖЕДНЕВНО СВЫШЕ 8 ЧАСОВ»

Так гласит подпись под этой фотографией из журнала «Штерн», на которой изображены ученики-шахтеры дортмундского рудника «Ханза». В корреспонденции под названием «Красные щипцы» журнал рассказывает о том, как западногерманский профсоюз «ИГ-Металл» пытается организовать кампанию по проверке охраны труда подростков в ФРГ, а статистика здесь тревожная. Недавно один из ответственных сотрудников федерального министерства труда признал, что половина рабочих уходит на пенсию преждевременно и не исключено, что причина этого — в перегрузке, приходящейся на юношеские годы.

Калейдоскоп составили Г. НАЛЕСНЫЙ и Ю. СВЕРДЛОВ.
Фото из журналов «Штерн», «Тайм».

СВОБОДУ ЛУИСУ КОРВАЛАНУ!

Имя Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана звучит сейчас на языках всех народов мира. Оно вызывает чувство гордости, чувство гнева и боли. Оно стало символом борьбы с фашизмом, который залил кровью чилийскую землю.

Чилийцы любовно называют Луиса Корвалана — Лучо... И, пожалуй, это короткое имя лучше всего выражает образ этого человека. Лучо невысок ростом. У него обаятельная улыбка. На висках белеет седина. И похож он на школьного учителя.

Коммунист — это прежде всего боец. Луис Корвалан вступил на путь борьбы 16-летним юношей. За тридцать с лишним лет политической деятельности он пережил много разных дней, и радостных и печальных. Чаще печальных, потому что к власти в Чили обычно приходили люди, угодливо склоненные перед иностранными монополиями, такие, как диктатор Гонсалес Видела. Именно он в конце сороковых годов запретил деятельность Компартии Чили и порвал дипломатические отношения с СССР.

Луиса Корвалана не раз бросали в тюрьмы. Он сидел в тюрьме Антофагасты, в тюрьме политической полиции в Сантьяго, его ссылали в концлагерь в Писагуа.

И, конечно, не раз пытали.

— В политической полиции,— вспоминал как-то Корвалан,— меня «обрабатывали» иногда до трех часов утра.

— А позднее вы не боялись, что вас могут арестовать и пытать?— спросили Лучо журналисты.

— Я уже прошел через это,— ответил Корвалан,— и в моей жизни были и аресты и пытки...

В то время, когда Лучо оказывался на свободе, он без страха и сомнений снова включался в борьбу. На протяжении многих лет он редактировал в подполье газету «Эль сигло» — орган Компартии Чили. Когда в 1958 году компартия стала легальной, коммунисты Чили избрали Лучо Генеральным секретарем своей партии.

На этом посту он боролся за объединение прогрессивных политических партий, за создание блока Народного единства. Коалиция левых сил была создана и одержала победу на президентских выборах 1970 года.

Военный переворот в Чили вызвал гнев всех людей земли. «Гориллы» силой захватили власть в этой стране, убили президента Альенде, обрушили репрессии на чилийский народ. Они заточили в концентрационный лагерь на острове Досон Луиса Корвалана. Но даже будучи в заключении, Лучо внушает страх фашистам. Как много они отдали бы, чтобы даже в помине не существовало имени Луиса Корвалана. Но имя это есть. И оно будет объединять людей и зажигать в их сердцах надежду на лучшее будущее Чили.

Василий ЧИЧКОВ

Луис Корвалан. Июль 1972 года.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

ЛЕНИНГРАД

ДИАЛОГ РАСТЕНИЙ И ЧЕЛОВЕКА

Во все времена земледелец старается понять, что необходимо растению. Но его окружают безмолвные поля. А вот делянки Агрофизического института Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина отнюдь не безмолвны, здесь ведется диалог между растением и человеком.

Лаборатория биокибернетики. На экране осциллографа пульсирует кривая испарения листа. Как напоминает она запись дыхания человека! А вот другие пики — изменение потенциала электрического поля, замеренного на фасоли. Они похожи на кардиограмму выздоравливающего человека. И в самом деле, растение недавно болело. Теперь оно оживает.

Казалось бы, есть явления, которые свойственны только людям и животным, например, условные рефлексы. Еще И. П. Павлов поставил знаменитые опыты: приручил собак есть в определенное время, и даже если пищи не было, у животных выделялась слюна. Но разве может быть нечто подобное и у растений, ведь деревья не едят, по крайней мере не принимают пищу в определенное время?

В Институте агрофизики поставили эксперимент... Известно, что растение испаряет влагу только на свету. Так вот ученые чередовали тьму и свет через точно определенное время. Растение привыкло и подчинялось обычному порядку вещей. Но вот лампу выключили раньше времени. А растение? Оно продолжало испарять влагу и в темноте...

Интересно? Безусловно. Но ведь не одно любопытство заставляет ученых ставить подобные эксперименты. Из бесед с профессором А. Ф. Чудновским и другими сотрудниками института для меня стал ясен глубинный смысл экспериментов ленинградских ученых.

По экрану осциллографа бегут тревожные всплески. Эти сигналы — крик растений: «Пить хочу!» Пока это одиночные просьбы. Но вот хор растений становится настойчивым, многочисленным, сильным. И тогда кибернетический «мозг» включает поливочное устройство. Всплески на экране постепенно сменяются спокойной кривой.

А не слишком ли это сложно — кибернетика для простого полива?— спросит читатель. Так ведь в том-то и дело, что речь идет не только о поливе. В совхозе «Тепличный» под Ленинградом не так давно появились автоматические теплицы. Овощи в них выращиваются на искусственной почве — камнях, шлаках — гидропонным способом. Все питательные вещества приходят к овощам вместе с поливом. И вот тут полностью оправдывает себя кибернетическая система. Растения через прикрепленный к ним датчик сообщают на пульт управления, какая им нужна температура, когда включить свет или подать воду. Электронно-вычислительная машина ничего не принимает на веру. Она здесь представляет человека, и ее цель — создание оптимальных условий для растений во имя высокого урожая.

А как применить достижения агрофизики уже не в теплицах, а на полях?

Опытное поле Института агрофизики. Сейчас на нем трудятся сотрудники лаборатории... полупроводников. Исследования профессора А. Ф. Чудновского показали интереснейшие вещи. Например, влага в тонких капиллярах, которыми пронизано растение, не превращается в лед даже при 70—80 градусах мороза. А ведь до сих пор считалось, что при незначительных заморозках растение погибает.

Синоптики предсказывают погоду для целых районов. Их методы слишком неточны, чтобы определить микроклимат отдельного поля. И здесь на помощь земледельцу скоро придут полупроводники, приборы, разработанные в институте. Они помогут растению рассказать о себе.

Академик А. Ф. Иоффе, создавая Агрофизический институт, смотрел далеко вперед. Он мечтал об органическом сочетании передовой физики с высокопродуктивным сельским хозяйством. Все приборы, о которых мы рассказали, по сути, уже есть. Ленинградские физики выходят на поля.

А. ХАРЬКОВСКИЙ

НОВОСИБИРСК

ХОЛМ ШАМАНОВ ОТКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

— Это кочевники.— Академик Окладников хмурит брови.— Захоронению полторы-две тысячи лет. Не больше. А я, признаться, рассчитывал на встречу с каменным веком.

Ученый устало опустился на бревно. Он был разочарован.

Археологическая экспедиция Сибирского отделения Академии наук высадилась на Ольхоне — самом большом острове Байкала. Местом раскопок был выбран холм напротив скалы Шаманка.

— Однако не первый ты здесь землю ковыряешь,— иронически подмигнул Окладникову старик бурят Ихиритов.— Третья экспедиция счастья пытает, и все впустую.

Алексей Павлович неторопливо обошел холм, осмотрел места старых раскопок, подумав, решительно указал на небольшую площадку:

— Начнем здесь.

Сантиметр за сантиметром аккуратными пластами снимается земля. Но вот лопата стукнулась о кусок дерева.

— Эко, паря, поди, сквозь землю видишь,— восхищенно произносит старик.

Хорошо сохранившееся дерево и береста навели ученого на мысль, что захоронение сравнительно молодое и принадлежит кочевникам. Но через несколько часов Окладников уже довольно улыбается:

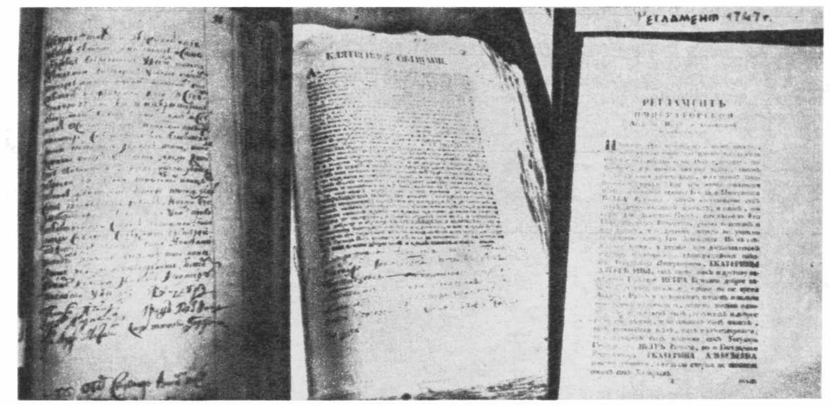
— Тревога ложная: это первые неолитические погребения. Возраст четыре — четыре с половиной тысячи лет. И что удивительно: деревянные, берестяные конструкции сохранились. Такого у нас в Прибайкалье еще не встречалось.

Теперь археологи работают только кисточками. Тщательно выверяется каждое движение.

— Чем интересны наши находки?— говорит академик Окладников.— Они дают возможность исследовать не только материальную культуру, но и социальное расслоение общества, которое уже начиналось в тот период. Богатых мастеров, охотников хоронят пышно, с почетом, на видных местах. Эти холмы и скалы сами по себе

Академик Окладников ведет раскопки.

1724 • СТРАНИЦЫ

Уникальные документы, рукописи, книги, письма, рисунки, связанные с созданием и развитием Российской Академии наук, представлены на выставке редких документов в Доме ученых.

Вот запись в журнале заседаний Сената об основании Академии наук 1724 года. «Клятвенное обещание» М. В. Ломоносова 1745 года при назначении его профессором; регламент Императорской Академии наук и художеств...

* * *

Так выглядит медаль, посвященная Петру I — покровителю наук и художеств. На лицевой стороне надпись «Петр Великий император Российский отец отечества». На оборотной стороне выгравировано двустишие: «Из небольшого велик, когда свои скиптры оставив, учит мастерствам, будучи мастером сам».

* * *

Всем известен Академгородок Сибирского отделения Академии наук СССР. А идея подобного рода научного объединения принадлежит нашему великому соотечественнику Михаилу Васильевичу Ломоносову.

И не только идея. В 1759 — 1760 годах он разработал план создания академического городка из 14 корпусов, где разместились бы все научные учреждения и квартиры академиков, студентов и обслуживающего персонала. «Профессоры университетские,— говорил Ломоносов,— для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить чрез нарочитое расстояние, а особливо осенью и весной, в ненастные дни не без чувствительной трудности...»

Ломоносов сам вычертил план всех «палат» городка и составил смету.

Этот великолепный замысел получил одобрение и... был похоронен в архивах.

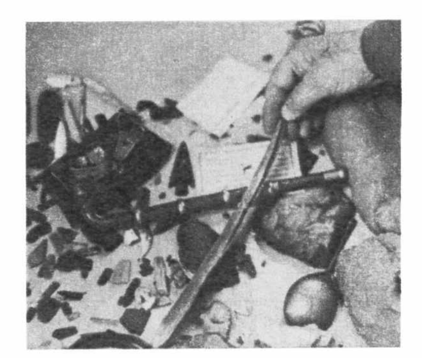
Первым президентом Академии был медик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (с 1725 по 1733 год). По высказываниям современников «человек большой учености», владевший несколькими иностранными языками.

* * *

В 1864 году во главе Петербургской Академии наук стал Федор Петрович Литке. Известный полярный исследователь и мореплаватель.

18 лет отстаивал Литке интересы Академии. Среди многочисленных его забот о развитии наук в России особое место занимает увлеченность метеорологией и географией нашей родины.

По его настоянию в разных ме-

Ольхонские находки.

будут служить им вечным памятником. Выбор места также говорит о высокой духовной культуре людей того времени.

Приятным открытием для ученых были нефритовые диски. Некоторые из них недоделаны и положены в могилу, чтобы мастер мог их «доделать потом». Подобные находки были обнаружены на Ангаре, что еще раз подтверждает — центр производства нефритовых дисков находится именно здесь.

— Алексей Павлович, как вам удалось обнаружить захоронение там, где предыдущие экспедиции ничего не нашли?

— Ольхонское захоронение интересовало меня давно. И, откровенно говоря, я основательно готовился к этой поездке. На месте мы внимательно проанализировали работу предыдущих исследователей и внесли окончательные коррективы в свой план. Таким образом, наши предшественники, даже потерпев неудачу, содействовали успеху экспедиции.

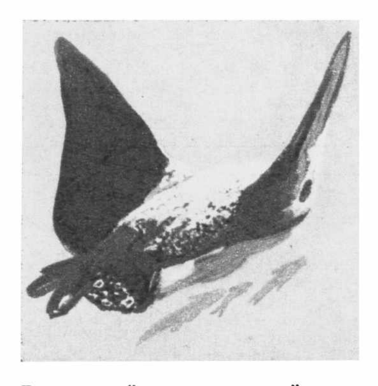
Сейчас ольхонские находки обрабатываются учеными Института истории СО АН СССР.

Л. МОНЧИНСКИЙ

МОСКВА

«АКТЕРЫ И ЗРИТЕЛИ»

Так называется опыт, проведенный в лаборатории Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова Академии наук СССР.

Гигантский электрический скат

В два аквариума, расположенные на расстоянии семи метров друг от друга и соединенные только электропроводами, поместили угрей.

В одном аквариуме сидел угорь-актер, или, по-научному, угорь-генератор, а в другом несколько угрей-зрителей, или перципиентов. Когда угорь-актер по заданию ученых «охотился», «оборонялся» или «искал пищу», в другом аквариуме зрители бурно «сопереживали». При каждом разряде первого угря они подплывали поближе к электродам и начинали посылать ответные разряды соответствующей частоты.

— Все электрические рыбы во время охоты или обороны устанавливают активный контакт со своей жертвой или врагом,— рассказывает руководитель лаборатории Владимир Рустамович Протасов.— К примеру, угорь, скат выслеживают свою жертву на расстоянии и, только оценив свои и ее возможности, создают соответствующие биоэлектрические поля определенной мощности. Затем следуют «охотничьи залпы», количество импульсов в которых также строго соответствует размерам жертвы — ни больше, ни меньше того, что требуется! То же самое происходит и при обороне.

Удивителен и загадочен мир электрических ощущений рыб. Они оказались единственными животными, способными воспринимать и анализировать окружающий мир с помощью электрических полей. Каким образом, для каких целей и какие виды рыб применяют эти поля? Как можно на практике использовать электрические свойства рыб? Над этими вопросами работают ученые.

Угорь обладает наиболее сильным электрическим зарядом. При длине в один метр он создает электрическое поле, простирающееся на 5—10 метров. Напряжение настолько велико, что при разряде его мощности хватит, чтобы зажечь шесть 100-ваттных ламп. Встревоженный чем-либо угорь посылает серию следующих друг за другом разрядов, которые и создают оборонительные электрические поля. Энергии достаточно, чтобы контузить человека и убить мелкое животное.

Исследованиями установлено, что некоторые виды рыб используют электрическое поле для своеобразной локации. Нильская щука, например, исследуя незнакомый объект, поворачивается к нему хвостом и как бы ощупывает его на расстоянии со всех сторон. Известно, что в хвосте щуки расположен электрический орган.

Приемы, используемые электрическими рыбами в охоте за добычей, отработаны в ходе эволюции. Они оптимальны.

Ученые предполагают использовать эти «секреты» в приборах для лова, учета, пеленгации и наблюдений за жизнью рыб.

О. ЕФИМОВА

АЛМА-АТА

ВОДА ПОДЗЕМНОЙ РЕКИ

Знаете ли вы, что миллионы лет назад большая часть Центрального Казахстана была полуостровом, окруженным с севера, с запада и юго-запада огромным морем? С течением времени на дне образовался мощный слой водопроницаемых песков. И сейчас вместо древнего морского бассейна осталась как бы огромная чаша, насыщенная пресными подземными водами.

Но как достать, вывести на поверхность подземное богатство? Ведь Казахстан так нуждается в пресной воде.

Этой проблеме посвящен интересный проект, созданный президентом Казахской Академии наук Ш. Е. Есеновым, профессором С. М. Мухамеджановым, академиком АН Казахской ССР Е. Д. Шлыгиным.

Проект называется «подземная река». В названии заключен его смысл: перебросить воды Иртыша и Оби подземным путем, используя водоносные слои равнинной части Казахстана. Пополненный водами двух рек, подземный поток, выведенный на поверхность при помощи артезианских скважин, оживит засушливые районы северной и северо-восточной части республики и даст вторую жизнь высыхающему Аральскому морю.

Сейчас уже несколько хозяйств Павлодарской области используют артезианские воды для орошения, другой воды там вообще нет. В девятой пятилетке предполагается оросить свыше 10 тысяч гектаров. Затем постепенно будут создаваться зоны поливного земледелия от Прииртышья до Тургайской впадины.

К. АЛЕКСАНДРОВА

ИСТОРИИ • 1974

стах страны были учреждены 30 метеорологических станций,и, можно сказать, при нем родилась Служба погоды в России.

В конце 1877 года под Петербургом начала работать Павловская магнитная и метеорологическая обсерватория.

Будучи президентом, Литке фактически руководил и Географическим обществом, считая его как бы отделением Академии. При нем были организованы многочисленные экспедиции для изучения Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Ему принадлежит идея специальных судов, которые при исследовании полярных морей могли бы зимовать в любом месте и «смело втираться в льды, не подвергаясь большой опасности быть проломленными или раздавленными».

* * *

С первых же дней основания Академия избирала почетных членов из иностранных ученых. В 1724 году это звание получил Христиан Вольф — крупнейший немецкий ученый, профессор философии и математики.

25 октября 1773 года Академия единогласно избрала своим иностранным почетным членом Дени Дидро.

Дидро отправил в Академию благодарственное письмо:

«Милостивые государи! Не могу достаточно выразить Вам моей благодарности за звание, которым Вы меня почтили. Вы присуждаете его лицам, заслуги которых достаточно признаны, или людям, которые ранним проявлением своих талантов подают повод возлагать на них самые большие надежды...»

* * *

В 1839 году на Пулковских высотах под Петербургом была создана Главная астрономическая обсерватория Академии наук. Первым директором стал ее создатель академик В. Я. Струве. Талантливый организатор и энтузиаст науки, Струве развернул энергичные работы чуть ли не во всех направлениях астрономии.

Обсерватория обзавелась и «собственным» меридианом. Пулковский меридиан стал началом отсчета долгот в России. В грандиозном мероприятии — измерении дуги меридиана от берегов Северного Ледовитого океана до Дуная — принимали участие русские, шведские и норвежские ученые.

Астрономической столицей мира назвал Пулковскую обсерваторию известный американский астроном Б. Гулд. Многие иностранные ученые приезжали сюда совершенствоваться в области практической астрономии и обработки наблюдений.

Два года работал здесь молодой Дж. Скиапарелли — известный итальянский астроном, прославившийся тем, что первым обнаружил «каналы» на Марсе, а затем и атмосферу на этой планете. Уехав из России, он всю жизнь поддерживал дружеские связи с русскими астрономами. Все свои работы по астрономии он посылал в библиотеку обсерватории с неизменной надписью — «от бывшего ученика».

* * *

Почти с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство, В. И. Ленин приступили к налаживанию международных контактов с учеными. Многие передовые западные ученые горячо приветствовали сотрудничество с советской Академией. Свидетельствуют об этом, в частности, письма выдающихся деятелей мировой науки, ставших членами Академии уже после Октябрьской революции.

«Дорогой господин и многоуважаемый коллега! — пишет непременному секретарю нашей Академии С. Ф. Ольденбургу лауреат Нобелевской премии 1922 года Нильс Бор.— Примите мою самую искреннюю благодарность за Ваше любезное письмо и ту великую честь, которую Вы мне оказали, включив мое имя в список членов-корреспондентов Российской Академии наук, содержащей целый ряд известнейших имен, которыми я восхищаюсь...»

«Многоуважаемый сэр! — обращается Э. Резерфорд в письме к С. Ф. Ольденбургу от 12 февраля 1923 г.

Получил Ваше сообщение, извещающее меня о том, что я избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Я очень высоко ценю это высшее отличие со стороны одной из старинных Академий, которая сыграла столь важную роль в истории науки».

Переписка эта происходила в то время, когда между Англией и Советской страной еще не были установлены дипломатические отношения.

* * *

«Глубокоуважаемые коллеги!

Для меня особая радость и честь, что Вы сделали меня членом Вашей Академии. С чувством сердечной симпатии я благодарю Вас.

С совершенным почтением.

А. Эйнштейн».

Это письмо было написано 18 декабря 1926 года.

Эйнштейн искренне приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, восхищался В. И. Лениным. «Я уважаю,— заявлял А. Эйнштейн,— в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости».

О. ПЕРФИЛОВА

25 лет СЭВа

ОГОНЁК

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИ

**Н. ЦВЕТКОВА,
Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты «Огонька»**

«146 СЛУШАЕТ!»

На югославо-болгарской границе сгрудились видавшие виды потрепанные «мерседесы». Целая колонна. Таможенники их тщательно осматривали.

— Откуда они и куда? — спросили мы болгарского пограничника.

— Из ФРГ перегоняют в Турцию. Ломается это старье чуть не на каждом километре. Так что прибавится хлопот нашей службе дорожной помощи.

— А что это за служба? — заинтересовались мы.

— Приедете в Софию, позвоните в Союз болгарских автомобилистов (СБА) по телефону 146. Там все расскажут.

Тогда мы еще не знали, что этот телефон известен каждому болгарскому водителю и, как потом оказалось, не только болгарскому. Но все по порядку. Приехав в Софию, мы позвонили по телефону 146.

— Марка вашей машины? Что сломалось? Куда выезжать? — деловито осведомился голос в трубке.

— Ничего не сломалось,— ответили мы,— нам просто хотелось узнать, что такое болгарская служба дорожной помощи.

— Ах, вот оно что. Тогда милости просим к нам!

Мы попали в Союз болгарских автомобилистов в тот день, когда закончилось совещание представителей автомобилистов социалистических стран — национальных клубов и союзов. Они уже не первый год эффективно сотрудничают и сейчас собирались опять — обсудить общие, волнующие всех проблемы: перспективы автомобилизации, обучение водителей и механиков, техническое обслуживание, развитие автомотоспорта, культуру и безопасность движения. Стремительный и энергичный Борис Гачев, начальник учебно-технического управления центрального совета СБА, увлек нас за собой на улицу и повел куда-то на такой скорости, словно мы соревновались в спортивной ходьбе. Внезапно Гачев остановился перед небольшим домиком, толкнул калитку и вошел во двор.

— Вот, смотрите сами! — воскликнул он.— Это здесь.

Мы увидели два ярко-оранжевых «Москвича», около которых возились техники в фирменных фуражках. На «Москвичах» было написано «Пътна помощ» («Дорожная помощь»). Неугомонный Гачев немедленно распахнул багажник, и мы увидели внутри набор различных инструментов, запасные части, аптечку, буксировочную тележку и даже носилки. Потом так же стремительно он ввел нас в домик, где перед шестью телефонами с цифрой 146 сидел дежурный диспетчер.

— О чем бы вы осведомились, случись у вас поломка машины? — спросили мы у него.

— Состоите ли вы в СБА, а если вы иностранцы, то состоите ли в союзе автомобилистов своей страны.

— Это так важно?

— Членам союза (и не только болгарского) техническая помощь на дороге оказывается бесплатно. Если же повреждение нельзя устранить на месте, то машина транспортируется к станции обслуживания за весьма умеренную плату (членам союза со скидкой), причем на расстояние до пяти километров бесплатно. При ремонте оплачивается только стоимость запасных частей.

— В нашем распоряжении восемьдесят три специально оборудованных «Москвича»,— сказал Борис Гачев,— два из которых вы уже видели. Они патрулируют основные дороги Болгарии, и в будущем их будет еще больше. Телефонная связь позволяет нам знать, где находятся машины. Управляют ими весьма квалифицированные техники, мы стараемся, чтобы они имели начальное медицинское образование. Мы бы хотели свой опыт распространить на все страны СЭВа.

В это время зазвонил телефон, и диспетчер снял трубку.

— Ну вот,— сказал он,— можете увидеть нашу дорожную помощь в действии. Звонит пострадавший Иван Йорданов. Приехал на «Вартбурге» из Перника, и на окраине Софии у него сломалось сцепление. Машину повезут на специальном тягаче.

Мы вышли из диспетчерской. У ворот уже стоял оранжевый грузовик с длинной платформой. Мы забрались в кабину и поехали на место аварии. Механик Крыстю Младенов подогнал тягач к «Вартбургу», нажал какую-то кнопку, из платформы грузовика вылезли две стальные балки и под наклоном уперлись в землю. Тогда он прицепил трос к пострадавшей машине и лебедкой втащил ее на платформу. Нажал кнопку — балки снова спрятались. Все это заняло каких-то десять минут.

Новелла ЦВЕТКОВА

СВИДАНИЕ С СОФИЕЙ

Сегодня воскресенье. Вечером, как условились с коллегой из журнала «Огни Болгарии» Юрием Царвулановым, мы заглянем «на огонек» к софийским новоселам, узнаем, как им живется. Ну хотя бы в том доме, куда два года назад переехал сам Юрий. Но это будет вечером. А теперь скорее на улицу. Меня ждет София. На встречу с ней иду пешком. Я убеждена, что города прячут свое сердце от автомобилистов и открывают его только неторопливым прохожим. Здравствуй, София! В самом центре вот уже сотни лет бьет горячий источник. Люди остановятся хлебнуть глоток-другой и идут дальше. Я тоже остановилась и прильнула к струйке. Там, где я сейчас стою, находятся остатки селища фракийского племени сердов. От них город получил свое самое первое древнее имя — Сердика. Рядом — маленький, уютный сквер. Здесь, как и всегда, на скамьях безмолвно часами сидят величественные старики в шапках из овчины. Старушки в низко повязанных черных платках сторожат разноцветные детские коляски. Я заглядываю в одну: кто там, мальчик или девочка?

Бабушка ласкает взглядом темную челку, носик пуговкой и соску, дрожащую во сне.

— Лиляна — внученька...

Мимо спешит деловая София — с портфелями, сумками и София студенческая — в мини-юбках и с прическами «макси». Уличная толпа явно помолодела. Это ясно и без статистических справочников. Но кое-какие сведения стоит здесь привести. До второй мировой войны в городе было 390 тысяч жителей. Сейчас — больше миллиона. Прежде тут находилось всего несколько вузов. Теперь армия софийских студентов насчитывает шестьдесят тысяч. Двести предприятий столицы дают пятую часть промышленной продукции всей страны. Многие из этих заводов и фабрик построены по советским проектам. Здесь производится почти все, что нужно для удовлетворения потребностей человека: телевизоры и холодильники, телефоны и электронно-вычислительные машины, ткани и одежда, обувь, продукты.

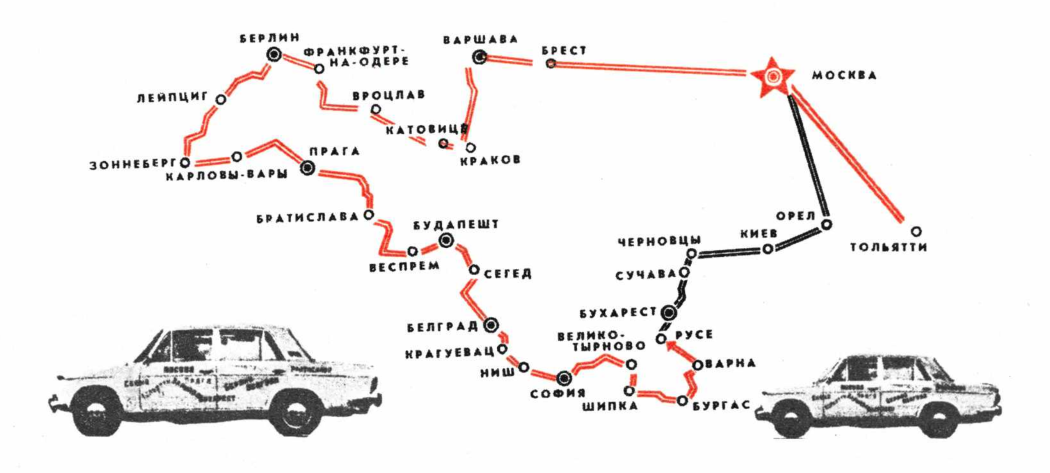
Регулировщик перекрыл уличное движение. Машины послушно замирают: улицу переходят гуськом питомцы детского сада. Зеленую улицу детям! Это уже не символ, а первостепенная задача социальной политики государства. В проекте нового болгарского кодекса о труде предусматривается право матерям работать половину рабочего дня. При этом в стаж будет засчитываться полный рабочий день.

Возросший темп жизни Софии ощущаешь не только на земле, но и под землей. Подземные переходы, проложенные по тем местам, где был расположен город еще в римскую эпоху, превращены в своеобразные музеи. Толпа выносит меня наверх, и я делаю вывод: пожалуй, по темпам передвижения софийский пешеход не уступает нашему, московскому. Кажется, я переоценила свои возможности — Софию быстро не обежишь. Хочется взглянуть на знаменитые памятники города. Во многих из них живет любовь к моей родине, к нашим воинам, которые дважды приносили свободу Болга-

---

См. «Огонек», №№ 14, 15, 16, 17, 18.

ГУЛЯХ»

рии. Потому здесь так много — почти шестьдесят! — улиц, площадей и бульваров, которые носят русские имена. В Софии есть улицы Александра Невского, Ивана Сусанина, Кутузова, Горького, Чапаева, Толбухина, Гагарина. А самая большая центральная площадь и самый красивый бульвар названы именем Ленина.

ИНТЕРВЬЮ В КВАРТАЛЕ «МОЛОДОСТЬ»

Уже вечерело, когда мы с Юрием Царвулановым выезжали на Пловдивское шоссе.

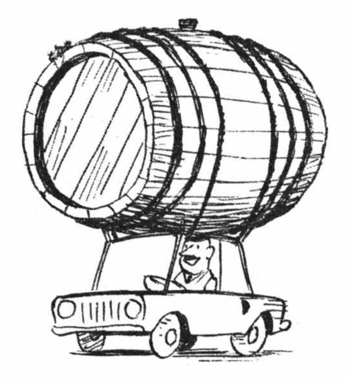
В Софии есть улица Нено Царвуланова и больница, названная его именем. Это дед Юрия, новосела из квартала «Молодость».

— Юра, расскажи о нем...

— Делегат II съезда Болгарской коммунистической партии, врач-коммунист, был убит в фашистских застенках в 1925 году. Тогда ему было 48 лет.

— Как стал он коммунистом?

— Дед родился в крестьянской семье. Еще гимназистом в Габрове участвовал в создании первых марксистских кружков. Его исключили из гимназии. Тогда он переехал в Сливен, и все продолжалось, как и прежде, только теперь он стал осторожнее. Позднее, в Швейцарии, где деду удалось получить медицинское образование, он читает «Искру», знакомится с большевиками, встречается с Лениным и, вернувшись на родину, организует в Союзе болгарских врачей коммунистическое ядро. Потом он становится первым секретарем этого союза. Тогда его, как коммуниста, уволили с работы. Семье приходилось трудно. Дед продолжал бесплатно лечить своих пациентов. Когда же в Болгарии в 1923 году началось сентябрьское восстание, он с надеждой приветствовал его и сам готовил санитаров для будущих боев. Этого ему не простили фашисты.

...Социалистическая Болгария так быстро шагает в будущее, что даже ее ровесники порой не узнают родных мест.

— Вот тут, среди полей, совсем недавно стояла деревушка,— рассказывает Юрий Царвуланов.— Теперь видишь это новое красивое здание? Институт электроники. По правую сторону от него — болгарский атомный центр.

Всего лишь тридцать лет назад Болгария была одной из самых отсталых стран в Европе и ввозила из-за границы даже швейные иголки, а ныне республика входит в первую десятку государств по производству электро- и автокаров, продукция металлургической промышленности выросла за эти годы в 450 раз!

Мы идем по улицам, у которых еще нет имен. Пока их называют блок номер один, два, три... Огромный тягач мимо нас протащил стену чьей-то будущей квартиры. Сколько же домов уже построено в квартале «Молодость»?

— Точно не знаю,— отвечает Юрий,— но в газетах читал, что тут живет одна десятая часть населения столицы. Утром и вечером на автобусные остановки выходит около ста тысяч человек...

Асфальтированные дорожки, аллеи, где уже высажены молодые деревца, запружены детворой всех возрастов. Вот уж кому тут полное раздолье! А вот и блок № 8, где живет Юрий. Входим в подъезд и останавливаемся у квартиры № 140. На табличке, прикрепленной к двери, написано: «Эля и Петр Пироновы. Артисты цирка».

Первое интервью в квартале «Молодость» началось с чашки ароматного кофе. Нас угощает маленькая, изящная женщина, хозяйка дома Эля Пиронова.

— Наша профессия — акробатика, а точнее, эксцентрические номера. Отец мой рабочий — он строил старую Софию. Мы живем тут втроем — муж, я и шестилетний сынишка Цветан. Нравится ли нам здесь? По-моему, лучше этого дома и быть не может.

— Жаль только, что в Болгарии мы не бываем порой месяцами,— вступает в разговор глава семьи.— Приходится много разъезжать. Вот и сейчас готовим новую программу, с которой поедем в Японию.

Оказалось, что я беру интервью у представителей старейшей цирковой труппы Болгарии. Вот уже сто пятьдесят лет выступают на манеже Пироновы. Сейчас в труппе, возглавляемой отцом, заслуженным артистом Народной Республики Болгарии Любеном Пироновым, работают два сына и обе невестки. Петру Пиронову двадцать семь лет — из них 22 года рабочий стаж.

— Значит, цирковое образование получено по наследству?

— Конечно, учил нас отец, а Эля пришла в труппу после балетного училища. К сожалению, в Болгарии пока нет такого замечательного учебного заведения, как училище циркового искусства в Москве. Мой брат Тодор закончил ГИТИС, и теперь он режиссер в нашем цирке.

Слово берет гость и давний друг этого дома артист цирка Панойот Ставрев:

— Четыре раза приезжал я в Советский Союз на гастроли, они длились порой по нескольку месяцев, и всегда отношение к нам, болгарским артистам, такое, будто мы дома, среди своих самых близких, которые волнуются за нас и стараются помочь как только можно. Когда советские артисты выступают у нас, они говорят то же самое.

Мы вышли на улицу. В окнах зажглись огни, и город молодости выглядел праздничным и веселым. У подъезда блока № 8 в затылок друг другу выстроились «Запорожцы», «Жигули», «Пежо», «Волги». У раскрытого капота одной «Волги», подсвечивая себе фонариком, возился высокий человек в спортивной куртке.

— Добрый вечер, Иван!

— Здравствуй, Юра!

— Что-нибудь серьезное с машиной?

— Да нет, уже все в порядке.

Собеседник Юрия Царвуланова говорит по-русски без акцента.

— Он болгарин?

— Стопроцентный,— с улыбкой отвечает мой гид Юрий,— физик и лирик одновременно. Ну как, будем брать у него интервью?

— Будем.

Наконец-то я нашла новосела, который хорошо знал, кто здесь живет!

— Мне самому было очень интересно полистать нашу «домовую книгу». Я узнал, что мои соседи — рабочие, служащие, преподаватели школ и вузов. Художники, артисты, архитекторы, врачи, пенсионеры и главный повар ресторана «Крым», кстати, человек очень известный в Софии. Народ в основном молодой или среднего возраста. Старшее поколение предпочитает старую Софию. Например, мои родители живут в центре на бульваре Толбухина. Но я им не завидую, ведь они не видят нашу Витошу, а у меня она каждый день перед глазами! И не только у меня. Вы представьте себе: сто тысяч человек каждый день видят и эти горы и этот закат. Здорово, правда?

— Вы так хорошо говорите по-русски...

— Еще бы! Я прожил в Советском Союзе целых десять лет! Окончил физфак в Казани, поехал в Дубну, потом учился в Москве в аспирантуре. Вернулся на родину с женой-физиком и двумя ребятишками.

— Она довольна тем, как вы устроились здесь, в городе молодости?

— Конечно! До нашей работы отсюда недалеко, а для ребят есть и детский сад и школа.

Последнее интервью — в квартире молодого инженера-химика Асена Гыбева и его жены Светланы. Вопрос, с которым мы сюда вошли: что такое «софийский характер»? — задержал нас надолго. Оказывается, Асен и Светлана не раз обсуждали эту тему с друзьями и родными, и нужно сказать прямо, что не всегда старшее поколение соглашалось с младшим.

— В нашем городе за последние пятнадцать лет население увеличилось в три раза. Да как иначе, ведь в Софии появились целые новые отрасли промышленности, а значит, новые рабочие.

Эти люди и формируют, по мнению Асена, «новософийский характер», который прежде всего отличается энергичностью.

— Может быть, вы видели такую картину: на крыше «Запорожца» едет бочка вина? — спрашивает Асен.— Караван машин курсирует по дорогам Софии: горожане везут из деревни всякую снедь, и не потому, что ее мало в Софии. А потому, что не порывают связей с деревней.

— И ваша семья тоже?

— Мы не исключение,— говорит Светлана Гыбева.— У нас двое детей — семи и двух лет. Они живут в ста километрах, в деревне у родных Асена. Два или три раза в неделю мы туда ездим.

— Я хотел бы добавить, в отличие от многих стран, где люди бегут из села, в Болгарии этого нет. Дело, конечно, прежде всего в высоком уровне жизни на селе. Люди живут в отличных домах, обставленных современной мебелью, с телевизорами. Сегодня условия труда в сельском хозяйстве приближаются к тем, в которых трудится рабочий на заводе. Все больше личных машин стало в селах и маленьких городах. Возьмите Трян, который славится своими ремесленниками-мастерами. Я был там недавно. На единственной улице этого села насчитал двадцать легковых автомобилей. Жизнь становится богаче, и это не может не радовать каждого из нас.

Юрий КРИВОНОСОВ:

РЕПОРТАЖ НЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Мы решили сделать репортаж о болгарской семье, которая недавно купила «Жигули». Отыскать такую семью поручили мне. Можно было, конечно, пойти в КАТ (по-нашему ГАИ) и найти нового владельца по регистрации. Но я подумал: самое лучшее — спросить у

Коли. И отправился на одну из тех тихих софийских улиц, которые, на мой взгляд, составляют главное очарование болгарской столицы.

Сколько знаю Колю, всегда возле его дома стоит несколько машин самых разных марок, а в гараже торчат их владельцы. Они все ценят Колю как великолепного диагноста и мастера — золотые руки: он умеет определить в автомобиле любую самую скрытую неисправность и ликвидировать ее, обычно даже при отсутствии фирменных запчастей. Должен сразу предупредить — Коля не автомеханик, автомобиль — его страсть, а посетители гаража — не клиенты, а приятели. Но не подумайте, что Никола Нинов — человек, ошибочно выбравший профессию. Отнюдь нет. Он прекрасный врач-микробиолог, исследователь, великолепный диагност (и тут тоже!), педагог, изобретатель и опять же мастер — золотые руки: все приборы, разработанные им для своей лаборатории, он сам и соорудил. Работает он в медицинской академии в должности старшего научного сотрудника второй степени, что соответствует нашему доценту. Начинал Коля как санитарный врач, заинтересовался вирусологией, а потом полиомиелитом. В начале шестидесятых годов впервые приехал в Советский Союз — на специализацию в институт полиомиелита и вирусных энцефалитов, руководимый профессором Чумаковым. В ту пору мы с ним и познакомились.

Помню, как он позвонил мне по телефону из Софии и спросил:

— Ты свободен после обеда? Тогда встречай меня в Шереметьеве и отвези в институт Чумакова.

С самолета Коля сошел нагруженный большими термосами, напоминавшими те, в которых когда-то доставляли нам на фронтовой аэродром горячий обед. Я сказал Коле об этой аналогии и поинтересовался, не везет ли он с собой только что зажаренные кебапчета.

— Мой груз, увы, не съедобен...— добавил хмуро Коля.— Понимаешь, какая беда, у нас было несколько случаев заболевания полиомиелитом, и я привез на исследование штаммы.

Это был 1967 год. Потом мы встречались еще несколько раз и в Москве и в Софии, и Коля рассказывал об успехах в своей области, о том, как болгарские медики внедряли советскую вакцину, провели массовую профилактику, давшую отличные результаты — уже несколько лет, как исчезли даже отдельные случаи полиомиелита, не говоря уже об эпидемиях, периодически появлявшихся в прежние годы...

— Ну, ты, как всегда, в гараже! — сказал я, как только его увидел.

— Тебе просто повезло,— ответил Коля.

И тут я заметил, что в гараже

место видавшего виды «Вартбурга» занял новый автомобиль «Жигули».

— Давно?

— Да уж несколько месяцев. Машина вполне современная. Обслуживание простое: сменил масло, проверил, и все. Время экономит, а мне вдвойне: чем больше друзей и знакомых пересядут на «Жигули», тем меньше меня будут беспокоить. Вот уже свыше тридцати тысяч на своей проехал, и никакой заботы — бегает и бегает. Хорошая машинка, непривередливая.

Я обратил внимание, что Коля очень хорошо стал говорить по-русски, и спросил:

— Домашнее образование?

— Да нет, Верочке некогда со мной заниматься, у нее своих дел хватает. Вьетнам помог...

Несколько лет назад Болгария в порядке братской помощи Демократической Республике Вьетнам построила большую больницу в городе Тхай-Бинь и оборудовала ее современнейшей аппаратурой. Туда приехала группа болгарских медиков, в числе которых был и доктор Нинов. Он налаживал работу лаборатории микробиологии и вел занятия с вьетнамскими врачами.

— Я хорошо помню, как мне помогли в свое время мои московские коллеги, у которых я специализировался, — рассказывал Коля.— Это Марина Константиновна Ворошилова, Вера Ивановна Живандрова, Любовь Леонидовна Миронова из института полиомиелита, профессор института Гамалеи Кульберг — для меня он просто Саша, нас с ним связывает уже многолетняя дружба. Я многому у них научился, а вот теперь и самому довелось помогать вьетнамским товарищам. Больницу нашу несколько раз бомбили «Фантомы», но мы продолжали работу, пока не пришлось эвакуироваться в джунгли. Когда в ДРВ приезжал член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Станко Тодоров, он встретился с нами, говорил о важности нашей работы, о той помощи, которую оказывают Болгария и другие братские страны народу Вьетнама.

— При чем же тут все-таки русский язык?—спросил я, вспомнив начало разговора.

— Так я же во Вьетнаме несколько месяцев работал бок о бок с советскими ребятами — геологами. Они искали полезные ископаемые, мы лечили людей, а жили вместе, в одном доме.

— А откуда эти геологи, не знаешь?

— Отовсюду.— Коля достал записную книжку.— Вот записывай: Константин Фриев из Гурьева, Вениамин Бондаренко из Усть-Илимска, Борис Гороховский из Алма-Аты, Иосиф Хотян — Печора. Отличные ребята!

Геологи... Вспомнился мне разговор с секретарем Старооскольского горкома партии Иваном Григорьевичем Селиверстовым, в недалеком прошлом поисковиком. Он рассказывал о работе на Кубе, где остались его ученики и сотни штолен. Молодой республике нужен был металл, и Селиверстов обследовал три провинции, излазил горы Эскамбрай и Сьерра-Маэстра. Я встречал потом на Кубе его наследников — молодых кубинских геологов. Я вспоминал Селиверстова, Старый Оскол, город Курской магнитной аномалии, где сотни болгар участвуют в сооружении металлургического комплекса, это стройка СЭВа, откуда металл пойдет во многие социалистические страны. А рядом с болгарами специалисты из Чехословакии монтировали огромный роторный экскаватор...

Вспомнились мне и советские геологи, которых я встречал в Болгарии,— они помогали разведывать нефть под Плевеном — и две палатки в монгольской степи — в одной жили молодые ребята из ГДР, они искали руду, а рядом наши геологи хлопотали около буровой установки, смонтированной на могучем МАЗе,— пробивались к пресной воде. Нелегко было стране избавиться от вековой отсталости. Но на помощь пришли друзья, весь мир социализма помогает Монголии строить новую жизнь. Так выросли индустриальные города Дархан и Чойбалсан, десятки промышленных предприятий и сельскохозяйственных объединений. И не случайно именно в Улан-Баторе находится постоянная комиссия СЭВа по геологии — отрасли науки, в которой успехи Монголии столь разительны...

В разгар нашей беседы пришла Вера и сказала:

— Коля, готовь чемодан!

— Опять в Варну? Что теперь?

— Физика...

Оказалось, что Колиной жене завтра нужно выезжать на международный симпозиум.

Вера преподает русский язык в инженерно-строительном институте. Кроме того, еще помогает инженерам, которые поступают в аспирантуру — они обязаны сдать конкурсный экзамен по русскому языку, даже если они едут и не в Советский Союз, а в какую-либо другую страну. Без русского трудно быть в курсе технических новостей и невозможно обмениваться опытом с коллегами.

— А что ты будешь делать на физическом симпозиуме? — полюбопытствовал я.

— Переводить. Только за последние месяцы в Варне и Софии были конференции по строительной керамике, бетонам, методам строительства, фундаментам. Несколько лет назад мне пришлось пройти курсы усовершенствования учителей при Московском государственном университете. И знаешь, чем я там главным образом занималась? Терминологией! А скоро, наверное, еще раз придется ехать в Москву и все с той же целью. Именно этот возросший обмен и сотрудничество заставили нас с коллегами взяться за капитальный труд — мы составляем словарь терминов, употребляемых в русском языке.

Мы засиделись допоздна. Я слушал Колю и Веру и думал, что сама жизнь связала незримыми нитями этот дом на тихой софийской улице, где живет рядовая болгарская семья, с Ханоем и Курском, Улан-Батором и Гаваной.

Только простившись с друзьями, вспомнил, что так и не спросил у Коли адрес какого-нибудь интересного владельца новой машины «Жигули». А потом решил: пожалуй, это и не обязательно...

«Дорожная помощь» пришла на выручку.

Сборщица Нела Митева со сливенского завода «Динамо».

Бургас. Нефтегавань.

Лучший матрос «Чумерны» Стойчо Георгиев.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ ЖУРНАЛ

Михаил КЕРЕМИДЧИЕВ:

БОЛЬШОЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Русе — северные ворота Болгарии. Прибываете ли вы пароходом по Дунаю, поездом или автомобилем через Мост Дружбы — обязательно попадаете в этот большой дунайский город. Здесь пересекаются водный, железнодорожный и шоссейный пути большого международного значения, которые сокращают расстояние между Центральной Европой и Черным морем, способствуют оживленному товарообмену между многими государствами.

Роль Русе как важного торгового перекрестка неизмеримо выросла с углублением интеграции стран социализма, и теперь этот город стал оживленным транспортным узлом.

Каждые сутки сюда приходит до 15 товарных поездов с грузами для народного хозяйства Болгарии, а отсюда отправляются различные товары для стран СЭВа. Только за 1973 год через Мост Дружбы прошло почти 190 тысяч вагонов с тремя миллионами тонн грузов. Если все эти вагоны соединить в один состав, то он бы протянулся от истоков Дуная до его впадения в Черное море.

За тот же год русенский порт обработал около двух миллионов тонн грузов. Сегодня сюда приходит столько судов, сколько десять лет назад прибывало за неделю.

Я попросил Николу Пиргодлиева, директора русенского отдела «Деспред» (Государственное экспедиционное предприятие), рассказать о характере грузов, проходящих через этот транспортный узел СЭВа.

— Только за один день мы получили из Советского Союза оборудование для строящейся атомной электростанции, металл для нового целлюлозно-бумажного комбината в Свиштове, автомобильные покрышки, руду, уголь, жесть, автомобили «Жигули». А отправили электрокары, вычислительные машины, садовые тракторы, силосные комбайны, товары ширпотреба. В Минск отгрузили части для электронно-вычислительных машин, которые там монтируют.

Столь же разнообразен товарообмен и с другими странами СЭВа.

Осенью прошлого года в Русе пришел из Советского Союза обычный караван судов, доставивших партию металла. Тут были рулоны и листы, различные профили проката, но самой ценной из всего груза оказалась маленькая пластинка, на которой выгравированы слова о том, что за годы народной власти на болгарский берег Дуная выгружено 40 миллионов тонн различных товаров из Советского Союза.

Эту пластинку болгары будут бережно хранить, как и кусок картона, найденный во время ремонта под обшивкой старого каботажного парохода «Дунав». На картоне оказалось письмо, посланное нам через годы. Написали его с риском для жизни два болгарских матроса. Они поведали о нестерпимо тяжелой своей судьбе, о том, что все трудовые люди Болгарии ожидают с надеждой помощи от великой Советской страны. Письмо датировано 1940 годом и завершается словами, за которые монархофашисты тогда расстреливали: «Да здравствует СССР!».

Юрий ЛУШИН:

СЛИВЕНСКИЙ РИТМ

— Тут чувствуется ритм ВАЗа, — сказал, едва только мы вошли в цеха завода «Динамо», Юрий Гирин, наш водитель.

— Да, похоже на ВАЗ, — согласился инженер-вазовец Геннадий Клячин, который ведет нашу вторую машину.

Они еще не знали тогда, что сами болгары называют завод в городе Сливен «малым ВАЗом», или спутником ВАЗа. Но, проходя по светлым, просторным цехам, видя везде молодые лица (средний возраст рабочих 23 года), наблюдая за идеальной чистотой и порядком у станков, они почувствовали себя как в Тольятти. Рабочие были одеты в аккуратные синие или коричневые халаты и зеленые куртки, причем разный цвет означал принадлежность к определенному цеху. Сразу видно, если на участке появился «чужой». Через цех сборки протянулся плакат: «Совесть рабочего — лучший контролер качества». За окнами цеха виднелось большое пустынное поле. Гирин взглянул в окно и снова сказал:

— Все как на ВАЗе, даже поле за окнами.

Гирин и Клячин стоят рядом с контролерами, которые проверяют готовые стартеры и генераторы. Увидев оранжевые контейнеры, готовые к отправке, вазовцы воскликнули:

— Наши контейнеры, с ВАЗа.

Действительно, на них стоял адрес — Тольятти. Вот тут-то заместитель секретаря заводского комитета партии технолог Недка Калинкова и сказала:

— А знаете, друзья, что мы строили свой завод одновременно с вашим и тоже на пустом месте и теперь вся его продукция идет в Тольятти? Поэтому завод «Динамо» мы и называем малым ВАЗом. В 1967 году мы начали готовить кадры для нового завода, одновременно проектируя и строя его корпуса. Итальянцы, продав лицензии на производство стартеров и генераторов, были, однако, уверены, что наладить нам его не удастся. Это задело за живое. Конечно, у нас не было ни опыта, ни кадров и не существовало таких предприятий. Несколько месяцев работали без выходных, а иногда еще и ночами, лишь бы не подвести большой ВАЗ. Мы спешили, потому что спешили вы. Ваш сборочный конвейер вот-вот должен был начать действовать. Это мы знали и с задачей справились: первую партию генераторов и стартеров изготовили к сроку и отправили ее самолетом первого января 1969 года, вложив туда письмо комсомольцам ВАЗа. И с тех пор у нас регулярная переписка. Делимся планами, рассказываем о своей работе! Сейчас делаем триста десять тысяч комплектов стартеров и генераторов, но через несколько месяцев увеличим это число почти вдвое. Собираемся выпустить первую партию генераторов для КамАЗа. Как думаете, справимся?

— Конечно, справитесь! — подтвердили вазовцы.

НА БОРТУ «ЧУМЕРНЫ»

Все «Жигули» в Болгарии ездят на бензине, который вырабатывает Бургасский нефтехимический комбинат имени Ленина. Он вступил в строй десять лет назад, и «Огонек» рассказывал о его первых шагах.

И вот мы снова на этом комбинате. Нас встретил дежурный технолог Любо Видов. Мы поднялись на самый верх высокого здания. Перед нами распахнулся грандиозный «химический» пейзаж: комбинат, и десять лет назад казавшийся огромным, вырос раза в четыре. Значит, и сырья ему нужно гораздо больше, чем раньше?

— Конечно, — подтвердил Видов. — Подробнее об этом вам расскажут те, кто снабжает нас нефтью.

Из диспетчерской тут же позвонили в нефтегавань, и вскоре мы уже поднимались по трапу на борт танкера «Чумерна».

Он только что закончил разгрузку и готовился к новому рейсу в Одессу. Капитан Иван Господинов плавает уже 20 лет. Более половины этого времени Господинов возит нефть из советских портов сюда, в Бургас, на нефтекомбинат.

— Нашу линию можно считать плавучим филиалом нефтепровода «Дружба», — говорит капитан, — ее обслуживают болгарские и советские танкеры. Мы не уступаем нефтепроводу в бесперебойности снабжения, хотя море есть море.

— Мы хорошо знаем Советский Союз, даже выиграли викторину в интерклубе в Туапсе, — рассказывает парторг Матю Матев.

— В общем, жизнь на нашем танкере не соответствует его названию: «Чумерна» — значит «хмурая», есть такая река в Болгарии, — подытожил профорг экипажа Маргарит Зайков. — Будете о нас писать, обязательно расскажите о давней дружбе с товарищами из железнодорожного депо Туапсе — от них во многом зависит выполнение нашего плана. Передайте привет портовикам Одессы, Батуми и Новороссийска — все они стараются в срок загрузить наши танкеры. Мы хорошо с ними сотрудничаем и очень гордимся, что «Чумерна» награждена почетной грамотой в честь пятидесятилетия Советского Союза, а капитану присвоено высокое звание почетного гражданина города Батуми.

Раздались пронзительные гудки: к борту подошли буксиры. Пора было прощаться, хотя дороги вели нас в одну и ту же сторону — в СССР. Через двадцать часов «Чумерна» уже будет в Одессе, а мы — в Румынии, на последнем этапе нашего путешествия.

УКРАИНСКИЕ КАРПАТЫ

БРОСОК В ГЛУБИНУ

Никому еще на территории нашей страны не удавалось проникать в недра на глубину 7 тысяч метров. Несколько попыток окончились неудачей.

Нынешний, 1974 год буровики считают одной из крупных вех в покорении глубины. В феврале бригада Ореста Жарского из Долинского управления «Укрнефти» на скважине «Шевченково-I» достигла заветного рубежа, минула его и приостановила пока работы на отметке 7022 метра!

Гигантские глыбы, характерные для геологической структуры Карпат, называют «скибами», что в переводе с украинского означает хлебные ломти. Скибы тянутся на десятки и сотни километров. Покутская скибовая зона известна богатыми нефтяными месторождениями: Бориславским, Долинским, Бытковским. Но старые промыслы истощаются, и ученые предложили пронзить сверхглубокими скважинами прикарпатские скибы, надеясь найти под ними крупные кладовые нефти.

Бригада бурового техника Ореста Ивановича Жарского совершила подвиг, пройдя уникальную скважину на полтора года ранее срока, намеченного планом. Бурение велось в трудных условиях, почти все время по крепчайшим абразивным породам. Необычность работы состояла еще и в том, что на глубине 7 километров температура недр достигала 185 градусов, а давление 1 200 атмосфер.

Однако даже достигнутой глубины не хватило для того, чтобы пронзить насквозь опрокинутую скибу. Поэтому на скважине «Шевченково-I» решено продолжить бурение до отметки 7 500 метров. Сейчас здесь идет подготовка к последнему броску в глубь недр.

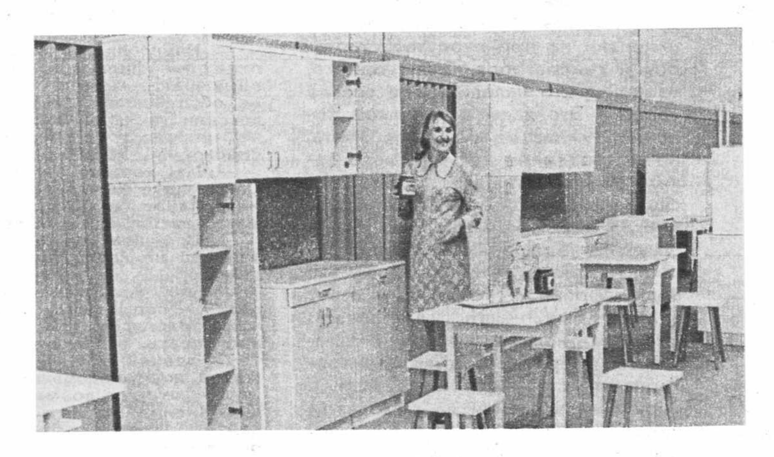

Буровой техник Орест Жарский возле буровой «Шевченково-1».
Фото А. Дмитриева.

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

НОВОСИБИРСК

ВЕСНЕ ДОРОГУ

Помнится, еще стояли морозы, но в тарном цехе завода «Сибсельмаш» все разговоры были только о весне.

— Лучше весны не придумать,— говорил один.

— Весна — это поэтично, светло,— соглашался другой.

— И тепло,— явно иронизировал третий,— а вдруг ваша «Весна» начнет разваливаться уже в магазинах, ведь мы же не имеем опыта в производстве мебели...

«При чем тут мебель?» — подумал я, хорошо зная, что завод «Сибсельмаш» славится своими сеялками, боронами, жатками, лущильниками. Тут-то мне и объяснили, что цех начинает выпускать кухонную мебель для горожан — удобные столы с выдвижной доской для разделки мяса, рыбы или овощей, а также целые гарнитуры с сушилками для посуды, подвесными полками, шкафами и табуретами, отделанными цветным пластиком. Словом, мечта хозяек. Наверное, разноцветье отделки и навело на мысль присвоить гарнитурам название «Весна-I» и «Весна-2». Теперь уже появилась и «Весна-3». Название утвердилось, оптимисты победили сомневающихся, и вот уже сибсельмашевцы радуют горожан прекрасной кухонной мебелью. В нынешнем году новосибирцы получат несколько тысяч гарнитуров. «Весна» идет, «Весне» дорогу.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»
Фото автора.

На снимке: Кухонный гарнитур «Весна-3».

ТБИЛИСИ

ТРОТУАР БУДЕТ ДВИГАТЬСЯ

В Тбилиси строят движущийся тротуар. Практики в сооружениях подобного рода у нас в стране пока нет. К тому же делать его решили под землей, на одном из переходов от станции метро к выходу на шоссе. Кроме пассажиров метрополитена, этим переходом будут пользоваться жители Московского проспекта, чтобы пересечь в тоннеле железнодорожный путь. Две ленты бесступенчатых пластинчатых конвейеров расположатся по обеим сторонам тоннеля, а посередине между ними — пешеходная дорожка.

Весь этот технически сложный узел под действующей железной дорогой должен вступить в эксплуатацию к концу будущего года. И как приятно было узнать жителям Московского проспекта и Кахетинского шоссе, что дело это поручено пятому отряду Управления «Тбилтоннельстроя», а персонально — бригаде Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Грузо Оболадзе. Конечно же, знатный бригадир собрал свою бригаду и разработал встречный напряженный график — проходка с двух сторон, характер работы комплексный, в три смены. График этот позволит вдвое перекрыть нормативы.

Подсчитано, что сдать новый переход с движущимся тротуаром можно будет в конце нынешнего года.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

МОСКВА

ЛЕНА РИСУЕТ КОНФЕТУ

Весенние хлопоты могут быть и сладкими. В этом я убедилась, побывав на московской кондитерской фабрике «Красный Октябрь».

Конфета в яркой обертке всегда маленькое событие для ребенка. И вот объявляется конкурс. Ребятам предложили рисовать фантики и сказали: в самые красивые оденут новые сорта конфет. Пришло 2 000 писем с рисунками. Писали целыми классами и поодиночке. Рисовали разное — от космических кораблей до игрушек. А каких только названий не напридумывали...

Трудно пришлось жюри. Художники журнала «Пионер» и кондитерской фабрики «Красный Октябрь», Художественный совет Министерства пищевой промышленности РСФСР отбирали доброжелательно, но строго — только самое интересное. Победителям выслали сладкие сувениры-призы.

Выпускаются ли уже конфеты по всем этим рисункам? Главный технолог фабрики В. М. Таратунина достает две конфеты. С одной на нас смотрит забавный, лукавый Чебурашка. На обертке надпечатка: «По рисунку школьницы Лены Аксенюк. г. Москва». По листику другой обертки — мозаичная россыпь ярких шариков и прямоугольников. Это рисунок Лены Саркисовой из Ростова-на-Дону. В ее рисунок заворачивают новую карамель, которая так и называется — «Мозаика». Очень усатый и очень полосатый кот сидит на фантике для детского шоколада. А сбоку четкая надпись: «По рисунку Ларисы Шарой из г. Бирска, Башкирской АССР».

По всей стране расходятся эти детские рисунки, радуя малышей и напоминая взрослым о детстве.

Н. БУМАГИНА
Фото Г. Макарова.

КРАСНОЯРСК

ЕГО ПОМНИТ КРАСНОЯРСК

Мимо этого дома каждый день проходят сотни красноярцев. Многие замедляют шаг и улыбаются, должно быть, вспомнив веселые похождения бравого солдата Швейка. На фронтоне дома мемориальная доска:

«На этом месте находился дом, в котором с февраля по июнь 1920 года жил чешский писатель Ярослав Романович Гашек».

Необычно сложилась судьба Гашека. В начале первой мировой войны он был мобилизован в армию. Но писатель не собирался защищать интересы империалистов. При первой возможности Ярослав Гашек сдался в плен русским.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала его на Украине. Гашек вступил в Российскую Коммунистическую партию (большевиков), вел большевистскую пропаганду среди белочехов, сражался в рядах Красной Армии. В составе Пятой армии Ярослав Гашек и прибыл в Красноярск.

...Была разруха. Стояли на железнодорожных путях проржавевшие паровозы, не работали мастерские, не дымили пароходы.

В городе появилось расклеенное на домах и заборах решение Красноярского губернского партийного комитета: «Для всех находящихся в пределах города коммунистов и сочувствующих объявляется мобилизация независимо от занимаемых ими ответственных постов. Место явки на работу — контора службы движения, рядом с вокзалом».

Ярослав Гашек был коммунистом, значит, считал себя мобилизованным на «бескровный фронт». Губком партии назначил его председателем бюро по коммунистическим субботникам. Гашека часто видели в железнодорожных мастерских, на путях. Он вместе с рабочими восстанавливал промышленность и транспорт в Красноярске.

Чешский писатель очень любил этот город и величавый Енисей. Он писал: «Пробил светлый час Красноярска. Вихрь революции, охвативший страну, зажег зарю новой жизни и над сибирским городом».

В. СЛОБОДЧИКОВ-ВИТИМСКИЙ

АРХАНГЕЛЬСК

ХУДОЖНИК И ПУТЕШЕСТВЕННИК

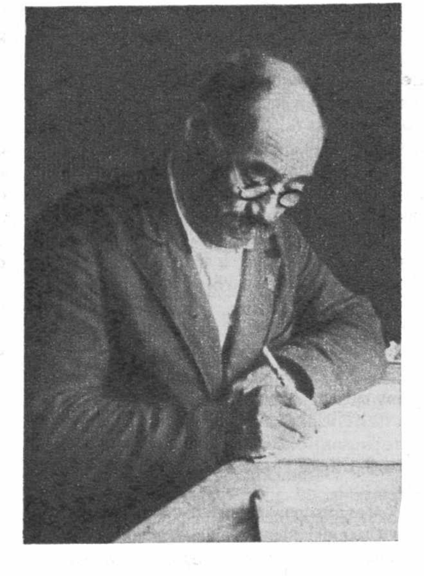
Судьба моего старого знакомого ненецкого художника Тыко Вылки тесно связана с историей освоения Арктики. В 1909—1910 годах он участвовал в экспедициях известного полярного исследователя В. А. Русанова и был его личным другом.

Уже на склоне лет художник решил создать серию картин и этюдов о незабываемых днях путешествий, о «большом русском друге». Два живописных полотна и несколько редких фотографий, подаренных им Орловскому областному краеведческому музею, вошли в юбилейную выставочную экспозицию, посвященную отважному земляку орловчан В. А. Русанову.

В моем архиве хранится много фотоснимков даровитого ненецкого художника, с которым я был знаком 25 лет.

Посылаю Вам один из снимков.

С. КУРИЛОВ,
краевед.

Географ, полярный следопыт, художник Илья Константинович Вылка (Тыко Вылка). (30-е годы). Фото автора.

ДЕБАЛЬЦЕВО

ИСТОРИЯ СОЛДАТСКОГО КИСЕТА

Весной 1944 года в одно из подразделений 346-й Дебальцевской стрелковой дивизии прибыла делегация от трудящихся города Дебальцево с подарками для бойцов.

Разведчику, старшему сержанту Василию Зимарину достался кисет с табаком. Перед боем боец раскрыл кисет, желая закурить. В нем оказался листок из школьной тетради, на котором детской рукой были старательно выведены слова: «Дорогой дядя-красноармеец! Закури нашего крепкого табачку и крепко бей фашистов. Возвращайся с победой в свою семью! Ученица 2-го класса Фая Бабеева из г. Дебальцева».

Зимарин прочел записку вслух. Бесхитростные слова школьницы всколыхнули сердца бойцов. Каждый вспомнил родной дом, своих детей, братишек и сестренок. По щепотке разошелся табачок на самокрутки.

Были жестокие бои за освобождение крымской земли, штурм Сапун-горы, разгром немцев под Севастополем. И незримо в рядах бойцов шла девочка Фая со своим наказом.

Бывший колхозник с Кубани Василий Иванович Зимарин после увольнения в запас приехал в Донбасс. Сейчас работает электросварщиком на заводе железобетонных изделий в г. Доброполье.

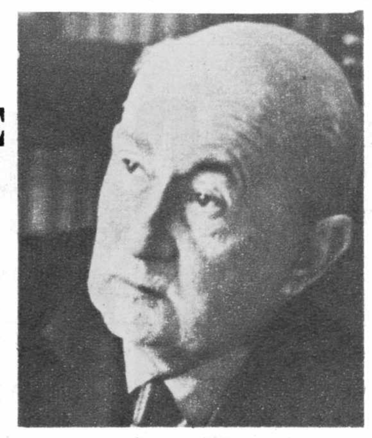
Спустя много лет он разыскал Фаину Бабееву. Интересно было узнать судьбу девочки, подарившей ему кисет. После войны она окончила педагогическое училище. Сейчас работает воспитательницей детсада в Тбилиси. Муж работает слесарем на заводе. Они вырастили дочь Ирину.

В дни, когда крымчане будут праздновать 30-летие со дня освобождения своего края от немецко-фашистских захватчиков, пусть они вспомнят девочку Фаю и бойца Зимарина, который в годы войны освобождал их край и сейчас помогает процветанию Крыма: завод, на котором он работает, поставляет железобетонные изделия для Северо-Крымского оросительного канала.

В. СЕМИН,
журналист.

И СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЯНА СУДРАБКАЛНА

Ян Судрабкалн — выдающийся латышский советский поэт, народный поэт Латвийской ССР. Стихи, которые мы публикуем сегодня,— свидетельство неувядающей силы его таланта, уже свыше шести десятилетий дарящего читателям радость высокой поэзии.

Редакция журнала «Огонек» сердечно поздравляет старейшего мастера латышской литературы со славным юбилеем.

ЯСЕНЬ В ОКНЕ

И ранним утром и поздним вечером
Ветвями ясеня окно расчерчено.
Он близко-близко подходит с улицы,
В обнимку с ветром звенит сосульками
И прямо в дом сорванцом влюбленным
Везет весну на возу зеленом.
Дождями ль осени невеселыми,
Сухим ли летом, пропетым пчелами,
Седой ли вьюгою — с душою ясною
Я в гости еду, я еду к ясеню.
«Не заслоняю ль собою света?» —
Мне шепчет ясень и ждет ответа.
О нет! Ты мог бы встать и поближе,
Любую даль я прекрасно вижу.
Ведь не решетка — извивы эти,
Они ячеи светящей сети.
Там вольный ветер и звезды влажные,
Глаза друзей, сердца отважные.
Не раз в волнении вскочу с постели —
То жизнь ветвит в тесноте артерий!
Так неожиданны их повороты,
Земные соки идут в высоты,
И бездна неба объята листьями...
О радость утра — встречаться с близкими,
О чудо — ветки, в окне цветущие!
Я чую силы, со дна встающие,
И утверждается в их сплетении
И радость света и радость тени.

ОСЕНЬ ЗАЦВЕТАЕТ

А год и вправду выдался что надо!
И как всегда, прикидываю снова,
Великим ли добром наполню туес...
Ах, ни к чему! Я бодрствую, любуясь
Лишь чешуею звездного улова,
Хотя в ногах сквозит уже прохлада.

Что? Позабылись ночи Саласпилса?
Не потому ли каждое мгновенье
Жемчужиною в руки мне дается,
Что на закат мое уходит солнце
И на весы судьбы кладу лишь день я,
А ночь, пожалуй, не имеет смысла?

Нет, печи преисподней не забыты,
Руины все отягощают память,
И ненавистен, как и встарь, убийца.
Но в смене лет я стал, как говорится,
Солнцепоклонником. И навсегда ведь
В железный гроб тьма прошлого забита.

Мне юность юных так передается,
Как клейкий лист к ладони прилипает.
Сто тысяч див припрятаны в апреле
И выпорхнут, как жаворонков трели!
Необычайный праздник наступает,
И счастье жизни каждого коснется.

Перевел с латышского
Роберт ВИНОНЕН

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР НА ОСТРУЮ ТЕМУ

И ВСЕ ЖЕ ГЛАВНОЕ — ЗАБОТА!

В. РОЩИН,
начальник подотдела отдела Труда Госплана СССР

В 9-м номере «Огонька» за 1973 год был опубликован репортаж И. Месхи «О бежких людях и чувстве постоянства». А в № 2 за нынешний год — репортаж А. Щербакова со строительства Мозырского нефтеперерабатывающего завода «Почему?». Тема одна: проблема текучести кадров. Почему рабочие, поработав недолгое время на Ереванском электроламповом заводе, покидают его? Почему на стройку Мозырского завода в первом полугодии 1973 года прибыло 269 рабочих, а уволилось 363?

Выступления журнала вызвали самые разные отклики читателей. Мы познакомили с письмами ответственного сотрудника Госплана СССР Владимира Тимофеевича Рощина и попросили прокомментировать их.

В выступлениях «Огонька» поднят важный вопрос. Сейчас в нашей стране многие организации занимаются анализом причин возросшей за последние годы текучести рабочих кадров на предприятиях и стройках, изучением мер, которые позволят сократить и предотвратить эту текучесть. Думаю, что определенное место здесь должны занять и меры, о которых, в частности, пишет в редакцию товарищ А. Русяев из Минска. Он считает, что «назрела пора ввести в наше гуманное трудовое законодательство некоторые поправки». И предлагает принять «специальный закон, предусматривающий обязательность работы в течение какого-то срока любого лица, поступившего на производство, прошедшего на этом производстве специальную подготовку и получившего трудовую квалификацию». А если злостно нарушаешь этот закон, то и плати в пользу предприятия сумму, затраченную на твое обучение... Предложение, возможно, и спорное, но задуматься над ним следовало бы.

Люди спрашивают: почему так легко стало переходить с одного места работы на другое? Подал заявление — и через две недели можешь получить расчет — раздолье для летунов.

А нельзя ли сделать так, чтобы этого раздолья не было?

Мне кажется, что надо сделать так, чтобы люди, склонные к «кочевью», почувствовали свою ответственность перед обществом и умерили охоту к перемене мест. За более строгое отношение к любителям порхать с одного предприятия на другое ратуют коллективы многих предприятий и учреждений, руководители заводов, фабрик. Видимо, таково веление жизни.

Конечно, ко всем случаям нельзя подходить с одной меркой. Причины могут быть и уважительными. И человек должен иметь право выбора. Поэтому, как мне кажется, здесь очень важен строго индивидуальный подход. Надо заглянуть в корень проблемы, в причины множества «мотыльковых биографий». С моей точки зрения, беда идет от слабой профессиональной ориентации. Наша задача — помочь молодым людям правильно выбрать профессию. А делаем мы это пока еще не ахти как хорошо.

Редакция получила письмо от Л. В. Кваши, выпускницы Кишиневского электромеханического техникума. Правда, она рассказывает о вопиющем случае, когда большую группу специалистов по электрооборудованию промышленных предприятий послали за тысячи километров, в Челябинск, работать в аэропорту гражданской авиации. Кто-то даже не пожелал задуматься над тем, чем отличается электрооборудование промышленных предприятий от светооборудования аэродрома. И специалистам пришлось либо переучиваться, либо искать другую работу.

Так вот насчет профессиональной ориентации. Людям, которые интересуются, как решается эта проблема, мы посоветовали бы обратиться к опыту Эстонии. В семи городах республики активно и плодотворно работают профконсультации, в задачу которых входит выявление интересов и склонностей учащихся, встречи, беседы, информация о возможностях устроиться на работу, о том, каковы на предприятиях условия труда и быта. Там много интересных начинаний в этой области, требующих специального рассказа. Усилия Комитета по использованию трудовых ресурсов, Министерства просвещения и других учреждений республики увенчиваются успехом — положение с кадрами на предприятиях в Эстонии наиболее устойчивое.

Правильно сориентировать молодого человека, куда путь держать, это очень важно. Каков возраст тех, кто больше всего проявляет охоту к перемене места работы? Проведенное в свое время ЦСУ СССР обследование более чем тысячи предприятий страны дает ответ на этот вопрос: молодые люди в возрасте до 30 лет составляли 58 процентов среди бежких людей, как их назвал «Огонек». Выяснилось, что, как правило, уходят с предприятия новички. Кадровые рабочие не покидают своих заводов. Значит, проблема борьбы с текучестью кадров — это в первую очередь проблема закрепления на предприятии молодежи. Это справедливо отмечают и многие читатели, откликнувшиеся на выступления журнала. Вот и призадумаешься: умело ли мы занимаемся профориентацией?

Среди откликов, поступивших в редакцию, есть письмо молодого рабочего из Саратова. Все тот же наболевший вопрос: жилье. В общежитии плохо, а квартиру холостяку дают в последнюю очередь. Долго ждать. «Как же создать семью?» — спрашивает саратовец. Трудно ответить товарищу что-либо конкретное. Но автора взволнованного письма, пожелавшего уйти с этого предприятия, нетрудно понять. Может быть, и впрямь на его заводе не очень-то внимательны к нуждам рабочих.

Я могу назвать ряд предприятий в нашей стране, где забота о рабочих, служащих поставлена во главу угла, где для людей созданы перспективы роста, повышения материального благосостояния, а жилье перестало быть проблемой. Сошлюсь на опыт Магнитогорского металлургического комбината или Омского шинного завода. Там текучесть кадров сведена до минимума. На Магнитогорском металлургическом комбинате активно занялись механизацией и автоматизацией тяжелых и трудоемких работ, улучшением санитарно-гигиенических условий труда. На комбинате многие предприятия общественного питания действуют круглые сутки. Когда у молодого рабочего, живущего в общежитии, появляется семья, ему предоставляют однокомнатную квартиру. Особое внимание уделяется тем, кто занят на тяжелых работах. Их детям всегда находится место в детских садах и яслях. Рабочим отпускают обеды бесплатно или со значительной скидкой. Если вновь принятого рабочего определили на тяжелую, черновую работу, то с ним заключают трудовой договор: администрация обязуется в течение 2—3 лет обучить его и перевести на квалифицированную работу. Вознаграждение по итогам работы за год ветеранам труда увеличивается на 50 процентов.

Все это, конечно, самым положительным образом сказывается на устойчивости кадров. И вот что характерно. Магнитогорский комбинат расположен в краю сравнительно суровом. А текучесть рабочих тут примерно в два раза ниже, чем на Криворожском металлургическом комбинате, где, казалось бы, сама южная природа должна благоприятствовать закреплению рабочих кадров на производстве.

Особо хочется сказать о текучести кадров на стройках. Здесь ее ощущают необычайно остро и порой из-за нее задерживается вступление в эксплуатацию чрезвычайно важных заводов, комбинатов... Читатели справедливо негодуют по поводу положения дел на стройке Мозырского нефтеперерабатывающего завода, о котором писал «Огонек». С какой душевной болью пишет об этом К. Яковлев, бывший командир разведки Бежицкой стрелковой дивизии! Он обращается к руководителям стройки: «Я сражался на вашей земле и обильно полил ее собственной кровью. Перед вами большая государственная задача, где главное — это забота о человеке».

К сожалению, некоторые руководители строек, начиная их, порой меньше всего думают о том, в каких условиях будут жить и работать строители, и в частности та молодежь, которая с готовностью откликается на призывы партии, комсомола идти туда, где трудне... Энтузиазм молодых, романтика, готовность к трудовым подвигам — это все прекрасно, это радует. Такова она, наша молодежь! Но романтизм молодых не должен снимать ответственности с тех, кто обязан заботиться и о жилье, и о столовой, и о клубе, и о детском саде. Нельзя не согласиться с высказанными в печати соображениями В. Бахилова, первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС, Героя Социалистического Труда: «Никого теперь не удивляет, если молодой рабочий, специалист, приехавший в Сургут или Нижневартовск, дотошно расспрашивает, как тут с квартирами, легко ли получить место в детском садике, что можно приобрести в магазинах. Если есть такой интерес, значит, молодой человек решает важную не только для него лично, но и для всего нашего быстро развивающегося края проблему — стоит ли надолго, навсегда оставаться в здешних местах?» Товарищ В. Бахилов справедливо критикует тех хозяйственников, которые привыкли все списывать на «северные условия». И он ставит в пример руководителей строительных организаций, причастных к сооружению нефтепровода Самотлор—Альметьевск. Он имеет в виду такую заботу о быте рабочих, когда отсутствие на трассе горячего обеда рассматривалось как ЧП.

В заключение хочется напомнить, что среди причин, вызывающих текучесть кадров, все больше и больше дает о себе знать желание рабочего видеть перспективу роста. Он хочет, чтобы труд его носил творческий характер. Все чаще слышишь: уходят с завода, стройки из-за того, что не удовлетворены условиями труда, профессией, нет работы по душе.

...Строгость, конечно, необходима. Но главное все же — атмосфера внимания к человеку, к его нуждам, к его материальным и духовным запросам. Человек не захочет расстаться со своим заводом или учреждением, если он чувствует, что здесь он на виду, что о нем заботятся.

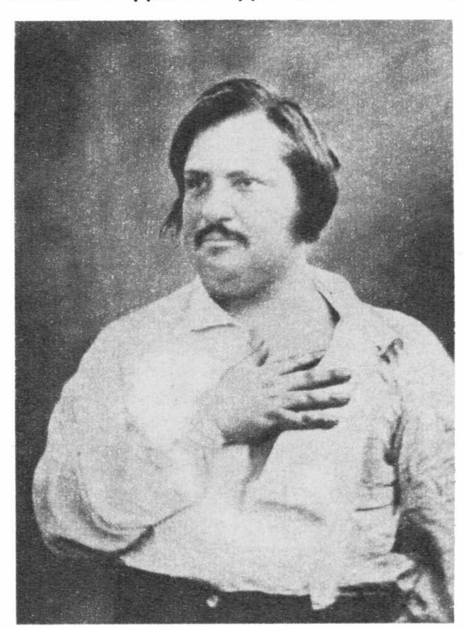

Кабинет великого писателя.

В гостях у гения

И. ЛИЛЕЕВА

Оноре де Бальзак. Дагерротип Надара.

Последний год XVIII века подарил миру двух гениев: в России в 1799 году родился А. С. Пушкин, во Франции — Оноре де Бальзак, один из гигантов реалистического романа XIX века, создатель «Человеческой комедии», в которой, как писал Фридрих Энгельс, он дал «самую замечательную реалистическую историю французского «общества» [...], описывая в виде хроники, почти год за годом с 1816 по 1848 г., усиливающееся проникновение поднимающейся буржуазии в дворянское общество...»

Жизнь и творчество Бальзака неотделимы от Парижа, и в столице Франции даже теперь многое напоминает о писателе, о героях его многочисленных книг.

Виконтессу де Босеан («Отец Горио»), барона Юло («Кузина Бетта») и других представителей знати Бальзак поселил в аристократическом Сен-Жерменском предместье. А бедняки ютились в северо-восточной части города, в районе холма святой Женевьевы. Здесь и теперь можно выйти на небольшую улочку, сохранившую облик прошлого века. Неказистые домики кажутся знакомыми. Улица Турнефор в тридцатых годах прошлого столетия называлась Новой улицей святой Женевьевы, она подробно описана в начале романа «Отец Горио» — на ней находился пансион госпожи Воке, приют умирающей старости и жизнерадостной, но нищенской юности. Этот пансион стал последним пристанищем обобранного дочерьми папаши Горио; отсюда начинал свое завоевание Парижа честолюбивый карьерист Эжен де Растиньяк. Когда же на набережной Сены возникает мрачная громада Консьержери, старинного замка, ставшего затем тюрьмой, вспоминаешь, что именно сюда, в Консьержери, привезли аббата Эррера, точнее, беглого каторжника Жака Коллена, долгое время скрывавшегося также и под именем Вотрена. И здесь, в Консьержери, Вотрен, воплощавший для Бальзака преступность и алчность буржуазного мира, становится начальником сыскной полиции города Парижа. Обо всем этом рассказано в романе «Блеск и нищета куртизанок».

Прогулка по бальзаковскому Парижу может продолжаться очень долго. В центре современного Парижа, недалеко от Триумфальной арки, возникает и имя самого Бальзака в названии улицы. На улице Бальзака, ранее называвшейся улицей Фортюне, некогда стоял дом, купленный писателем в последние годы его жизни. В этом доме он умер в августе 1850 года. На углу улицы, носящей имя Бальзака, можно увидеть и фигуру самого писателя. Скульптор Фальгьер в 1899 году изобразил его сидящим на скамье в задумчивой позе. Автор памятника польстил Бальзаку: сделал его более красивым, чем он был на самом деле. Эта статуя, однако, оставляет чувство какой-то неудовлетворенности. Фальгьер не смог передать грандиозности личности писателя.

Но в Париже встретишь и истинного Бальзака, его изваял знаменитый Огюст Роден. Несколько лет работал Роден над этим памятником, сделал сотни набросков, отверг десятки решений. Статуя, выставленная в Салоне 1898 года, была встречена крайне враждебно; дерзкий замысел ваятеля, сломавшего все установившиеся каноны скульптурного портрета, был не понят современниками, и только в 1939 году Бальзак Родена занял свое место на перекрестке бульваров Монпарнас и Распай. Роден изобразил Бальзака в его любимой рабочей одежде — монашеской рясе, свободными крупными складками спадающей с упрямо приподнятых плеч; вся скульптура как бы устремлена ввысь, все внимание сосредоточивается на лице писателя, обрамленном львиной гривой волос. Смотря на роденовскую статую, понимаешь, чувствуешь, веришь, что это создатель «Человеческой комедии». Гений Родена смог воплотить гениальность Бальзака.

Звучное имя «Бальзак» часто встречается в Париже на страницах театральных и телевизионных программ, на обложках книг последних лет издания, и все более и более убеждаешься, что Бальзак — живой писатель современности, и поэтому уже не кажется странным, что можно и теперь, в 1974 году, посетить Бальзака в его доме...

«Дом Бальзака» — так называется парижский мемориальный музей писателя, основанный еще в 1908 году в Пасси, на улице Рейнуар, 47.

Бальзак поселился в Пасси в 1840 году. «Пишите мне по адресу «Пасси, близ Парижа, улица Басс, 19» — читаем мы в одном из его писем. Пасси в те годы была небольшой, тихой деревушкой в пригороде Парижа, населенной главным образом виноградарями и каменщиками, до города добирались не спеша на дилижансе. Теперь это шумный район Парижа со станцией метро Пасси, но на бывшей улице Басс, теперь улице Рейнуар, сохранился небольшой домик, вернее, флигель, в котором Бальзак прожил семь лет, с 1840 по 1847 год.

Флигель, снятый Бальзаком, имел два выхода: на улицу Басс и на теперешнюю улицу Бертон. Для писателя, вечно преследуемого кредиторами, это имело большое значение, можно было незаметно исчезнуть в случае появления незваного визитера. Бальзак жил здесь очень уединенно, и только немногие, самые близкие друзья могли проникнуть в его убежище, которое Бальзак для большей конспирации арендовал к тому же на чужое имя.

В музее собрано много материалов, документов, воссоздающих атмосферу жизни, этапы творчества писателя. На старинных гравюрах изображен Париж начала прошлого века, любимая писателем Турень: город Тур, где он родился, замок Саше в шести километрах от Тура, куда Бальзак часто приезжал к своим друзьям и где он написал многие замечательные страницы «Отца Горио», «Евгении Гранде», «Лилии в долине», «Утраченных иллюзий». «Я всегда езжу в Саше, когда обдумываю какое-нибудь серьезное произведение. Небо там так чисто, дубы так прекрасны, а тишина так беспредельна»,— писал он в письме...

И вдруг такие знакомые виды Петербурга. Сюда в 1843 году приезжал Бальзак в гости к Э. Ганской. Он жил в доме купца Титова на Большой Миллионной улице (теперь улица Халтурина). Рядом висят виды Верховни, имения Ганской на Украине под Бердичевом, где писатель провел последние два года своей жизни.

Гордость музея — богатейшая коллекция портретов Бальзака работы известных художников, его современников: Буланже, Девериа, Гаварни. В старинных рамах висят портреты его друзей, родных. И повсюду—в рисунках, скульптурах— знакомые персонажи «Человеческой комедии».

Наконец, попадаешь в святилище музея — кабинет Бальзака. Эта комната выглядит точно так, как при жизни писателя. Вот и он сам смотрит с известного дагерротипа Надара, сделанного в 1842 году. Необыкновенной силой веет от фигуры писателя, внимание приковывают его глаза: живые, умные, проницательные. На камине стоит мраморный бюст Бальзака работы его друга — скульптора Давида.

В этой маленькой комнате работал Бальзак, именно здесь, в этом кабинете, он окончательно обдумывал план своей «Человеческой комедии», создавая французский реалистический роман, здесь написал многие из своих шедевров. Бальзак работал по 12—14 часов в сутки, лишь изредка позволяя себе небольшую передышку. Он работал, подгоняемый нетерпеливыми издателями, неумолимыми кредиторами, возрастающими долгами, мечтой о славе и независимости. Но была еще одна — главная причина его напряженной работы,— он был весь во власти своего грандиозного замысла: написать «историю и критику общества, анализ его зол и обсуждение его основ». Его «Человеческая комедия» должна была состоять из ста пятидесяти романов. Бальзак успел написать около ста произведений. Эти романы связаны между собой как единством замысла, так и художественным приемом повторяющихся персонажей. Читатель в каждом новом романе встречал уже знакомых лиц и воспринимал их как реальных людей, забывая об их вымышленном существовании. Бальзак стремился как можно полнее и глубже описать все возрасты, все сословия, все профессии. Силой своего воображения он создал многообразнейший мир, живущий на страницах его книг и в ярких типических образах отражающий жизнь Франции. Со страниц «Человеческой комедии» писатель поведал беспощадную правду о современном ему буржуазном обществе. Его романы — суровое обвинение миру корыстолюбия, эгоизма и алчности. Энгельс отмечал, что из его произведений он «...даже в смысле экономических деталей узнал больше [...], чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых».

Создание «Человеческой комедии» требовало от Бальзака невероятно напряженного труда. Он писал Ганской в феврале 1845 года: «Работать... это значит вставать каждый день в полночь, писать всю ночь до восьми часов утра, за четверть часа позавтракать, вновь работать до пяти, пообедать, лечь спать, а в полночь начать все сначала».

Бóльшая часть этого великого творческого подвига совершалась в маленьком кабинете домика в Пасси. Здесь сохранилось рабочее кресло Бальзака с высокой спинкой, небольшой рабочий столик, верно служивший писателю много лет. На нем теперь, как и при Бальзаке, лежит только одна книга — словарь французского языка. Эти подлинные вещи писателя, немые свидетели его титанического труда, невольно волнуют воображение.

В ночной тиши этого кабинета возникали герои романов «Жизнь холостяка», «Альберт Саварюс», «Кузен Понс», «Кузина Бетта» и других...

«Дом Бальзака» стараниями его устроителей, друзей и почитателей писателя постоянно расширяется и пополняется. Теперешний хранитель музея г-н П. Буссель много делает для создания при музее библиографического и иконографического бальзаковского центра. Библиотекарь музея г-жа Ж. Сарман любезно показывает хранящиеся на книжных полках библиотеки «Дома Бальзака» советские издания писателя, его собрания сочинений, отдельные произведения, изданные на языках народов СССР, многочисленные работы советских литературоведов, посвященные творчеству великого реалиста Франции, свидетельствующие о большой популярности Бальзака в нашей стране.

Когда покидаешь тихий садик, комнаты «Дома Бальзака» и выходишь на улицу Рейнуар, то кажется, что действительно несколько часов были проведены в гостях у гения Франции — Бальзака.

АЛЕКСАНДР ДЕЙНЕКА

Трудно дать ответ, почему одна картина стала великой, а другая нет, ибо зарождение произведения весьма таинственно, как судьба личности, иначе можно было бы создавать таланты и шедевры по плану, по точному регламенту.

А. ДЕЙНЕКА.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

— Как славно быть молодым! Кровь гудит в жилах. Сердце чеканит каждый удар. Хорошо! — промолвил Дейнека. Он сидел в любимом глубоком кресле. Тяжелые, массивные руки спокойно лежали на коленях. Мастер отдыхал.— Здорово летним вечером бродить по парку. Навстречу идут молодые люди, смеются. И вдруг где-то вдалеке заиграет оркестр. Вальс или марш. Я, наверное, примитивен? — Александр Александрович улыбнулся.

Пламенеющий май рвался в закрытое окно. Лучи солнца зажгли яркие блики на банках с гуашью, убежали с подоконника, взобрались на стены, рассыпались на полотнах Дейнеки. Вот солнечный зайчик запутался в букете васильков, стоящих у изголовья спящего малыша, и вмиг на холсте ослепительно вспыхнул синий костер полевых цветов.

Беспощадный свет весны резче очертил глубокие морщины на лице Дейнеки, блеснул в редких сединах. Годы. Неумолимые годы не прошли даром. Но глаза художника были юны. Острые, живые. Неустанно, пытливо, порою тревожно словно ощупывали тебя.

— Расскажи, как получается экспозиция? Не густо ли висят работы? Где поставили «Оборону Петрограда»?

Вопросы. Вопросы. Ведь в эти первые дни мая 1969 года заканчивалась развеска юбилейной выставки Дейнеки, приуроченной к семидесятилетию художника. Это был его отчет. Плод полувековой работы, неустанного титанического труда.

Там, на Кропоткинской улице, в залах Академии художеств, шла шумная, радостная суета. Стучали молотки. Двигали холсты. Спорили, радовались... На Большой Бронной, где жил Дейнека, было тихо. Еле слышно за окном ворковали голуби, и добродушно ворчала весенняя Москва. Художник был нездоров.

— Великая сила — слово. Вот посмотри, нашел старые записи и будто помолодел на полвека.

Я взял листки, исписанные простым карандашом. Это были отрывки дневников мастера. Сколько любви к жизни сквозило в каждой строке:

«Бывает, вас охватывает задор, прилив энергии, мышцы пружинятся, по телу проходит холодок бодрости. Вы как бы только что, поутру вышли из холодной реки. Вам хочется куда-то бежать, сбросить запасы лишней энергии, растрачивать ее большими пригоршнями, со смехом и задором смотреть на жизнь, слушать ее, ломать, подминать и строить».

«...Теперь мы — свободные в искусстве,— и свободные не внешне и показно. Нет, мы видим свободу, она наша, и вот отчего я глубоко верю в большое искусство наших дней. Красивое искусство современности — это наше самое молодое, чистое, самое красивое. Кого не захватят наши дни? Кто останется к ним равнодушен?

Яркие порывы, титанические размахи пролетариата солнцекрасочно хочется набросать тысячью самоцветных каменьев, запечатлеть эту героическую борьбу...»

Дейнека встал. Подошел к афише, приколотой кнопками к стене. Вернисаж приближался. Александр Александрович готовился к этому дню. Обсуждал с супругой Еленой Павловной программу концерта юбилейного вечера. Телефон не умолкал. Квартира была вся уставлена цветами. К художнику приходили друзья, товарищи по Академии, ученики. Кто мог подумать, что Дейнеке было не суждено увидеть свою выставку...

Необычна, удивительна судьба Александра Дейнеки. Ровесник века, он пережил вместе с любимой Родиной все ее радости и печали. Великий художник-реалист, он был еще поистине и великим романтиком, воспевшим в эпических полотнах весь пафос истории своего народа. Он жил бурно, неуемно радуясь и гневаясь, ликуя и огорчаясь. Он, как и все люди, горько переживал обиды, был порою жестоко раним. Но он творил! И этот труд, этот подвиг был лейтмотивом всей его долгой жизни. И даже сама смерть была лишь финалом его творчества.

16 июня 1969 года. Центральный, большой зал выставки работ Александра Александровича Дейнеки. На стенах его картины. Солнечные, полные любви к прекрасному. Утверждающие жизнь. В глубине гора цветов. И среди этого ликующего разноцветья — строгий, словно чеканный профиль мастера. Мужественный. Простой. Крупный... Навеки успокоились руки великого труженика. Вокруг сотни людей. Речи. Речи. Музыка. Последний путь. Полотна провожают своего творца — его дети. И они будут жить и бороться за дело своего создателя. Жить вечно... Ново-Девичий. Слепящее солнце. Пение птиц. Оркестр. Тишина. Слова друзей. Помню, как сквозь сон, называют мое имя... Три долгих, долгих ступени. Вижу сверкающее высокое небо. Лицо учителя. Разве скажешь в эти минуты, кого потеряло наше искусство. Какой огромный, чистый человек ушел от нас. Он оставил нам великое наследство — святую веру в прекрасное, в победоносную жизнь народа — свое искусство.

Как случается, что в одном или другом человеке сосредоточиваются, собираются частицы звездного вещества своего времени и он оставляет в искусстве, поэзии, музыке неизгладимый след, как бы выражая всю любовь, весь гнев, всю нежность своей эпохи?

Что заставляет юношу из провинции, сидящего в холодном, нетопленном общежитии, с полупустым желудком, ежась от сырости, в накинутой на плечи потертой шинели, сгорбясь на скрипучей, покрытой серым казенным одеялом койке, несмотря на весь этот осточертевший, до боли в затылке будничный, полунищенский быт, все же видеть в своем времени свет великой веры и каждодневно, ежечасно, каждоминутно накапливать и накапливать его в своем сердце, в своей душе, чтобы потом, через годы, этот ликующий свет новой красоты отдать целиком людям, которые ждут ее, эту не всегда уютную, непривычную, порою колючую, но всегда поражающую до боли, до слез, до улыбок новую правду искусства? Как получилось, что, невзирая на все мелкие и большие жизненные оплеухи и щелчки, несмотря на подлость отдельных экземпляров рода человеческого, не глядя на ухмылки и кривотолки, этот паренек из российской глубинки, казалось бы, вдруг, совершенно незаметно для всех окружающих его, знакомых, близких, товарищей, без громких слов, без широковещательных анонсов, вынашивает произведение, которое, подобно бомбе, взрывает все представления об очерченном круге традиций, проверенных годами, утвержденных мудрыми знатоками живописи, и внезапно показывает людям совершенно неожиданное, порою горькое, но всегда изумляющее свежестью и яркостью полотно, отражение своей духовной целины, наполненной всеми соками и всем светом своего времени?

Казалось бы, чего проще — жить по канонам в искусстве, пользоваться выверенной рецептурой, писать испытанными цветовыми сочетаниями, именуемыми гордо колоритом, компоновать пристойно, используя годами привычных натурщиков, пользоваться обкатанными сюжетами, не раз восхищавшими вернисажных зрителей.

Но вот появляется в мире живописи художник, предлагающий новый ритм, новую гармонию, новый темп развития образного мышления, н о в ы й м и р п л а с т и к и. В этом новом мире может быть не очень уютно, скорее все непривычно, необжито, и, конечно, эта новь не без ошибок.

Одним из таких нарушителей спокойствия в нашей живописи, создавшим произведения непреходящей правды, художником, открывшим н о в у ю к р а с о т у в искусстве эпохи, был курский парень, сын своего времени — Александр Дейнека.

Корифей русской живописи Михаил Васильевич Нестеров, человек, весьма скупой на похвалы, назвал картину Дейнеки «Оборона Петрограда» «новым словом в искусстве». Этот шедевр был написан молодым мастером в 1927 году. Полотно было создано в маленькой комнатке коммунальной квартиры в Лиховом переулке. Мольбертом художнику служил обыкновенный чемодан, прислоненный к стене. Всего несколь-

А. Дейнека. 1899—1969. МАТЬ. 1932. (Фрагмент).

Государственная Третьяковская галерея

А. Дейнека. СПЯЩИЙ РЕБЕНОК С ВАСИЛЬКАМИ. 1932.

А. Дейнека. НИКИТКА — ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЛЕТУН. 1940.

Государственная Третьяковская галерея. Москва.

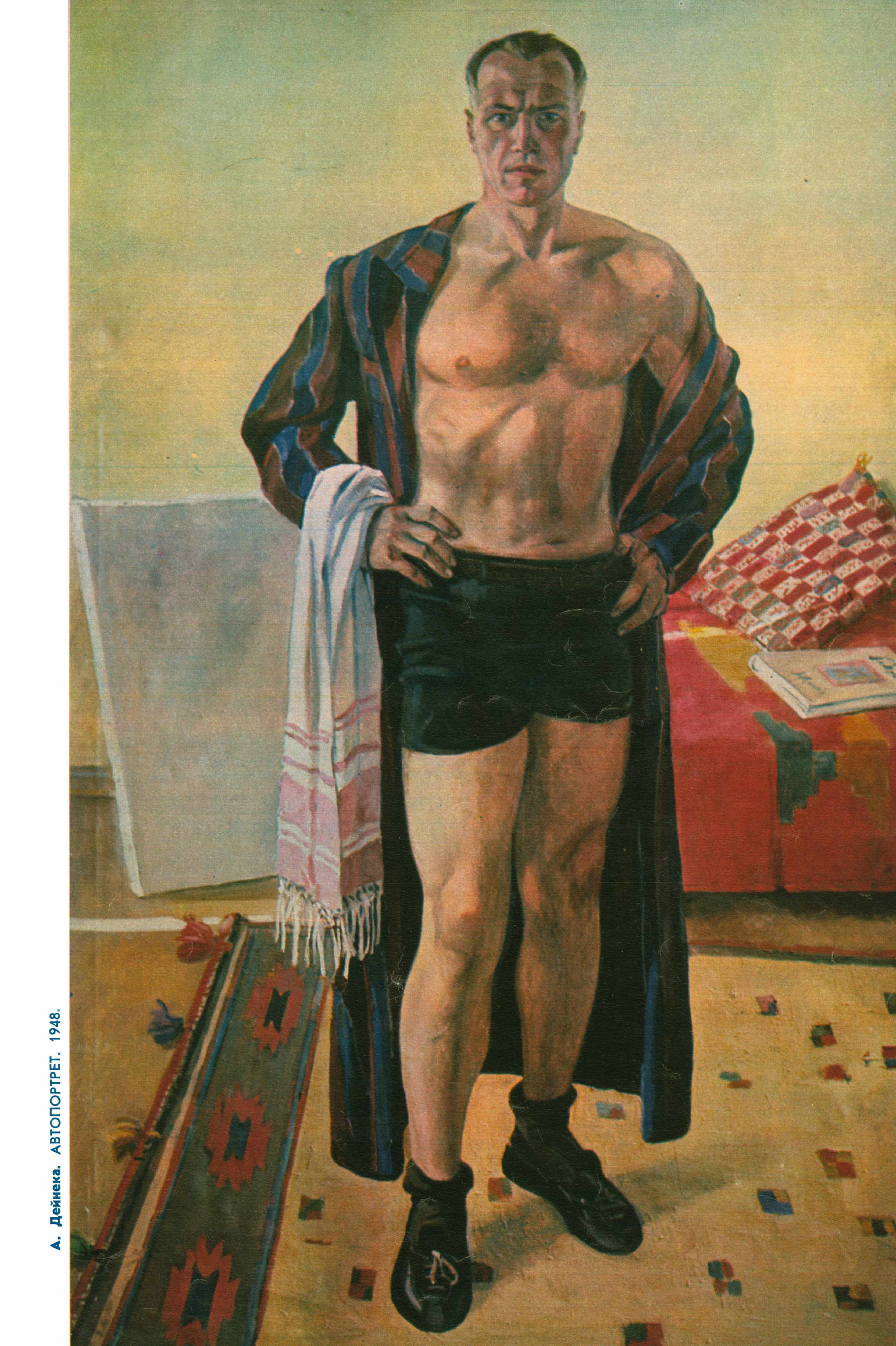
А. Дейнека. ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА. 1927.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. ДРУЗЬЯ. 1962.

Государственный Русский Музей. Ленинград.

У МОРЯ. 1956.

А. Дейнека. АВТОПОРТРЕТ. 1948.

А. Дейнека. ПАРАШЮТИСТ НАД МОРЕМ. 1934.

ко недель отделяло рождение холста от дня завершения работы, но в этой картине была вся жизнь мастера.

Время. Его музыку, ритм отлично слышал Дейнека. И это сложное, объемное звучание вошло в его душу не сразу. Где-то на заре сознания он смутно припоминал горячий шепот матери, протяжные негромкие ее песни. Неуемное тиканье старых часов. Скрип сверчка. Гортанные крики поездов. Шелест молодых берез под окном. Потом в его сердце ворвался целый мир звуков. Первым среди них был топот кованых сапог по мостовой. Цветной мозаикой рассыпались мелодии речного ветра, веселые волны Тускари, крики озорных мальчишек. Незабываемо вошли и остались в памяти звонкие напевы первых маевок, живой трепет алых знамен, плеск весел, девичий смех, весенняя радость поющих людей и грохот первого выстрела, оборвавший чью-то жизнь. До него донесся дробный цокот копыт жандармских коней по курской булыге. Скрип солдатских шагов. Малиновый звон праздничных колоколов. Вздохи тальянки. Разудалые частушки. Вдруг в омут провинциального быта ворвалась медь. Грянули духовые оркестры. Саша Дейнека навсегда запечатлел лязг металла, рев паровозов, перестук колес, плач женщин, и снова и снова мажорный смех труб, мешавших мозгу цепенеть от горя. Потом юноша узнал страшный голос войны, его слух был смятен воем снарядов, дробью пулеметных очередей, стонами раненых. Зато еще ярче он услыхал тишину, пение птиц, шорох ковыля. Лавина звуков, ликующих и грозных, обозначала рубеж двух эпох, великий перевал истории — Октябрь... Молодой художник восторженно воспринял музыку революции. Его сердце было захвачено могучей полифонией семнадцатого года, и он навсегда отдал себя новой правде. И снова скрежет металла, и снова неистовая схватка светлых сил и сил мрака. И вдруг страшная тишина родного города. Глухая ночь. Дробь барабанов. Надрывные скрипки ресторанных оркестров... Курск занят белыми. Сухие хлопки залпов. И наконец обвал красноармейских маршей, кумачовая заря песенного раздолья победы. Александр Дейнека впитал в себя все многоголосье времени. Его душа была переполнена ритмами века.

«Оборона Петрограда» явилась как бы ответом художника на известные слова Ленина: «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата». Картина была создана в годы разгара великой стройки нового.

Ленин писал: «Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Взгляните на холст. Полотно гудит от грозного ритма мерной поступи вооруженного пролетариата. Железные, словно кованные из металла, непреклонно, неумолимо движутся шеренги бойцов, неотвратим их порыв. Несгибаема их воля. Колюч ритмический строй чеканных силуэтов, построенных с вдохновенной логикой. Мы явственно слышим хруст снега под шагами красногвардейцев.

В картине есть вторая мелодическая линия. По тонкому настилу ажурного, словно рейсфедером начерченного моста вразнобой движется разномастная группа людей. Здесь раненые и растерянные, согнутые вихрем революции. Ветер доносит дробный перестук их каблуков.

Атмосфера картины предельно накалена, хотя в ней нет ни на йоту какого бы то ни было ложного пафоса. Ни единого лишнего жеста. Звучащая тишина полотна дает нам возможность домыслить, представить себе жестокость предстоящей схватки. Стиснув зубы, молча, без песен, шагают, шагают в бессмертие бойцы. В их неистовой вере в конечную победу — и святая вера автора холста. Потому так неотразима художественная правда этого шедевра. Вдумайтесь на миг, какими скупыми средствами передает мастер величие подвига народа.

Как просился бы на полотно сочный мазок красного стяга или по крайней мере кумачовый бант либо хоть алая косынка, столь выгодные для задуманного колорита холста. Нет! Художник намеренно доводит скупость красочной гаммы до предела. Зато с какой щедростью разворачивает перед нами живописец ритмическое богатство своей композиции, как артистично и тонко он сочетает неподвижность строгих вертикалей конструкции моста с живыми силуэтами людей. Как неназойливо и разумно развернуты ряды бойцов, как мерно колышутся винтовки на светлом зимнем небе. Все, все в картине подчинено лейтмотиву «мерной поступи железных батальонов пролетариата». Художник видит самого себя среди шагающих солдат революции. Он вместе с ними готов исполнить ленинский завет. И в этом весь Дейнека, один из самых цельных и честных творцов нашей земли. Вся его дальнейшая творческая жизнь, все его великолепные полотна, фрески, мозаики, витражи, скульптуры, графические листы — превосходное подтверждение известного положения, высказанного большим французским мастером Домье: «Художник должен принадлежать своему времени».

Дейнека целиком, безраздельно отдал весь свой талант народу. И вот в этой цельности, чистоте и правоверности мастера, в его неуемном, не прекращающемся ни на день труде, в невероятном напряжении гражданской совести художника, бескомпромиссно и жестко отбрасывающей всяческую фальшь и ложь в своем искусстве, в постоянном тревожном поиске все новых и новых форм самовыражения, в этом колоссальном, порою нечеловеческом самоистрачивании — вся сила Дейнеки, знавшего радость полета мечты.

И когда недавно наша Академия художеств отмечала свой четвертьвековой юбилей и решила показать труд своих мастеров народу, то самыми первыми в Центральном выставочном зале Москвы зрителей встречали полотна Александра Дейнеки — «Оборона Петрограда», «Мать», «Будущие летчики», «Оборона Севастополя», «Окраина Москвы», «Раздолье».

...Конец апреля. Переделкино. Яркое солнце. Холодный ветер. Маленький темно-красный домик. Дача Дейнеки. Легкое серебряное кружево берез. Темные ели. Поют скворцы. Весна набирает силу. В звонком лазоревом небе плывут, плывут перламутровые легкие облака. В ложбинах ноздреватый синий снег. Зябко. Резкий порыв ветра доносит шум мотора самолета. И снова тишина. Чуткая, апрельская. Мерно раскачиваются ели, окружающие белый кубик мастерской с легкой лесенкой, ведущей наверх. Кричат грачи. Странное, щемящее чувство невозвратной утраты охватывает меня. Но это был лишь миг. Елена Павловна, жена художника, показывает две яблони, посаженные его руками. Деревья выросли. Окрепли. Прошлой осенью принесли первые плоды. Выгорели, выцвели когда-то ярко-красные двери мастерской. Бегут, бегут пухлые сизые тучи, обещая снег. Сквозь старую бронзу прошлогодней листвы пробился желтый цветок.

Мастерская. Голубые стены. Огромное стеклянное окно. Холсты, подрамники, планшеты. Книги, книги. У мольберта маленькая, тщательно вычищенная палитра.

— Его последняя палитра,— говорит Елена Павловна.

Саженный холст «Купальщица». Эскиз мозаики «Ломоносов». На полках скульптура. На мольберте начатый этюд... Все здесь сохранено, как будто мастер не ушел. Мы видим нетронутым сложный, интересный мир художника. Его любимые репродукции. Микеланджело — «Сотворение Адама» — фрагмент из «Страшного суда», сельский пейзаж Ван Гога, портрет Матисса. Оригинал Леже, подаренный автором.

...Старое-старое плетеное соломенное кресло. Оно и сейчас стоит на солнце у входа в дом. Как любил на нем сидеть Александр Александрович, греясь на припеке! Сколько интереснейших историй из жизни мастера услышал я, сидя рядом с ним. Вот одна из них.

— Рано я узнал жестокость,— сказал Дейнека.— Помню, как-то собрались мы с ребятами на Тускарь удить рыбу. Идем босые по розовым от зари лужам. Весело. Земля черная. А на небе алые, будто птичьи перья, облака. Трава блестит, сверкает, как будто в звездах. Роса. Вдруг Шарик, пес, семенивший впереди, остановился и завыл. Мы подбежали к большой луже и в прозрачной воде увидели на черном дне малыша. Новорожденный... Все стояли как ошалелые. А я все глядел и глядел неотрывно на этого маленького, еще не начавшего жить по-настоящему человечка, на его морщинистое, собранное в гримасу личико, на плотно-плотно сжатые кулачки, сведенные судорогой от еще, наверное, не осознанного страдания, и вдруг я перевел взгляд на испуганные, склоненные лица сверстников — загорелые, веснушчатые, на их вихрастые, белобрысые головы с розовыми ушами и в какой-то миг осознал впервые с ребячьей остротой всю бездну, отделявшую жизнь от смерти, и в мой детский мир, разноцветный, полный звуков и счастья, звонкий, как радуга, в какое-то неуловимое мгновение ворвалась тишина.

...И в этом новом, страшном молчании он, Саша Дейнека, услышал ранее неведомый ему, но ясный и требовательный звук. Настойчиво, все быстрее и быстрее, четко и властно билось его маленькое сердце. И этот живой метроном впервые в жизни мальчишки отмеривал для него всю тяжесть, ответственность человека за судьбу брата своего. Будущий великий художник еще не знал, как он должен помочь всей этой беде. Но он, паренек Саша Дейнека, с этой минуты понял что-то очень важное и непреходящее. Он осознал с необычной, данной не всем людям грозной яркостью, что мир, в котором мы живем, дышим, пьем, едим, гуляем, соткан не из одних улыбок, песен и красок. Что иногда этот звучащий и разноцветный, говорливый мир вдруг становится немым и одноцветным... Потом пройдет время, и он как будто станет снова обыкновенным мальчишкой и снова будет гонять мяч по курским пустырям, драться с гимназистами, убегать с уроков. Но это светлое, страшное утро он не забудет всю свою долгую жизнь. Ибо эти короткие минуты научили его по-другому в и д е т ь. Он понял, что мир бывает порою жесток, несправедлив и требует борьбы, вмешательства, исправления. Конечно, все эти представления, столь объемные и глубокие, были еще очень смутны в сознании юного Дейнеки, но они с годами обретут единственную и неповторимую форму, ту, которая сделает его настоящим художником.

— Постояли мы минутку, другую,— продолжил рассказ Дейнека.— Потом я снял рубашку, завернул малыша. Снесли его в полицию...

...«Мать». Русская Мадонна двадцатого века. Сюжет вечный. На руках молодой женщины спит малыш. Но как необычно решает холст Дейнека. Ровный, теплый, мерцающий свет словно обволакивает сильную фигуру матери, озаряет благородное, нежное лицо, русые волосы, высокий чистый лоб, прямой нос, строгий рисунок губ, мягкую, но энергичную линию подбородка. Мать не сводит глаз с мальчугана, трогательно прильнувшего к ее плечу. Взор женщины полон заботы. Что ждет ее дитя?.. Сдержанный глубокий фон усиливает это состояние тревоги, и хотя малыш спит безмятежно, мы все же ощущаем невидимую, незримую опасность. Спокойствие, гармония, разлитая на холсте, обманчивы. Поэтому мы видим еле заметный трепет ресниц и тонких ноздрей юной женщины. Ее губы приоткрыты, и вот-вот с них готово слететь слово. Какое? Мы не знаем. И вот эта загадка делает картину бездонной по емкости поставленной поэтической человечной темы — Материнства. Дейнека восславил земную любовь матери, оберегающей свое дитя от всех случайностей нашего тревожного века. Полотно художника превращается в символ — так высока патетика формы, так музыкальна пластика линий, объемов, цвета, восходящая к самым высоким образцам античности и Ренессанса. Поразителен колорит холста, построенный на сочетании теплых и глубоких земляных красок. Живопись предельно экономна, она напоминает фреску по своей сдержанности и благородству фактуры.

— Я ставил себе цель найти истинную живописную простоту,— рассказывал мне Дейнека,— но мне не хотелось потерять духовную, сложную суть этой огромной, извечной темы. Работа над большими композициями, привычка к синтезу, к обобщениям помогли, как мне кажется, решить эту задачу. Но главное, что научило меня в и д е т ь, была сама жизнь, опыт моей личной биографии, воспоминания детства, юности.

— Чем больше я живу,— продолжал Александр Александрович,—

тем сильнее убеждаюсь в неуемной тяге большинства людей к прекрасному, к искусству. Ни грохот гражданской войны, ни грязь окопов, ни обозы с умершими от тифа не смогли убить влечение людей к красоте. Помню завьюженные площади Курска и первые революционные панно — яркие, наивные, но прекрасные своей простодушной верой в свет и правду своего времени. Настоящее искусство рождается в результате большого человеческого чувства — это может быть радость и может быть гнев. Прекрасное произведение истинно большого художника доступно всем людям, но для этого идея должна быть воплощена в совершенную форму. Таковы законы пластики. Искусство Микеланджело, Веронезе, Сурикова, Мане стало понятно всем, оно перешло рубежи времени, географию и стало достоянием мировой культуры.

— Меня корили за то,— улыбнулся Дейнека,— что пишу гладко, так написана «Мать» и другие станковые полотна, но мне кажется, темперамент заключается не в размашистом мазке, а в более глубоких проявлениях. Микеланджело писал очень гладко и непастозно, но это был великий темперамент. Это понятно, но многим невыгодно с этим согласиться.

Эти строки, может быть, не всем ясны. Но в те далекие тридцатые годы «мазистая» манера письма была присуща некоторым маститым и влиятельным художникам, и они порою обвиняли Дейнеку во всех смертных грехах. Вот строки из воспоминаний мастера:

«Где-то за что-то меня «крыли», говорили, что я формалист, потом говорили, что без формализма далеко не уедешь, что я рационалист, что у меня ориентация на Запад и т. д. и т. д. Взяли под сомнение всю мою качественную выучку. Все это бралось под сомнение. Бралась под сомнение, например, даже такая вещь, как моя тематика по спорту. Говорили, что я за спортом прячу свое политическое лицо. Явные благоглупости!»

Но Дейнека был тверд. Для него «манера» живописи был вопрос языка, формы, самовыражения. И он выстоял. Но это было нелегко. Он писал: «Хочется до последнего времени сохранить себя как человека, который имеет свою походку, свой язык, свой разговор, свои возможности изображения. Известно всем, что существуют флегматики и сангвиники, и очень смешно будет, если я буду навязывать свои самоощущения и свое чувствование мира другому».

...Никогда не забуду урок пластики, который мне дал Дейнека во время посещения Ленинградского Эрмитажа. Был полдень. Удивительный, серебристый свет северного солнца озарял полотна, скульптуры.

Александр Александрович, крепко сколоченный, с массивными плечами, никак не походил на художника. В красной клетчатой фланелевой рубашке, без галстука, коротко стриженный, в сером костюме, он скорее был похож на тренера или бывалого, видавшего виды спортсмена. И однако рядом со мною ходил и говорил великий мастер современности, создавший неповторимые шедевры... Дейнека не всегда был разговорчив. Он принадлежал к людям с ироническим складом ума. Привычка живописца к одиночеству, житейские трудности сделали его осторожным и не слишком расположенным к откровенности. Но в минуты, когда он отдыхал и если к тому же был в хорошем расположении духа, Александр Александрович становился изумительным собеседником. Ум, предельно точное слово, невероятно тонкое чувство прекрасного придавали его высказываниям неповторимую по остроте и глубине форму. Незабываем был пристальный, видящий все и вся взгляд его светлых глаз, колючий, а порою внезапно добрый и даже нежный. Смена его настроений была неуловима, он органически не переносил какого бы то ни было давления, грубости. Был бесконечно пунктуален, а поэтому не любил неточность и пустозвонство. Органически не выносил фальшь, реагировал на ложь мгновенно и тогда сам становился невыносим и груб. Словом, он был человек достаточно сложный. Это была личность.

Но вернемся в Эрмитаж. В одном из залов мы остановились у скульптуры сидящего мальчика Микеланджело. Дейнека сложил руки на груди. Собрал морщины на лбу, приподнял густые брови и испытующе поглядел на меня. Наверное, в тот миг у меня был не самый умный вид, я просто не понял его немого вопроса. Александр Александрович таинственно огляделся и, показав мне на сидевшую у входа в зал фигуру дежурной, сказал заговорщицким шепотом:

— Проведи незаметно ладонью, но только легко по спине мальчугана и скажи мне, что ты почувствуешь.

Я немедленно послушался и быстро коснулся ладонью холодного камня, а потом неторопливо провел рукой сверху вниз по спине. Боже мой! Какое странное, неведомое доселе чувство испытал я! Вмиг забыл, что это всего лишь скульптура, настолько живой и трепетной показалась мне плоть, которой я коснулся. Тончайшие модуляции формы, объемов, незаметные с первого взгляда сложности рельефа, похожие на миниатюрные горные хребты, холмы, ущелья, обрывы,— все это было лишь скульптурой, предельно обобщенной по пластике, простой по объему.

— Теперь ты понял, что такое большая форма? — спросил Дейнека, увидев мое немое удивление.— Понимаешь, чего стоит истинное обобщение? Как невероятно, непостижимо сложна эта пластика при всей кажущейся доступности и простоте! Вот почему истинные творения искусства недостижимы для тысяч подражателей. Слишком высоко напряжение каждой пяди пластической ткани, слишком огромен духовный вклад в решение, казалось бы, самой ничтожной, на первый взгляд, детали. И, что главное, подлинные шедевры никогда не потрясают зрителя, не ошарашивают его с первого знакомства. Как правило, мера воздействия гениальных мастеров мирового искусства нарастает с каждым последующим знакомством с их творчеством. Ибо искусство должно не удивлять зрителя, а призвано воспитывать в нем чувство прекрасного.

...Я вспомнил неотразимое очарование полотна «Мать» Дейнеки. Магическую простоту и невероятную сложность картины. Колдовскую притягательность образа молодой женщины и в то же время ее гордую недоступность. Непостижимое соединение интимности и величия. Думается, что этот небольшой холст выдержал бы увеличение в десять — двадцать раз. Меня поражает, что до сих пор ни один архитектор не использовал для своих новых творений произведения Дейнеки, как бы созданные для огромных стен.

К сожалению, жизнь мастера сложилась так, что он не всегда мог реализовать свои уникальные данные монументалиста.

Но может быть, настала пора включить в проектирование новых дворцов культуры, спортивных сооружений и других общественных зданий увеличенные повторения во фресках и мозаиках станковых полотен Дейнеки «Мать», «Оборона Петрограда», «Оборона Севастополя», «Раздолье» и многих других.

Тогда исполнится заветная мечта самого Дейнеки, о которой он писал:

«О чем я мечтаю... Мечтаю украшать архитектуру цветом, чтобы она была веселей, писать фрески или набирать ряд мозаик, чтобы они были эпосом наших дней. Чтобы они были ритмичны и выразительны, как сама природа, и человек себя чувствовал среди них смелее, полнокровней и богаче».

Дейнеке сегодня исполнилось бы семьдесят пять лет. Пять лет прошло со дня его кончины. И с каждым годом все ярче и выпуклее становится грандиозная фигура этого великого романтика нашей эпохи. Нельзя без волнения читать его слова, обращенные к нам:

«Я, как и все мы, люблю свою Родину с ее полями, лесами, шумными городами, дорогами, по которым люди идут в будущее. Как художник, очень остро вижу я рождение новых городов с парками, детскими садами, вузами, стадионами. Вижу, как мужает молодежь, как на лицах молодых появляются черты характера, воли, ответственности за себя и общее дело перед друзьями, отцами, Родиной.

Но я не только смотрю, а хочу передать увиденное в картинах, мозаиках. Радуюсь, когда мои произведения приносят радость молодым и старым. В этом живая традиция единства и дружбы поколений».

Влияние творчества Дейнеки, его знаменитого полотна «Оборона Петрограда» необычайно широко и глубинно и выходит далеко за пределы нашей Отчизны. Всем памятен успех экспозиции работ Александра Дейнеки на Биеннале в Венеции.

Вот что мне рассказал на днях прекрасный американский художник Рефрежье о своей встрече с Дейнекой в Америке:

— Это было в 1935 году в Нью-Йорке. Нас, прогрессивных художников, очень взволновала эта встреча с Александром Дейнекой. Ведь уже много лет мы были знакомы с искусством Советского Союза. Мы смотрели «Потемкин» и другие замечательные фильмы. Мы хорошо знали вашу графику и превосходный плакат, но мы не видели ни одного представителя изобразительного искусства вашей страны.

Из живописцев Советской России для нас самым интересным и самым близким художником был Дейнека. Мы восхищались его острыми композиционными решениями, динамикой его полотен, колоритом его холстов. Незабываема «Оборона Петрограда», и поэтому встреча с ним, первым мастером из страны социализма, была для нас особо значительной.

Трудно забыть тот вечер, когда мы собрались все в мастерской прогрессивного художника Уолтера Куорта, одного из членов исполкома нашей революционной организации — Джон Рид Клуба. Это было на Юнион Сквер.

Я поднялся по старой, шаткой лестнице на четвертый этаж. Комната с низким потолком была забита художниками, писателями.

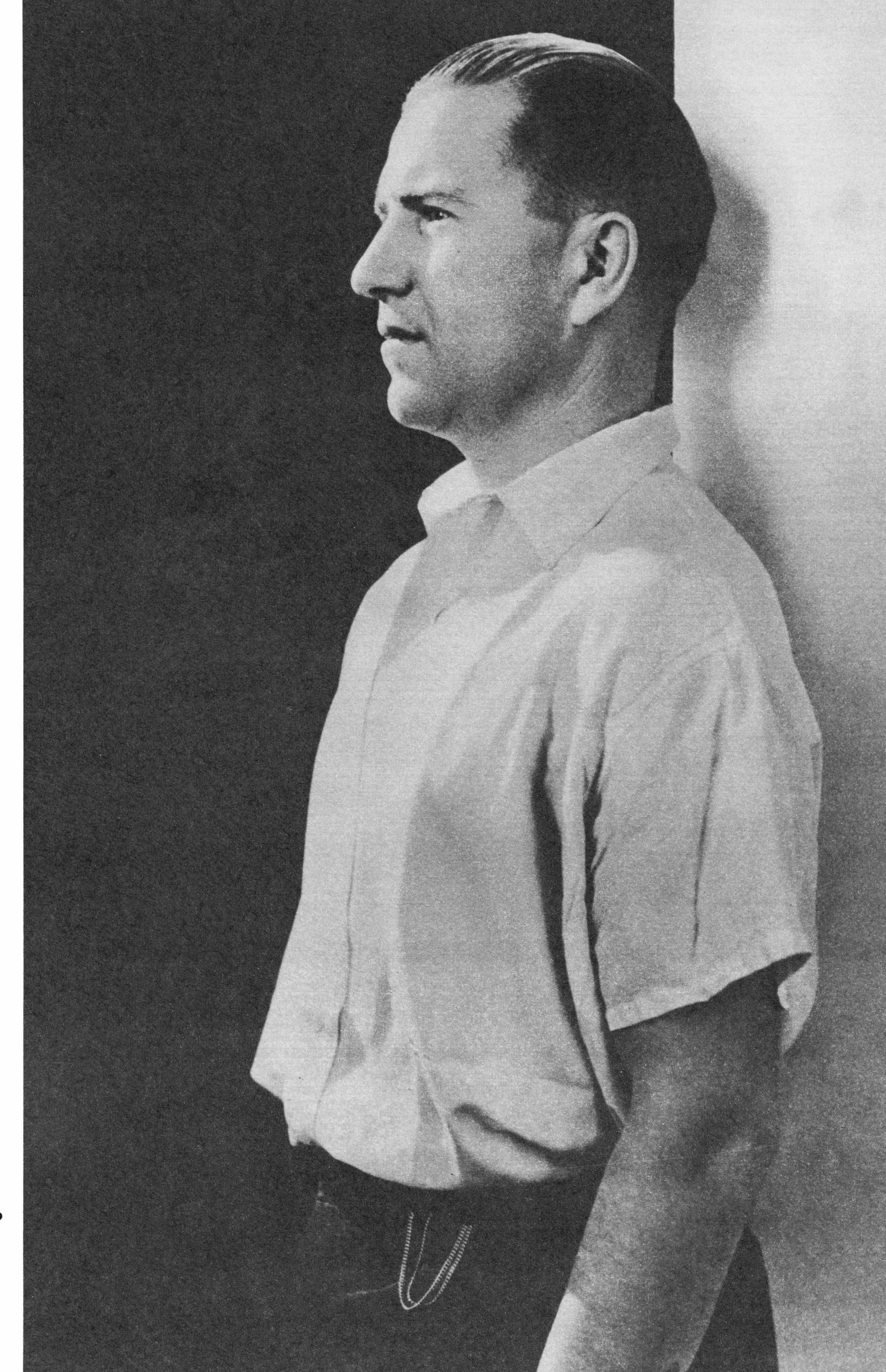
Помню то большое волнение, которое я чувствовал, когда разговаривал с Дейнекой — обаятельным, молодым, крепким человеком. Может быть, мои вопросы звучали для него несколько наивно, но мы ведь так мало знали о жизни и работе художников Советского Союза. И поэтому слушали с огромным вниманием, когда он рассказывал об организации и системе работы, о себе, о своем творчестве. Я помню мое впечатление о нем как о теплом, любезном и открытом человеке.

Но вспоминается один момент этой незабываемой встречи, когда Дейнека вспыхнул от негодования, услышав глупый и провокационный вопрос одного из гостей. И тут же дал ему достойную отповедь.

Дейнека был поражен Нью-Йорком. Его небоскребами, движением автомобилей. Шумом и грязью улиц. Он видел людей, сидевших целыми днями в барах. Видел безработных и нищету, богатство и роскошь. Особенно интересен ему был Гарлем, район, где жили негры. Здесь он часто бывал. Слушал музыку. Смотрел на танцевавших. Рисовал. Он много работал во время этой поездки. И когда мы увидели его неподражаемые по остроте рисунки и цветные этюды, сделанные у нас, то поняли, насколько глубоко он раскрыл Америку, несмотря на короткое время своего путешествия.

...Дейнека был настоящим «полпредом» нашего искусства за рубежом. Он был истинным патриотом и гражданином и отлично разбирался в свете и тенях Запада. Он создал серию работ, посвященных поездкам в Италию, Францию, США, в которых удивительно остро, свежо, по-своему рассказал о жизни этих стран. Александр Дейнека был интернационалистом в самом высоком смысле этого слова. Он любил и уважал народы и искусство других стран, но он был непримирим к врагам нашей Родины, и об этом свидетельствует короткий, но взволнованный рассказ нашего американского друга...

Дейнека. Сегодня это не просто имя художника. Дейнека — это мир образов, вошедших в нашу жизнь как некая объективная реальность. Реальность осязаемая, закрепленная навечно в великолепную пластическую форму. Художнику удалось найти обобщенный образ своего современника, и мы с радостью восклицаем «Дейнека!», когда видим юных, молодых спортсменов, летчиков, людей труда. Дейнека не был «лакировщиком», но его герои воистину лучезарны, ибо они освещены внутренним светом святой веры в правоту своего дела. И когда в дни праздников мы приходим на площади, стадионы, широкие проспекты наших городов и любуемся шелестом алых знамен, игрою солнечных бликов на лицах загорелых, сильных, молодых граждан нашей Родины, мы невольно вспоминаем и с чувством благодарности славим мастера, воспевшего Человека и Родину, бесконечно любившего свое время.

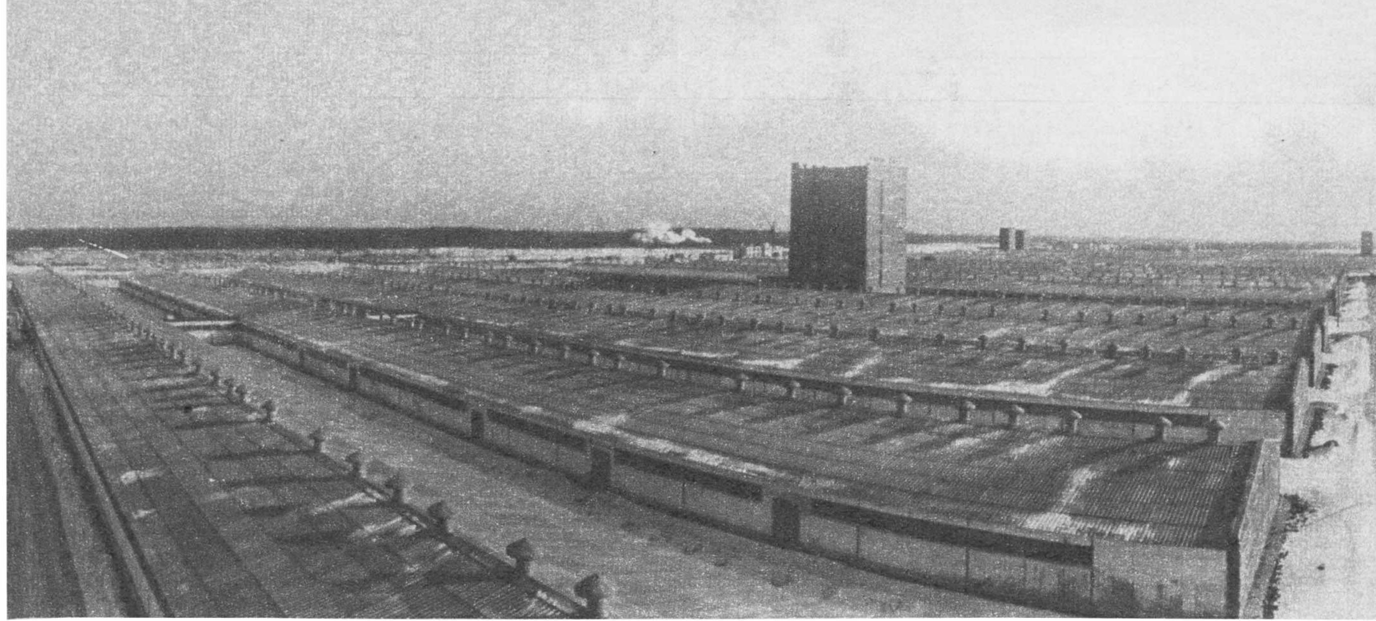
Александр Дейнека. 1935 год. Нью-Йорк.

300 свиней ежедневно сходят с живого конвейера Ильиногорского комбината Горьковской области

Фото Г. РОЗОВА

Ильиногорск, животноводческий городок.

◀ Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф и остальные...

Тамара Уливина, оператор.

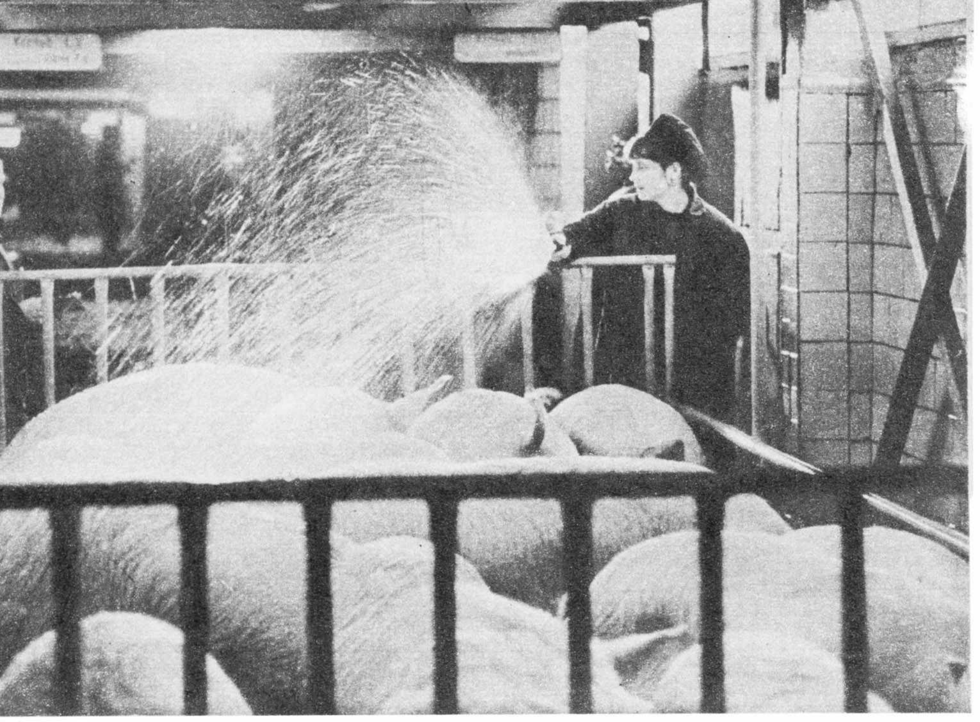

Помните историю трех веселых поросят? Их имена запомнились с детства: Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф. Все трое, осознав опасность кочевой жизни и зимней бескормицы, пришли к одной мысли: надо строиться! Только вот беда: Ниф-Ниф и Наф-Наф были настолько легкомысленны, что ограничились строительством времянок, можно сказать, мелких ферм. Ничего хорошего из этого не получилось. Нуф-Нуф поступил куда благоразумнее, он сложил дом из кирпичей, сделал прочные двери, провел центральное отопление, оборудовал вполне современную кормокухню... По ходу развития драматического сюжета именно в капитальном доме прозорливого Нуф-Нуфа нашли приют и пищу два легкомысленных братца. Говоря языком нынешних животноводов, как бы сработала модель концентрации и кооперации производства (да простят за эти слова автора маленькие сопереживатели истории трех поросят!).

В каждой сказке есть и намек и урок...

Мысль о промышленной организации животноводства давно зрела среди хозяйственников. Ясно было, что пора вместо мелких ферм, разбросанных по хуторам и деревням, построить крупные фабрики мяса и молока. Сегодня наше сельское хозяйство уверенно идет именно по этому пути — по пути строгой специализации и концентрации производства птицы, свинины, молока. Тем и инте-

ЛЖЕНИЕ СКАЗКИ

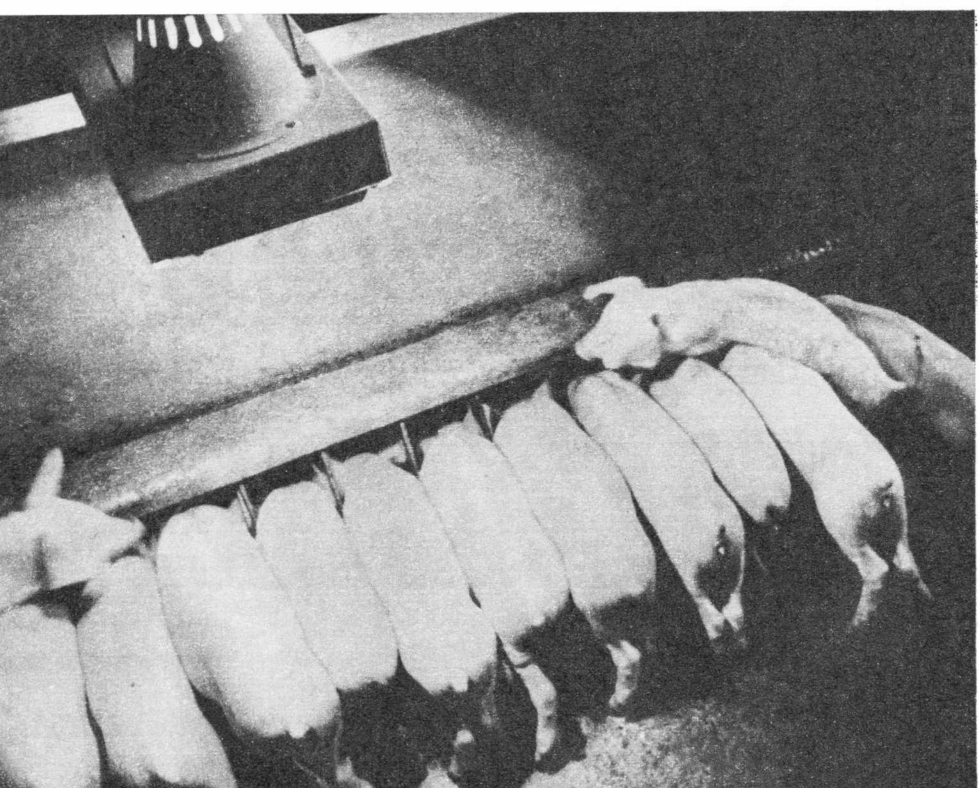

Чистота — залог здоровья.

Лучший оператор Полина Васильевна Чистякова.

Солнце зажигают для самых маленьких.

ресен опыт совхоза «Ильиногорского», что в Горьковской области. Теперь уже его и совхозом не назовешь — это мощный промышленный комплекс, комбинат! Здесь выращивают и откармливают тысячи и тысячи свиней.

Несколько десятков корпусов, многоэтажное здание комбикормового завода, неоновые светильники, асфальт внутрихозяйственных магистралей... Ильиногорский комбинат — это город, построенный год с небольшим назад. И за первый же год производство свинины здесь резко возросло. Ежедневно с «живого конвейера» сходят по триста свиней весом более центнера каждая — и на мясокомбинат. Уже к началу 1974 года ильиногорцы продали государству более восьми тысяч тонн свинины! Таких темпов не знало прежде наше сельское хозяйство.

Сколько обычно свиней откармливает свинарка в колхозе или совхозе? Сто, сто пятьдесят, ну, пусть двести. Вручную много не сделаешь. А вот Тамара Уливина откормила в минувшем году ч е т ы р е тысячи свиней. А это 466 тонн мяса! Тонн...

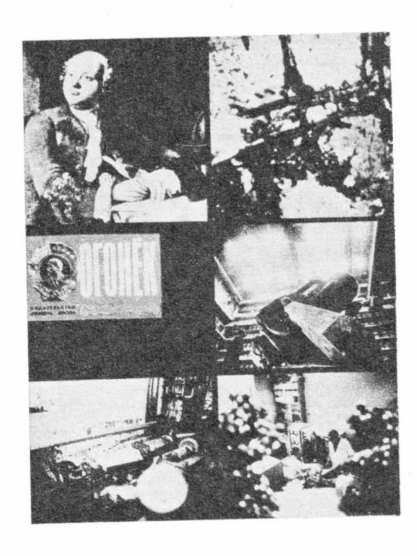
Одна? Да, одна. Н о о д н а л и? Конечно, нет, такие привесы, такой масштаб производства стали возможны лишь потому, что хорошо поработали строители, зоотехники, технологи, механики. И тот, кто готовит на заводе концентрированные корма, и тот, кто раздает их с помощью полуавтоматики. И все-таки, и все-таки!.. Оператор Тамара Уливина одна. К чему и стремились, когда затевали строительство Ильиногорского комбината.

А как же не учесть труд Нины Гореловой! Она тоже оператор, но работает на кормораздатчике. Нина и готовит и раздает корма с помощью техники. Проедет вдоль секций — и сразу накормит тысячу двести белоснежных толстушек. А следом — довольное хрюканье...

Высокопитательный корм, микроклимат, душ, кварцевое облучение, всемогущие кнопки пульта управления... Вот что кроется за прочными стенами современного дома мудрого Нуф-Нуфа. И Нуф-Нуфу и тысячам его сородичей здесь предоставлены все условия — знай набирай вес. Но когда строили комбинат, думали, конечно, о тех, кто занят производством мяса. Главная цель — освободить тружеников ферм от издревле тяжкого и малопроизводительного труда. Операторы Т. Уливина, Н. Горелова, П. Чистякова, М. Панета и их друзья к концу смены почти не ощущают физической усталости. А ведь нагрузка на каждого оператора возросла более чем в семь раз!.. При этом каждый из них производит в промышленных условиях мяса раз в десять — в двенадцать больше, чем в немеханизированных хозяйствах. Такова экономика нового свинокомплекса. Отрадные, долгожданные цифры! На комбинате в Ильиногорске уже в первый год добились того, что центнер привеса обошелся вдвое дешевле. А труда на производство того же центнера здесь затрачивают меньше раза в три-четыре, чем в среднем в хозяйствах Горьковской области.

Вот теперь самое время подхватить песенку из далекого детства: «Нам не страшен серый волк!..»

Н. БЫКОВ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Михайло Васильевич Ломоносов. Трудно найти область науки, в которой бы не работал великий русский ученый: минералогия, астрономия, техника, химия... Сегодня наследники Ломоносова для своих научных исследований используют самые современные приборы.

Шлиф минерала под микроскопом. Этот снимок сделан в Институте геологии и геофизики СО АН СССР.

Новейший астрономический зенитный телескоп для исследователей Крымской астрофизической обсерватории.

Так выглядит магнитогидродинамическая установка — знаменитая МГДУ-25. В Институте высоких температур АН СССР работают над проблемами энергетики будущего.

Институт молекулярной биологии АН СССР. Лаборатория изотопных методов. В лаборатории создан масс-спектрометр — сложный прибор для биохимических исследований.

Фото Г. КОПОСОВА.

●

МАСТЕРСТВО НОВЕЛЛИСТА

Говорят, что по наследству талант не передается...

Я думаю, что жизнь и творчество Натальи Кончаловской, как и самая ее личность — личность художника,— неоспоримое тому опровержение; талантливая писательница — внучка знаменитого Сурикова и дочь Кончаловского.

Благодаря тонкому новеллистическому мастерству Н. Кончаловской много нового, интересного — и всегда дорогого нам — узнаем мы о жизни великих художников из книги «Кладовая памяти» («Сов. писатель», М., 1973).

Здесь оживает не только прошлое. Тут и нынешний день, заполненный творческими заботами, в частности — интереснейшая поездка писательницы во Францию, в Арль, где творил Ван-Гог, где работал П. П. Кончаловский, где случилось бывать в раннем детстве и автору книги...

Теперь Кончаловская привезла в Арль свой перевод шедевра французской классики, поэмы «Мирей», в дар музею Арлатен.

Повесть о земле Прованса, о свидании с Ван-Гогом завершает книгу, написанную изящно и светло.

Н. ТОЛЧЕНОВА

РОДОСЛОВНАЯ РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ

Ал. РОМАНОВ

В конце сентября 1967 года в Горьком стояли на редкость светлые, погожие дни. Старые ветвистые липы и березы вдоль сормовских улиц, неприхотливые яблоневые сады возле вросших в землю одноэтажных домиков рабочих-сормовичей, густые заросли ивняка на волжском берегу были залиты золотом опадающей листвы и ярчайшей лазурью, струившейся с безоблачных высот. Казалось, сама природа придумала такие дни для того только, чтобы всему земному жить да жить.

Случилось, однако, так, что в один из таких дней, 29 сентября 1967 года, прожив на белом свете сто лет и три месяца, умер Тихон Григорьевич Третьяков — потомственный рабочий-сормович, сердечный и добрый человек.

У Тихона Григорьевича были густые пепельные брови, серебристые, аккуратно подстриженные усы и окладистая борода ни с чем не сравнимой белизны. Невысокий, коренастый, он ходил по земле твердо, неторопливо. Движения его больших рук с давно огрубевшими, узловатыми пальцами были уверенны, красивы.

Казалось, он уже ничему не удивлялся, но глаза, юношеские, лучистые, вбирали в себя все, что подмечали вокруг.

Таким я и увидел Тихона Григорьевича в первый раз, лет за тридцать до его кончины. Таким он и остался в моей памяти — теперь уже на всю жизнь.

...Не помню точно, то ли в октябре, то ли в ноябре 1937 года, незадолго до первых выборов в Верховный Совет СССР, Сергей Павлович Лебедев, редактор областной газеты «Горьковская коммуна», где я тогда работал, поручил мне разыскать Тихона Григорьевича, встретиться с ним, «поближе сойтись с этим человеком» (бывали и такие поручения!), а потом, если получится, подготовить для газеты его статью...

В то время добираться в Сормово из центра Горького было не так-то просто. Много времени уходило на поездку двумя трамваями, сначала в Канавино, а потом мимо старых и новых предприятий до главной проходной завода «Красное Сормово», и, пожалуй, ровно такое же время занимало пешее хождение по немощеным, плохо освещенным сормовским улицам.

Впрочем, за все эти неудобства я был сторицей вознагражден гостеприимством и лаской рабочей семьи Третьяковых.

За большим медным самоваром, шумом своим заглушавшим живую речь, мы провели в беседах с Тихоном Григорьевичем три долгих вечера. Пили чай с вареньем из малины и крыжовника, с колотым сахаром вприкуску, отягченно смахивали полотенцами пот с лица. И как же приятно вспоминать теперь эти вечера, необыкновенные, запавшие в душу!

Старик внимательнейше выслушивал каждый мой вопрос, переспрашивал, обдумывал, отсеивал все наивное, ненужное, проистекавшее от пустого моего любопытства или репортерской жадности. А отвечал и рассказывал заинтересованно, удивительно точными и емкими фразами, с большими паузами, но не рисуясь. И, словно боясь ошибиться, повелительно тыкал указательным пальцем правой руки в исписанную мною страницу и время от времени прослушивал то, что я успел записать.

Я подготовил литературное переложение устных рассказов Тихона Григорьевича, назвав их «Моя родословная». Старик не раз заставлял меня читать и перечитывать написанное, прежде чем сказал: «Добро... Вроде бы все на месте... Вроде бы все так, как было...»

«Родословная» Тихона Григорьевича тогда же была опубликована в газете. Здесь я хочу привести более или менее полную запись моих бесед с Тихоном Григорьевичем в те далекие осенние вечера.

Запись, сохранившаяся в старой, пожелтевшей от времени ученической тетрадке, начиналась так:

— Мне теперь за семьдесят лет. Да, восьмой десяток идет... С виду это старость, внуки зовут меня дедом, а соседи — стариком. Но, видать, догадываются люди, что сам-то я себя стариком не считаю. Силы не гаснут, да и дух мой бодр...

Под окнами своего дома я насадил веселый сад. И дом зеленый, и сад такой же. И яблони у меня, и вишни, и сливы, и малина, и цветы. С любовью я отдаю досуг моему маленькому саду. Он растет, крепнет, подожди, он еще принесет плоды... Ты скажешь, чудит старик, зачем ему сад? А затем, что он напоминает мне нашу теперешнюю жизнь: счастливый рост вокруг, цветение, большую тягу к солнышку, к свету... И я шепчу, говорю про себя: «Растите, мои деревца, цветите, мои цветы, мои товарищи!» И хожу, как садовник, довольный делом рук своих...

Говорят, я стар. Но я первый в роду бурлаков, огородников, мастеровых, сормовских бунтарей — пролетариев Третьяковых познал, что такое настоящая жизнь и какова она, радость творческого труда и радость старческого покоя. Рядом со мною нет черного спутника моих предков: каторжной работы и безысходной нужды, грязи, рвани, унижений и слез, страха и отчаяния перед могилой.

Года два-три назад, когда еще была жива жена моя Александра Ивановна, а я работал мастером у нас на Сормовском и вел большую общественную работу, один мой внучонок как-то сказал:

— Я тебя редко вижу, дедушка. Где ты живешь?

— Я живу в Советском Союзе! — ответил я ему, стараясь в этих словах передать мальчонке мои лучшие чувства — любовь к нему, и к другим внукам, и к детям, и к заводским друзьям-товарищам... Да, дорогой, я живу в Советском Союзе, и это новое имя моей страны — моей, заметь! — навсегда ношу вот здесь, в сердце. И не скрываю этого, да и зачем бы мне скрывать? Ведь я живу в стране, которая дала мне звание Героя Труда и еще в 1931 году наградила орденом Трудового Красного Знамени, и горжусь этим: ведь у моего ордена восьмидесятый номер. Да, я живу в нашей нынешней стране, где честная трудовая жизнь дает самый высокий аттестат человеку...

Ну, а теперь слушай, как пришли мы к ней, к такой жизни...

Прапрадед мой Максим Ефимович Третьяков и прадед Яков Максимович родились и померли здесь, по-тогдашнему в Соромове. Дед рассказывал: это были молчаливые, злые на работу люди. У них были плечи — косая сажень и во какие мужицкие руки. Много ихнего пота впитала в себя тощая сормовская земля.

Всю жизнь они не знали покоя. Копались в земле, как кроты, а она родила плохо, ртов же в семье было не перечесть; делали волгарям «кладнушки» — лодчонки и сбывали их за долги; топором валили лес, возили «остромки» дров на Гребешок (базар в старом Нижнем Новгороде) — добывали гроши; из года в год бурлачили, впрягались в лямку, тянули баржи с чужим хлебом и с чужим лесом. Их тропой шел и мой дед, Иван Яковлевич, бурлак, огородник и столяр. Их тропой он шел и ихние доходы собирал. «Возьмешь, бывало, весной две самотканых рубахи,— говорил он мне о тех «доходах», — наденешь лямку и одни узлы под осень домой принесешь, одну кожу на костях оставишь».

Сормовский завод строили при деде и отце. Отец мой, Григорий Иванович, был первым в нашем роду полным мастеровым. Он работал в сутки четырнадцать-пятнадцать часов — сначала у пароходчика Зевеке на побегушках, у заводчика Годяева в мастерских, у купца Булычева на мельницах, потом в вонючих цехах господина Бенардаки. Тут он и нашел погибель свою. Надорвался, рубая бойки в сталь-проковочном цехе. Год восемь месяцев проболел и помер.

Настала и моя очередь надеть лямку и пойти тропою отца. И в 1880 году, тринадцати лет от роду, я впервые пришел на Сормовский завод...

Подумай хорошенько, не покажется ли тебе, парень, что жизнь у меня, как яблоко, разрубленное пополам? Одна половина у него черная — это тридцать семь лет моей работы на хозяев, это жизнь без просвета, с сомкнутыми в злобе и тоске зубами. Другая его половина — это двадцать лет моей работы на себя, на заводе, который мы раньше никогда не звали своим, а теперь зовем... Это жизнь трудная, но какая же она нужная! Каждый день из этих двадцати лет близок, приятен и дорог мне...

Я благодарен моим предкам, простым рабочим людям: они научили меня ценить жизнь и не поддаваться печали.

Меня теперь часто спрашивают о прошлом — молодые люди, пионеры, школьники. Спрашивают: трудна ли была прошлая жизнь, светла или темна? Спрашивают: счастлив ли я, доволен ли?

Я отвечаю. Вспоминаю, как и что было, рассказываю, воспоминания за сердце хватают, волнуют меня. Иногда мне кажется, что они похожи на небыль, эти воспоминания, и я задумываюсь: всегда ли верят мне внуки мои?

Я иду в гости, или гости приходят в мой дом. За самоваром, как вот с тобою сейчас, мы коротаем досуг. А я вспоминаю, что слова «досуг» не знал даже мой отец, что были годы — и, кажется, совсем недавние годы, — когда во всем Сормове имелось только два самовара, у Капрановых да у Головушкиных. И многие из нас смотрели на чайную чашку, как на признак достатка...

Или вот еще пример. Идет ныне почтальон, разносит письма людям, но незаметно что-то, чтобы они бегали из дома в дом с просьбой прочитать полученное письмо. А я помню Сормово без почты, без грамотных людей. Мы брали продукты у лавочника Максима Никитина, и отъезжие наши все письма слали ему. Костя-дьячок их потом разносил по поселку, читал с роздыхом, не спеша, и бабка моя, Наталья Кирилловна, подавала ему обед, посылала меня за косушкой, оставляла чтеца ночевать, а утром вознаграждала караваем хлеба и гривенни-

ком. Мы смотрели на дьячка со страхом и уважением. Ох, и доходное ж это было дело — письма читать!..

Мой дед и четверо его сыновей всю жизнь летом ходили босиком, зимою в котáх. На пятерых они имели одни сапоги, женились-венчались в них, на масленой, надев эти сапоги, выезжали кататься. Ты смеешься сейчас: действительно, как это можно десять ног обуть в одну пару сапог? Обували!.. На левую ногу сапог натягивал младший, на правую — старшой, садились на левую и правую сторону саней и выпускали ногу из-под попоны! Смотрите, мол, какие Третьяковы богатые, все по праздникам в сапогах ходят!..

Первым в нашем роду грамотеем был дед. Он читал по складам псалтырь и часослов и полууставом писал. Но отец мой грамоты не знал: не только в детстве отца, но и в моем-то в Сормове не было школ. Я познавал грамоту у хромого солдата-бобыля: он открыл у нас целый «университет» — за семь целковых учил читать, а за рубль — писать. Была у солдата сестра, которая помогала ему ввинчивать нам, юнцам, грамоту в мозги, «неуспевающих» ставила коленями на лучину и горох и драла за вихры. Что ж, они учили, как умели, и открыли нам тайну букв. Потом, через годы, читая большевистские прокламации и запретные книги, мы открыли для себя целый мир и сказали спасибо нашим первым учителям...

А дальше пиши так:
Завод господина Бенардаки убил моего отца.

Завод «Красное Сормово» дал жизнь моим детям и открыл им, потомкам волжских бурлаков и сормовских мастеровых, широкие ворота в жизнь. Во какие ворота, — их никому не закрыть. И я, старик, горжусь тем, что мои дети — семеро сыновей и дочь — хорошо растут...

Мой первый сын, Анатолий,— инженер, второй, Александр, был токарем, теперь тоже стал инженером, и третий, Зосима,— инженер, Виктор — мастер, Модест — инженер, Аркадий работает в Сибири, по комсомольской мобилизации уехал туда. Дочь Анфиса и сын Поликарп — на Сормовском же заводе и не на плохом счету.

Мои внуки — много их у меня — хорошо растут. Они хотят стать учеными, инженерами, врачами, водителями воздушных кораблей — такой у нас идет разговор. Я смотрю на их русые головы и забываю о своих сединах. Словно в саду, хожу возле них и говорю: «Растите, мои деревца, мои цветы, мои друзья и товарищи! Солнце — для вас, вся земля — для вас, поднимайте выше смелые головы, полной грудью вдыхайте наш советский воздух! Не забывайте о своих предках, цените их пот и кровь, берегите от врагов наш цветущий сад...

На этом заканчиваются записи моих бесед с Тихоном Григорьевичем Третьяковым. Осенние вечера 1937 года и неторопливые рассказы старого сормовского рабочего в канун первых всенародных выборов в Верховный Совет СССР, рассказы, сохранившиеся в старой тетради, не раз потом воскресали в моей памяти.

В первые же дни Великой Отечественной войны, в конце июня 1941 года, когда Тихону Григорьевичу шел уже семьдесят пятый год, он вновь взял пропуск на родной завод и проработал здесь все военные годы.

Конечно, он уже не мог вернуться к профессии машиниста прокатного стана, но не отказался от предложенной ему хлопотливой должности инструктора производственного обучения молодежи. Одновременно он был и верным советчиком сормовских прокатчиков — консультантом специалистов прокатного цеха. На заводе в ночь на 9 мая он встретил известие о великой победе нашего народа в Отечественной войне.

Шел Тихону Григорьевичу восьмой, а затем и девятый десяток, а его время от времени все еще встречали на заводе. Особенно часто он бывал в том цехе, где создавалась знаменитая «Ракета» — первое судно на подводных крыльях. Участвовал Тихон Григорьевич и в первом рейсе «Ракеты», был среди ее почетных пассажиров.

Даже полная потеря зрения в последние годы жизни не ослабила стремление ветерана быть среди людей, прислушиваться ко всему тому, что происходит на заводе, в родном городе и в стране. Он так и не постарел душой, всегда был хорошо настроен и отзывчив к детям, внукам и правнукам.

В Музее истории трудовой и революционной славы завода «Красное Сормово», чье 125-летие страна отмечает в нынешнем году, о династии Третьяковых, главой которой был Тихон Григорьевич, можно узнать следующее.

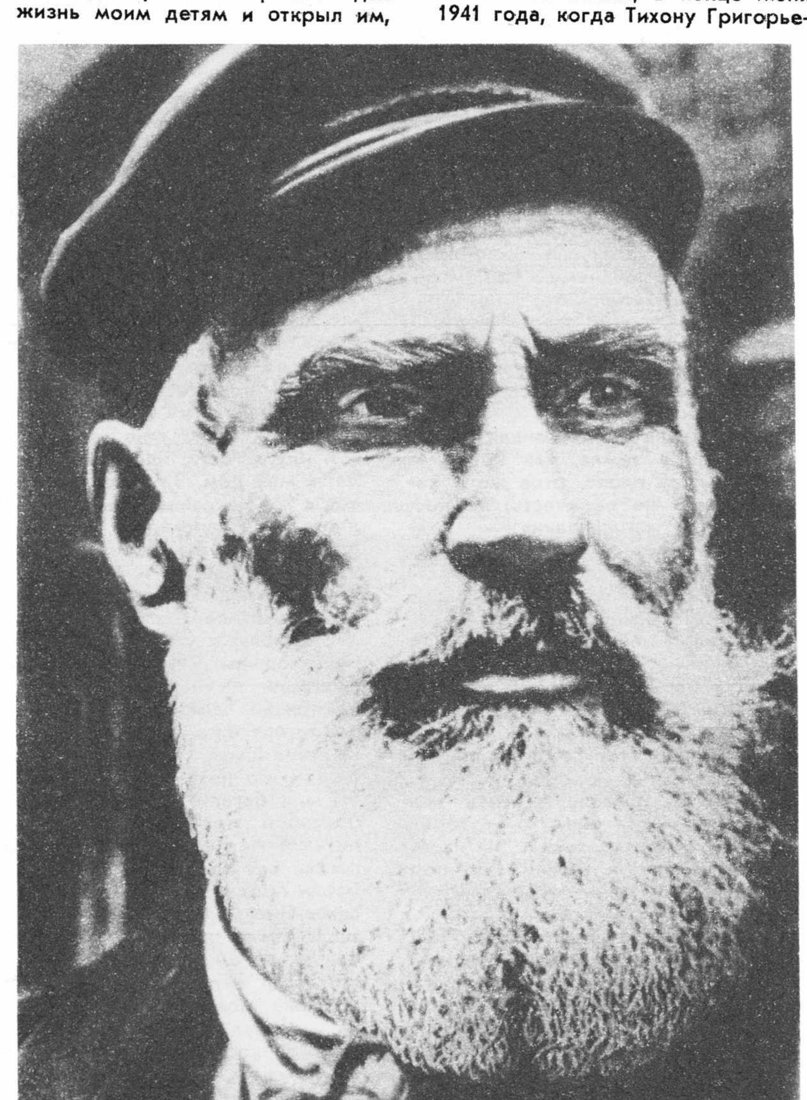
Все дети Тихона Григорьевича: дочь Анфиса (1896 года рождения), сыновья: Анатолий (1898), Александр (1900), Зосима (1902), Виктор (1904), Модест (1906), Аркадий (1908), Поликарп (1910) — здравствуют и поныне. Семеро уже на пенсии, и только Поликарп еще работает нормировщиком на заводе.

Шестеро живут в Сормове, двое в Москве: Модест — авиационный инженер, окончивший Академию имени Жуковского, и Анатолий — Герой Социалистического Труда.

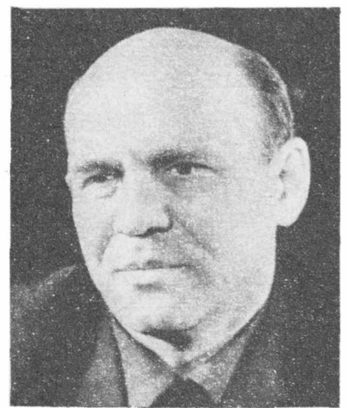
Аркадий, уехавший в тридцатые годы в Сибирь, был секретарем комсомольской ячейки в Шушенском, потом с комсомольской работы перешел на партийную, одно время был секретарем Красноярского крайкома КПСС, а когда вышел на пенсию, вернулся в Сормово.

В рабочей династии сормовичей Третьяковых, как можно узнать в том же музее, нынче — с внуками и правнуками — пятьдесят шесть человек. Среди них — четырнадцать инженеров и столько же техников. Впрочем, поручиться за то, что эти данные самые точные, не могу: скорее всего их много больше — сормовичей Третьяковых с высшим и специальным средним образованием.

...На Высоковском кладбище в Сормове над могилой Тихона Григорьевича установлен скромный обелиск. Но узкая тропка, ведущая к его могиле, не зарастает. Негасимым живым огнем светятся здесь любимые цветы рабочих — красные гвоздики. Они, словно вечный огонь над могилой человека, история жизни которого стала неотделимой частью славной истории его родного завода — орденоносного завода «Красное Сормово».

К 60-ЛЕТИЮ ЮЛИЯ ЧЕПУРИНА

СУДЬБА ДРАМАТУРГА

Творческая, писательская судьба эта началась в дни, когда яростно грохотали пушки. Началась там, где, казалось бы, замолкала, обрывалась, задыхалась всякая жизнь,— в боях под Сталинградом. С фронта прислал Юлий Чепурин первую свою пьесу «Сталинградцы» в Театр Советской Армии, режиссеру Алексею Дмитриевичу Попову, и произошло то, о чем обычно мы читаем лишь в иных рецензиях, воспоминаниях или рассказах: само собой стало понятно, что в драматургию пришел талантливый, душевно богатый человек. Для Театра Советской Армии это была пьеса своя, кровная, необходимая. Родился спектакль, ставший советской классикой, вошедший во все театральные хрестоматии, в историю советского театра.

Так фронтовая дорога писателя перешла в творческую.

В драматургию Чепурин принес пьесы темпераментные, боевитые, напористые, резко конфликтные. Всегда они интересны. Когда думаешь о них, ощущаешь целостную, живую народную душу.

«Весенний поток» снова ставил А. Д. Попов на огромной сцене Театра Советской Армии. Народная стихия снова залила театральные подмостки, только теперь поднимала ее не фронтовая, но трудовая забота: люди вышли строить, работать, восстанавливать... Примечательно, что послевоенный труд одним из первых воспел военный драматург Чепурин.

Долгое время живет в репертуаре пьеса «Мое сердце с тобой», где рассказывается о трудных днях председателя колхоза Мефодьева... Много общего у этого Мефодьева с самим Чепуриным; общим было у них трудное фронтовое прошлое, общим стало и настоящее — бесконечная забота о своем народе... Эта пьеса полюбилась зрителям удивительной откровенностью в разговоре о сложных противоречиях времени, показанных через жизнь героя — сильного, мужественного человека.

Во многих театрах страны поставлена народная эпопея Чепурина «Снега», где свободно соединились ленинская тема — тема электрификации страны — и тема становления народного самосознания. В истории советской сценической Ленинианы эта пьеса Чепурина — явление во многом новаторское: здесь ему удалось так рассказать о Ленине, что жизнь, судьба, биография вождя по-новому раскрылись на широком полотне народной судьбы, тесно вплелись в движение жизни народа.

Мы не можем в маленькой этой заметке рассказать обо всех пьесах Чепурина. Их много, и все они разные. Роднит же их судьба народная — судьба человеческая, интересно и ярко раскрытая на переломных этапах общественной истории.

Вл. ПИМЕНОВ

Василий АРДАМАТСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Разведчик Николай Жарков

1

С военным разведчиком Николаем Евгеньевичем Жарковым я познакомился уже после войны и совершенно случайно. Ехал на машине по северной Харьковщине и в одном месте попал в «ловушку». Подъезжаю к новенькому мосту через речку Волчья, а поперек дороги плакат: «Проезд воспрещен, объезд»,— и стрелка показывает на разъезженный скат к броду, а там поперек реки стоит завязшая полуторка. Вода выше колес.

Я поставил машину у моста и спустился к броду.

В полуторке за рулем никого не было. На месте рядом с шоферским сидел мужчина в брезентовом плаще. Он спал, привалившись головой к приоткрытому боковому стеклу.

— Вы что, ночевать тут будете?— крикнул я.

Человек со сна не сразу понял, откуда кричат, распахнул дверцу, будто собирался шагнуть в реку, и рассмеялся...

Оказывается, шофер полуторки пошел искать подмогу вытянуть из реки машину.

— А почему готовый мост закрыт? — спросил я.

Человек в полуторке снова рассмеялся:

— Строители никогда не спешат сдавать людям свое детище, как отец с матерью не торопятся выдавать дочь замуж...

Я пригляделся к человеку в полуторке. У него было простое, открытое лицо с грубоватыми чертами, крупный нос, вздернутый над аккуратными светлыми усами, угловатый, чуть выдающийся вперед подбородок и смешливый рот с ямочками по бокам придавали его лицу выражение веселого упрямства.

Меж тем шофера все не было, а уже вечерело. Я вернулся к машине и, объехав стороной строгий плакат, проехал по мосту. Вскоре я уже был в городе Волчанске, где остановился на ночевку.

В гостинице я оказался единственным жильцом. Облюбовав себе одну из пяти стоявших в комнате кроватей, я положил на нее плащ, чемодан и пошел гулять по городу. Когда вернулся, я обнаружил в комнате того мужчину из полуторки и, очевидно, его шофера. Он стоял, неестественно широко расставив ноги, и говорил что-то шоферу, который в это время развешивал на подоконнике мокрые портянки. При моем появлении человек из полуторки замолчал, посмотрел на меня, узнал и рассмеялся.

— Все дороги ведут в Волчанск.

Я поздоровался с ним, назвал свою фамилию.

— Жарков,— отозвался он и кивнул на шофера:— А это Геня, водитель первого класса.

— Второго,— уточнил Геня и издали поздоровался со мной.

— Вы питались?— спросил Жарков.— Тогда спускаемся вниз. Я уже столковался там о яичнице.

Он пошел к дверям, и только тогда я обнаружил, что у него обе ноги с протезами. Идя, он заносил их в стороны полукругом. А по лестнице он спускался, как делают это, балуясь, детишки,— держась рукой за перила, на одной ноге спрыгивал со ступеньки на ступеньку. Геня с нами почему-то не пошел.

В столовой нас уже ждала яичница. Жарков ел сосредоточенно, молча, и только когда сковорода опустела и мы ждали заказанный чай, он сказал, с любопытством глядя на меня:

— Писатель, значит? Беспокойная, я думаю, работа, а?

— А вы чем занимаетесь, если не секрет?— спросил я.

Жарков засмеялся.

— Поскольку ног нет, увлекся транспортом. Инженерю в большом автохозяйстве. Сейчас вот с Геней испытываем новинку в автомобильной обувке, ленточные насадки на покрышки. Специально ездим по плохим дорогам. Переезду через речку обрадовались, как подарку, и завязли. Но насадки тут ни при чем. Дряблое песчаное дно, тут и танк может на якорь стать...

Мы поговорили об автомобилях, о дорогах, и я спросил:

— Ноги вы на войне потеряли?

Жарков посмотрел на свои вытянутые ноги, не сразу ответил:

— Я их не терял, у меня их отняли. И главное — свои это сделали...

Я стал расспрашивать, как это случилось, но Жарков долго и упорно не хотел рассказывать.

— Вы-то ждете чего-то захватывающего, красивого, такого, как в ваших книгах, а у меня ну ничего эффектного,— смеялся он, но я видел, что смеется он напряженно, не очень-то искренне.

И все же он начал рассказывать...

2

Поздней осенью 1941 года Николая Жаркова вместе с радисткой Надей ночью сбросили с самолета где-то между городами Ярцевом и Рудней, что на Смоленщине. Они должны были обосноваться возле шоссейной магистрали Москва — Минск и вести разведку передвижения вражеских войск.

Первой покинула самолет радистка, и сразу за ней — Жарков. Приземлившись на болотистой равнине с чахлым кустарником, Жарков закопал в мох свой парашют и начал подавать условные сигналы радистке. Надя не отвечала. Он ходил по болоту, постепенно расширяя круг поиска, но радистка не объявлялась. И только на рассвете он в черном бочаге разглядел белый шелк затонувшего парашюта.

Случилось несчастье. Парашют радистки почему-то не раскрылся, его купол был скручен в толстый жгут. Залезши по грудь в холодную воду, Жарков пытался вынуть из бочага тело радистки и рацию, но сделать это не смог — так глубоко ушло все в мягкий торфяник...

Запомнив приметы этого места, он разделся и на робком утреннем солнце стал сушить свою одежду. От переживаний и холода его так трясло, что он клацал зубами. День он провел на этом болоте, а с наступлением темноты пошел в Рудню, где была для них резервная явка на крайний случай. Пришел в этот городок, нашел нужную улицу, а от явки остались только ворота с номером да пепелище от дома.

— Вот вам и вся история...— Жарков перестал рассказывать и, помолчав, спросил с усмешкой:— Интересно? Годится?

Я молчал...

— Ну, вот... И что прикажете делать? Что?— он так требовательно это спросил и с таким злым прищуром смотрел на меня, что промолчать было нельзя.

— Наверно, надо было пробираться через фронт назад,— ответил я.

— Вот спасибочко!— воскликнул он с веселой иронией.— Именно такое решение я и принял... Но беда в том, что фронт в то время был возле Москвы, и до него идти да идти... В общем, пока я добрался до района Можайска, уже установилась зима. О душевном моем состоянии в те дни романа не напишешь, понять меня тогда мог только заяц, обложенный со всех сторон гончими. Впрочем, от зайца некоторое отличие имел — одну гончую я убил. Это был зазевавшийся фриц из полевой полиции. Шинель и прочее его обмундирование мне сильно пригодились...

...Сделал четыре неудачные попытки перейти фронт. Возле Москвы столько их войск скопилось, что надо было просить фрицев посторониться, чтобы дали пройти. Потом мне мое начальство сказало: надо было обойти Москву и пробиваться с юга, там фронт был пожиже... Легко это сказать, сидя в кабинете, видя вокруг не снежный простор без края, а аккуратные карты с обозначением каждого селения и располагая информацией где густо, а где пусто... А у меня вся информация — это то, что я сам видел прямо перед собой да еще что расскажет мне дед-моховик, который приютил меня в своей землянке на окраине сожженной деревеньки, под Старой Рузой. Землянка дедова была у меня как база, куда я возвращался после каждой неудачи с переходом фронта...

...В пятый раз пошел через фронт как раз, когда наши начали наступление. И тут попал я в пиковое положение, которое предназначалось для гитлеровцев. Но наши артиллеристы и летчики не ведали, что в каше одуревших фрицев мечется от ямы до ямы фриц поддельный, я то есть... Одно хорошо — немцам не до меня. Раз оказался в воронке вместе с настоящим. Он мне говорит: «Вот тебе и московские перины...» Я ему ответил ножом — подтвердил, так сказать, его мысль... А под вечер я напоролся на отряд наших конников. Как они только меня не порубали! Скачут двое прямо на меня, а я руки поднял и ору что есть мочи: «Я свой!..»

После этого меня больше года никуда не посылали. Почему — не знаю. Мне казалось, не доверяют. Работал, однако, при штабе, помогал, как мог, в подготовке других. Товарищи подтрунивали, звали меня главным специалистом по переходу фронта в момент нашего наступления. Один остряк написал от моего имени памятку об этом — со смеху все покатывались, когда зачитывали...

Но пришел все же и мой черед...

3

...В ночь с 3 на 4 августа 1943 года Жаркова сбросили с самолета над поймой при слиянии рек Ирпень и Днепр. Но, очевидно, летчик

ошибся, и Жарков приземлился в очень опасном месте — метрах в пятистах от железнодорожного моста через реку Ирпень. А это была важная железнодорожная коммуникация Киев — Коростень, и мост хорошо охранялся. С прибрежной высотки, из-за деревьев проглядывали здания, и оттуда, несмотря на поздний час, доносилась громкая музыка,— значит, и там были немцы.

Зарыв парашют в береговом обрыве, Жарков стал думать, как ему поступить. Там, где он должен был приземлиться, его ждут специально посланные туда люди. Они провели бы его берегом Днепра до Вышгорода, оттуда он, уже один, пробивался бы к Киеву. Ему не нужна была карта. Он так ее изучил, что стоило ему только подумать о ней, как она сама расстилалась перед его глазами, и он видел все, даже самые мелкие населенные пункты западной зоны Киева. И сейчас он видел, что отсюда до Вышгорода почти в два раза ближе, чем до того места, где его ждали. В общем, надо было идти в Вышгород одному. Явку там он знал. Вспомнил при этом печальную историю с явкой в Рудне. Но подумал: два раза в одно место снаряды не попадают...

Ругнув летчика, решил для начала удалиться километра на два от железнодорожной линии. Пошел по берегу реки. Ночь темная, теплая, тихая, кроме той музыки с высотки ничего не слышно. Интересно бы посмотреть, что за веселье у немцев на ночь глядя. Вспомнился полет через фронт. Возле Чернобыля гады не гуляли — схватили самолет прожектором и давай бить. Один снаряд разорвался так близко, что в пилотской кабине стекло вылетело... «Зря ругал летчика...»— подумал Жарков.

Идя по берегу, он высматривал, где бы ему укрыться на день. Августовские ночи еще не длинные, надо было поторапливаться. У поворота реки он нашел укромное местечко. Тут в Ирпень впадала какая-то безвестная луговая речушка, сейчас почти высохшая. Ольшаник по берегам разросся стеной, русло речушки было похоже на туннель, по дну которого, тихо журча, бежал ручеек. Жарков залез в этот туннель, обвалил с одной стороны песок и улегся на него. Берлога что надо. Обнаружить его можно, только идя по руслу речушки, а кому может в голову прийти такая дорога?..

На живот и на ребра давила рация. В Москве ему сильно расхваливали эту новую конструкцию радиостанции. Она и в самом деле была хороша: две не очень толстые металлические коробки, пристегнутые, как патронташи, к специальному поясу. И пользоваться ею легко: она намертво настроена на волну приема и передачи. Но в порядке ли она? Ведь приземление вышло не очень-то аккуратным...

Жарков отстегнул ремень, расстелил его на коленях, соединил, как надо, сегменты рации и вытащил складной прут антенны. Надев наушники, он включил электропитание и сразу услышал шорох, треск и четкий голос морзянки. Центр, как было установлено, передавал тест — три точки и букву «и». Это означало, что Центр слушает эфир и готов в любую минуту принять передачи. Сейчас Жарков работать на передатчике не стал. Во-первых, нечего передавать, а во-вторых, враг может засечь его передатчик. Но чертовски приятно было услышать эти три точки с буквой «и». Товарищи — вот они, рядом. И думают о тебе круглые сутки.

Жарков вытянулся в рост на своем песчаном ложе. И сразу встревожился: сквозь кусты он увидел вверху светлеющее небо. Кустарник, ночью казавшийся непроглядным, теперь таким не был. Покидать это убежище было поздно и неразумно. Жарков вырыл в береге пещеру и над ней в просвет напихал сломанных веток. Теперь неба почти не было видно. Съел две таблетки концентратов и вскоре заснул. Он умел вот так засыпать, когда надо...

4

Когда день клонился к сумеркам, он вышел к шоссе недалеко от Бузова, несколько отдаляясь от Киева в сторону Житомира. По шоссе непрерывно мчались автомашины. Выйти на шоссе было опасно, хотя одет он был продуманно, достоверно. Простые грубошерстные штаны заправлены в потрепанные, но вполне ладные сапоги. Куртка, перешитая из серого деревенского армяка. На голове кепка. За спиной — «сидор» с двумя кусками сала и половинкой хлебного каравая. Есть при нем и документы, по которым он младший чин гражданской полиции города Киева, возвращающийся из Житомира после конвоирования туда арестованных. И все же выйти на шоссе нужно было так, чтобы никто не заметил, откуда он появился. Поэтому он и уклонился немного от Киева: все искал такое место, где лес или кусты подходили бы к самому шоссе.

Такое место он в конце концов нашел и уже в сумерках быстро вышел на шоссе. Пройдя немного в сторону Киева, он стал «голосовать» попутным грузовикам. Несколько машин пронеслось мимо. Остановился автобус со знаком красного креста на боку. Из кабины высунулся немецкий офицер, сидевший рядом с шофером.

— Что случилось?— спросил он по-немецки.

— Подвезите до города,— совсем не просительно сказал по-русски Жарков, поясняя сказанное жестами, и протянул офицеру удостоверение. Жарков знал, что главное сейчас — забыть свою настоящую биографию и быть тем, кем его сделала служебная легенда.

Офицер внимательно посмотрел удостоверение и рукой показал, чтобы Жарков влез в автобус через заднюю дверцу. Там он оказался в обществе двух немецких офицеров, из разговора их понял, что оба они военные врачи. К его появлению они отнеслись совершенно равнодушно, на его «здравствуйте» ответили небрежным «гутен абенд» и, когда машина тронулась, продолжали прерванный разговор. Жарков смотрел в маленькое окошечко автобуса и слушал их разговор. Врачи говорили о каком-то приказе, который требовал отправить в глубокий тыл всех раненых. «Очевидно, хотят перевезти их подальше от войны»,— высказал предположение один врач. А Жарков подумал: ожидают большие бои и очищают места для новых раненых...

Автобус въехал в Киев. Жарков неплохо знал город и, когда слева увидел постройки Киевской киностудии, постучал в стекло шоферской кабины.

Вечерело. Жарков сошел на тротуар, отделенный от шоссе зеленой полосой газона и деревьями, и зашагал быстрее,— надо было до темноты найти заветный домик!

Узкая уличка между двумя заборами — немощеная, пыльная — вывела его на ту, которая была нужна. Прошло минут пятнадцать после того, как он вышел из автобуса, и он уже стоял около домика, вросшего по окна в землю. Из среднего окна, как условлено, выглядывал пучеглазый фарфоровый кот-копилка. Жарков просмотрел улицу: нигде ни души,— и смело вошел в садик перед домом. Тотчас на крыльце появился старик в накинутом на плечи ватнике.

— Вы к кому?

— Вы не знаете, где живет Николай Евсеевич Анисимов?

— Здесь он и живет, а только его нема.

Жарков замер. Ответная фраза должна быть: «Здесь и живет, а только его нет сейчас дома».

— Жаль-жаль,— произнес Жарков, лихорадочно обдумывая положение. И еще раз спросил:— А живет он, значит, здесь?

— Здесь он и живет, а только его нет сейчас дома,— сердито и уже точно произнес старик отзывную фразу пароля и уже добрее добавил:— Да заходи, не морочь голову!

Жарков вошел в дом. Вслед за ним вошел старик. Есть ли в доме кто-нибудь еще, Жарков в темноте разглядеть не мог.

— Топчется, как грешник в церкви,— проворчал старик.— А тут каждый дом с глазами. Увидеть же могут, не ровен час.

— Надо точно говорить пароль,— сказал Жарков.

— Упомнишь их все,— обиделся старик.— Что ни неделя — новый сочиняют, а я, брат, не школьник, чтоб выучивать. Вон та койка твоя, отдыхай. Есть у меня нечего. Ваши придут в полночь.

Жарков лег на жесткую койку, отпустил ремень рации, подложил руки под голову и стал думать... Слава богу, дана была явка, так она и есть. И теперь все не так уж трудно и сложно, надо только страх выключить и делать все так, как приказано. Великая сила — приказ, который швырнул тебя в ночную темень с самолета, который поставил здесь, на среднем окне, уродливого кота-копилку, который заставляет старика каждую неделю заучивать новые пароли, который в полночь приведет сюда его товарищей. Интересно, кто придет. Хорошо бы, Юмашев пришел, Коля Юмашев. Вместе в спецшколе учились, и вот где довелось бы встретиться...

Размышление незаметно перешло в сон. Жарков увидел свою жену Лену. Она, щурясь, смотрела на него, подняв голову от ученических тетрадей, которые она проверяла дома каждый вечер. Таким взглядом она встречала его всегда, как бы поздно он ни возвращался...

— Погляди на себя,— сказала Лена.— Кожа да кости. Тебе что, и пообедать некогда?

— Обедаю и еще в буфет хожу,— весело ответил Жарков, чувствуя неловкость оттого, что говорит неправду.

— Что вас там, нарочно, что ли...

Жарков не дослушал то, что сказала Лена,— его разбудил глухой удар, встряхнувший весь дом.

— Наши кидают,— послышался голос старика из-за печки.— Как десять часов, начинают кидать. Хоть часы по ним ставь. Но ты не слушай, спи. Сюда не кинут, разве что если ошибутся...

Но Жарков заснуть больше не мог и снова думал о своей Лене. Удивительное дело, последнее время она ему чуть не каждую ночь снится. «Это оттого,— думал он,— что люблю я ее. Женился — не сказал, что люблю. Петьку родили — не сказал. Хотя она и без слов сама знает. Когда б не знала, давно бы бросила его,— хуже, чем он, мужа не найти. С утра до ночи на работе, хотя чин невелик и жалованье не ай-ай-ай...»

Попал-то он в разведку случайно. А может, и вовсе не случайно. Отслужил действительную на польской границе, вернулся в Москву и пришел в свой Краснопресненский райком комсомола, где ему вручили путевку на границу. Заявил, что хочет учиться. Ему сказали: «Ладно, приходи в понедельник». Он пришел в понедельник и получил направление в спецшколу. Вот и все. После школы начал работать...

Когда вернулся с финской войны и получил орден Красной Звезды, начальник отдела при всех сотрудниках поздравил его. «Жарков — прирожденный разведчик»,— сказал он. И добавил: «Секрет успеха Жаркова прежде всего в его железной дисциплинированности. И еще — храбрость, и еще — хитрость, и еще — воля к победе». Да, красиво говорил тогда начальник. А вот когда Жарков уже в этой войне вернулся с пустыми руками, тогда начальник говорил совсем другое...

Жарков посмотрел на часы. Угол светящихся стрелок стал острым — двадцать три часа. До прихода своих еще целый час. Вспомнилось, как в спецшколе, на первом курсе по-немецки стишок про часы выучивали. Как же он, этот стишок, читался? Вместо стишка вспомнил педагога по немецкому Густава Петровича, как он требовал от курсантов, чтобы они научились думать по-немецки.

Жарков стал думать по-немецки. Он любил это занятие еще в школе. Почему-то по-немецки думалось как-то строже, четче, как если бы он говорил короткими фразами, избегая каждого лишнего слова. Когда он начинал так думать, ему чаще всего приходило в голову что-нибудь немецкое. Сейчас вспомнилась ему одна немецкая книжка. Он подобрал ее в крестьянской хате, когда плутал по Смоленщине. Была эта книжка карманного размера и предназначалась для немецких солдат. Она была из серии «военный роман». В ней рассказывалось о сногсшибательной деятельности гитлеровского разведчика в Советском Союзе. И такой он, и сякой, и красивый, и высокообразованный, и нацист сверхпервого сорта. И чего только с ним не приключалось! Вот уж брехня несусветная, а читать было жутковато...

Жарков снова стал думать о себе. Лучше бы, конечно, не думать, а заснуть,— неизвестно, много ли придется потом спать. Но сон не приходил, в голове сами по себе копошились мысли и воспоминания...

Ну, не стал бы он разведчиком, а, как собирался, был бы инженером-строителем. Что в нем было бы другое? Только характер дела. А сам он был бы точно таким же. Ведь все хорошее, что он знает в себе, это от батьки — мастера по наладке станков на Трехгорке и от

мамаши-ткачихи. С самого раннего детства они внушали ему, что главное в человеке — это его повседневный труд. Без этого человек голый и пустой. А кто работает, только чтоб жалованье схватить, тот живет, вроде как клоп в щели дома. Вылез из щели, укусил кого — и обратно в щель. Человек трудом своим должен заявлять людям, какая у него душа, для чего он живет на земле, к чему он стремится. Батя любил говорить: «Революция, Ленин всем дорогу указали. Теперь не то, что при царе, когда люди дорогу в темноте искали. Но если ты и теперь дороги не видишь, добра от жизни не жди!»

Кто-то легонечко, два раза с перерывом, стукнул в окно. Старик, кряхтя, вылез из-за печи и пошел к двери. В дом вошли двое. Высокий в темноте подошел к Жаркову вплотную и, наклонившись, шепнул пароль. Жарков ответил.

— С благополучным прибытием!— пробасил высокий и сел на лавку к окну.— Иди сюда. Хоть как-нибудь разглядеть тебя надо.

— Я постерегу на крыльце?— юношеским голосом сказал второй и вышел.

— А Юмашева нет?— спросил Жарков.

— Плохо с Юмашевым, подозреваем — попал в облаву. Я Козырев.

— Степан Степанович?— уточнил Жарков.

— Он,— ответил Козырев.— Значит, дело такое. Задание тебе немного изменили в связи с обстановкой. Новые документы тебе готовы. Мы поселим тебя у верного человека, как раз напротив дома, где они живут. Будешь снимать всю эту сволочь... «на память»... А придет час, их по этой памяти под землей отыщут. Ясная тебе задача?

— Каким аппаратом буду работать?— спросил Жарков.

— Аппарат мировой, рижского производства. «Минокс» называется. Чуть больше спичечной коробки. Вот гляди... День на освоение техники — и за дело! А твоя рация хорошо пригодится нам...

5

Если от Крещатика подняться по этой улице на гору, там, на самом взлобке горы, с левой стороны, стоит огромный жилой дом. Богатый дом. Его облюбовало гестаповское воронье. Вдоль дома, когда ни посмотришь — днем ли, ночью,— гуськом стоят легковые машины. По тротуару прохаживаются часовые с автоматами. Только и знай козыряют входящим и выходящим высоким чинам в черной форме.

Жарков жил на другой стороне улицы, чуть-чуть наискосок от того богатого дома, в полуподвале, у вдовы Ольги Саввишны. Сама она поселилась тут уже осенью 1941 года. Работала теперь на хлебозаводе, а до войны была уборщицей в гостинице «Континенталь». Муж ее еще с финской войны был в армии. Жив ли он, не знала, и, как ни странно, веры в это у нее не было. Свыклась, что ее вдовой называют, и теперь немного смущалась. Жарков-то был к ней поселен под видом мужа, который будто бы добрел наконец до дому с неизлечимой болезнью от контузии — эпилепсией. Пришлось вот Жаркову освоить, как разыгрывать припадки эпилепсии. Врач-подпольщик, обучавший его такому искусству, сказал, что делает он это здорово, прямо как заслуженный артист республики. Нынешние соседи Ольги Саввишны настоящего ее мужа не знали и Жаркова приняли без всякого подозрения, заботились о нем. Когда случался припадок, сбегались помогать Ольге Саввишне.

Рано утром Жарков с палочкой выходил из дома и, волоча ноги, прогуливался по улице. В ладони спрятан фотоаппарат, и как только из «богатого дома» выходил или вылезал из подъехавшей машины немецкий чин, он нажимал кнопку. Работа была, конечно, не без риска, и Жарков понимал, для чего она, но в душе все же считал, что лучше бы иметь задание позвучнее, чтобы враг ее быстрее почувствовал...

Однажды в дом, где жил Жарков, во втором часу ночи нагрянули два полицая и гестаповец. Жарков словно знал, что они нагрянут, и накануне вечером сыграл очередной припадок эпилепсии. И, когда полицаи стали поднимать его с кровати, даже соседи, как сами они ни были напуганы, подняли крик: что, мол, вы делаете, человека мучаете после припадка. Гестаповец спросил:

— Почему в больницу его не кладете?

В ответ ему — справочку по всей форме о выписке из больницы как неизлечимого. А вот Ольгу Саввишну они почему-то забрали, несмотря на все ее документы и на справку, что она работает на хлебозаводе. И тут уж соседи помочь не смогли, хотя и подняли крик, что нельзя оставлять без присмотра больного человека. Гестаповец сказал:

— Раз неизлечимый, пусть скорее околевает!

Утром Жарков пошел искать Ольгу Саввишну. А как же? Какой муж, оправившись от припадка, не сделал бы этого! Пошел он прямо в гестапо. Там народу полным-полно, и все родственники забранных ночью. Стоят толпой у здания, а с ними и разговаривать никто не хочет. Вышел офицер:

— Если не разойдетесь, всех арестуем!

Многие ушли, а человек десять остались. И Жарков с ними. А тут как раз подъезжает легковая машина, и из нее выходит довольно пожилой гестаповец и, видно, большой начальник — часовые замерли на месте и ели его глазами. Жарков бросился к нему и, коверкая немецкий язык, объяснил, в чем дело. Гестаповец взял у него документы, сказал «хорошо» и вошел в здание. После этого прошел час, другой, третий, все просители уже давно разошлись по домам, а Жарков все стоял на улице. Даже часовые к нему привыкли. От нечего делать расспросили, чего он ждет. Один даже пообещал, как сменится, позвонить кому-то по телефону.

И вот уже на исходе дня выходит из подъезда гестаповец — тот, который грозил всех арестовать,— и зовет к себе Жаркова. Его провели в здание — и прямо в кабинет. А там допрос: кто, что, откуда?

Жарков держался спокойно, уверенно отвечал на вопросы и все время пытался перевести разговор на свою арестованную жену. Но ему лихо было от страха, что он подверг дело такому риску. Главное, он все же не мог точно ответить себе, правильно ли он поступил, как разведчик, что пошел хлопотать за Ольгу Саввишну...

Гестаповец расспросил про всю его жизнь. Однако легенда у Жаркова была надежная. Ни одним словом не могла она возбудить ни особого интереса, ни подозрения. А если бы гестаповец захотел что проверить, увы, нельзя. Почти вся легенда основана на Харькове, а он уже давно взят советскими войсками,— пойди сунься туда, проверь!

Часов в девять вечера гестаповец вышел к сидевшему в коридоре Жаркову, швырнул документы и сказал, чтобы он убирался к чертовой матери.

— А как же жена?— спросил Жарков.— Я же не о себе просил.

— Убирайся, пока жив!— крикнул гестаповец и ушел в свой кабинет.

Ну, что ж, вернулся Жарков домой. И стал жить один. Каждый день к нему кто-нибудь из соседей наведывался. Золотой народ! У самих бед по горло, а не забывали и о чужом человеке.

И снова стал он прогуливаться со своей палкой...

6

Со стороны Заднепровья все явственнее слышался фронт. Вечером четвертого ноября у «богатого дома» стояли уже не легковые, а грузовые машины. Солдаты таскали из дома чемоданы, ящики, узлы, мебель. Один грузовик уезжал, другой становился на его место. Наблюдая эту картину, Жарков нервничал. Он на все лады прикидывал, как можно было бы получше ударить по бегущим гестаповцам. И теперь порученная ему работа казалась совсем малополезной: подумаешь, фото, по которому когда-то где-то будут искать палачей! Когда сейчас их можно оптом ликвидировать. При свидании с Козыревым он сказал об этом. Тот глянул на него и спросил небрежно:

— Боишься, что твоя работа на орден не тянет?

Лицо Жаркова стало багровым, он даже не нашелся что ответить, так несправедливо было подозрение Козырева.

— В нашем деле, Жарков, незначительного не бывает. И, кстати, должен объявить, что тебе присвоено звание старшего лейтенанта. Поздравляю,— скороговоркой добавил он.

На том разговор и кончился. Жарков утешал себя мыслью, что кому-то наверняка поручено заняться и этими бегущими от расплаты палачами...

Неподалеку от Жаркова, сидевшего на скамеечке у ворот своего дома, остановился пожилой мужчина в сером, не по росту коротеньком пальто и венгерской суконной фуражке военного образца. Постояв немножко, мужчина медленно подошел к Жаркову.

— Нет ли грешным делом спичек?— спросил он.

— Не курю и спичек не держу,— ответил Жарков.

— А Тани все нет и нет,— сказал пожилой.

— Ищи ветра в поле,— отозвался Жарков и подвинулся.— Садитесь.

Пожилой сел рядом с ним. Жарков первый раз видел этого человека.

— К тебе в дом пройти удобно?— спросил пожилой.

— Можно,— ответил Жарков.— В случае чего скажу соседям, что приходил человек с весточкой от жены.

Они прошли в комнату.

Пожилой расстегнул пальто, потом пиджак, задрал рубаху, и Жарков увидел на его теле свою рацию.

— Бери,— сказал пожилой.

Жарков отстегнул ремень и сунул рацию под подушку.

— Сегодня будь в двадцать четыре ноль-ноль у старика, там, где первый раз был,— сказал пожилой.— Получишь новое задание.

— Ясно. А как дела вообще?

— Ничего дела. Значит, двадцать четыре ноль-ноль.

Пожилой выпил воды и ушел.

Жарков покинул дом в десять вечера. Запас времени никогда не мешает, мало ли что. И как в воду смотрел. Крещатик был забит войсками. Чтобы перейти на другую сторону улицы, потребовалось почти полчаса. Пришлось идти чуть не в самый конец улицы, к вокзалу, и там перебираться на другую сторону. Было опасно идти по улице, которая вела к шоссе на Житомир. Здесь тоже полно войск. Но Жарков уже не имел времени петлять по переулкам и, положась на темноту, шел напрямик.

Ровно в полночь он постучал в окно, на подоконнике которого, как и в тот раз, стоял безобразный фарфоровый кот-копилка...

— На велосипеде умеешь ездить?— спросил поджидавший его Козырев.

— В школе призы брал,— ответил Жарков.

— Возвращайся к документам и легенде, что ты киевский полицай. Вот тебе новая наручная повязка и командировочное предписание, что ты послан в Житомир подготовить помещение для эвакуируемой из Киева полиции. Рацию берешь с собой. В Житомире — явка. Запомни: Первомайская, шестьдесят семь. Пароль как сюда. Тебе приготовят место. Будешь по радио давать информацию об отступающих войсках.

— Когда выезжать?— спросил Жарков.

— Светать начнет и кати. А сейчас поужинаем и чайку попьем. Потом часа два поспишь.

Ужинали и чаевничали в темноте.

— От жены твоей Елены Михайловны привет передали из Москвы. Она с Петькой живет в Белорецке, в общем, все в порядке.

Жаркова аж жар прохватил...

— Живут где-то люди в порядке,— тоскливо сказал старик из-за печки.

— Чуть потерпи, Сергей Сергеевич, и ты заживешь,— сказал Козырев.

— До порядка еще сто верст и все лесом,— сказал старик.— Кругом все порушено, а за дверью зима.

— Армия поможет, а с нею вся страна,— сказал Козырев.

— Дай-то бог, дай-то бог,— пробормотал старик.

А Жарков все думал о жене Лене и маленьком Петьке. Где он, этот город Белорецк? Как они там живут, что сейчас делают? Дорого бы он дал, чтобы глянуть на них хоть в щелочку, хоть на минуточку.

— У тебя ребятенок один?— спросил Козырев.

— Один,— рассеянно ответил Жарков.

— А у меня трое. И, представляешь, как вышло. Теща у нас жила в деревне под Брестом. Так за пять дней до войны жена с ребя-

тами поехала к ней в гости. Я словно чувствовал что — возражал, ругался. Куда там! И что теперь с ними, неизвестно. Все запрашиваю Москву,— не отвечают.

— В деревне запросто могут отсидеться,— сказал из-за печки старик.

— Вся деревня знает, кто я такой. Кто-нибудь вякнет — и все,— сказал Козырев.— В общем, как подумаю о них, хоть сам себе руки вяжи, чтобы не сорваться!

Они долго молчали. Старик за печкой мирно посапывал.

— Буду проситься, чтобы забросили в Белоруссию,— тихо сказал Козырев. И спросил сразу:— А, может, не надо? Ведь не переживу, если что. Пулю пущу себе в висок.

— Для дела полезнее надеяться на лучшее,— назидательно сказал Жарков.

— Легко тебе советовать...

...Когда стало чуть светать, Жарков, надев на рукав полицейскую повязку, сел на старенький, скрипучий велосипед и поехал в Житомир. Спал всего час, а чувствовал себя бодро. Первые два-три километра ноги с непривычки ныли, а потом и это прошло. Погода была прохладная. Над землей низко летели грязные тучи, обещавшие дождь. То и дело Жаркова обгоняли автомашины, набитые немецкими солдатами, штабные автобусы, мотоциклисты. Никто не обращал на него никакого внимания.

— Эй, конная полиция, жми быстрее!— крикнул ему солдат с грузовика и помахал рукой.

На обочине два мотоциклиста возились в моторе своей машины. Жарков возле них притормозил, соскочил с велосипеда и сочувственно смотрел, как они работали. Один из них, с лицом, измазанным маслом, оглянулся на Жаркова.

— Кто ты есть?— спросил он.

— Полицай,— ответил Жарков.

Немцы захохотали, бросили работать, рассматривая Жаркова и думая, что он ничего не понимает, обменивались репликами.

— Только полицая нам и не хватало.

— Может, он собрался регулировать движение на шоссе?

— Да нет, он, как и мы, сокращает коммуникации.

— А морда у него симпатичная, почти немецкая.

— Ну, черт с ним! Вывинчивай свечу.

Немцы занялись машиной. Жарков поехал дальше и подумал с озорством и вместе с тем не без гордости: вот какая работа у нашего брата. Крутись рядом с фашистами, улыбайся им, подмигивай, а каждую секунду смерть — рядом. И так в эту игру с врагом втягиваешься, что забываешь, что есть где-то жизнь без всякой игры... И где-то есть город Белорецк. И там Лена с Петькой...

С Леной Жарков познакомился, когда учился в спецшколе. Она тогда только окончила пединститут. И все она допытывалась, на кого он учится. Он плел ей, что будет каким-то штабным офицером с гражданским уклоном. Но однажды, когда дело у них уже дошло до женитьбы, пришлось сказать правду. Услышав это, Лена улыбнулась и сказала: «Вон как». И весь разговор. Сейчас не жалеет ли, что не стала поперек этой его службы...

...Не к месту и не ко времени пришли к Жаркову эти воспоминания. И они так его захватили, что он сразу не заметил, что впереди, на шоссе, происходит какой-то непорядок. Прикинув время, Жарков сообразил, что он уже отмахал побольше 80 километров и, значит, приближался к населенному пункту Кочарово.

Впереди, сколько хватал глаз, на шоссе плотняком стояли воинские колонны. Очевидно, там образовалась пробка. Солдаты повылезали из машин: кто сидел на обочине, другие сбились в кучки, беседовали о чем-то, третьи справляли нужду.

Жарков соскочил с велосипеда и повел его за рога. Он шел рядом с остановившимися войсками и примерно прикидывал, сколько их тут и какого рода оружие.

— Смотрите, конная полиция нас обгоняет! — услышал он из кустов. Это был тот солдат, который кричал ему раньше из машины.— Эй, полицай, слуга порядка, иди разберись, почему затор!

Солдаты говорили Жаркову что-то еще. А он шел себе неторопливо по обочине, вежливо обходя сидящих и улыбаясь им глуповатой улыбкой человека, который не понимает, что ему говорят.

Уже был виден поселок Кочарово. Затор на шоссе стал еще более плотным. Колонны сбились в два, а где и в три ряда. Даже по обочине не пройдешь. Жарков увидел тропинку, которая наискось вела к станции, вскочил на велосипед и поехал по тропинке.

— Эй, возьми нас на буксир! — кричали ему вслед. «Постой, постой тут подольше,— ответил про себя Жарков.— Мы вас возьмем на буксир...»

Вдруг он почувствовал мягкий толчок в спину, и сразу же позади него будто сухо ударила гроза. Жарков оглянулся и чуть не упал с велосипеда. Позади вскинулись над шоссе сразу несколько огненно-дымных костров, в воздухе кувыркались людские тела и куски машин. А в сторону отворачивали гуськом пять самолетов-штурмовиков с ясно видными красными звездами на крыльях. Одновременно из низкой тучи, словно из дырявого мешка, вываливались еще несколько самолетов. Жарков сосчитать их не успел. Машины и люди с шоссе ринулись в стороны. Несколько грузовиков, точно взбесившись, подскакивая на кочках, неслись прямо на Жаркова. Два самолета отделились от группы и тоже летели прямо на него...

7

Жарков очнулся и долго не мог понять, где он и что с ним. Сначала даже подумал, не лежит ли он по какой ошибке в гробу и не везут ли его на кладбище. Он лежал навзничь, и сверху, над самым его лицом, был дощатый потолок. И была полная тишина. Сильно трясло, и от этого он ощущал дикую боль в ногах. Казалось, что эта боль вот-вот расплеснется по всему телу. Так и случилось, и он снова потерял сознание. Потом он опять очнулся. Теперь он не только видел, но и слышал и сразу понял, что его везут в санитарном фургоне. Но чей это фургон? Жарков попробовал приподняться. Резанула дикая боль в ногах.

Снова он очнулся уже в освобожденном Киеве в военном госпитале и сразу попал на

операционный стол. Еще одно беспамятство, еще одно пробуждение, и он узнает, что у него нет обеих ног. Одну отрезали по колено, а другую чуть ниже. Одновременно он узнает, что Киев уже взят советскими войсками. И эти две новости слились в его сознании: нет ног, а Киев освобожден. И от этого его собственное, личное горе вроде стало меньше, или, точнее сказать, оно получило какую-то осмысленность, почти оправдание.

На другой день после операции к нему в госпиталь пришел Козырев.

— Переволновались мы за тебя,— говорил он.— На связь с Москвой ты не вышел. Житомир сообщил, что ты не объявился и там. Армия после Киева сразу рванула до Житомира. Я послал туда своего человека, и он тоже ничего не выяснил. А знаешь, как получилось? Тебя, раненного, в беспамятстве, подобрала в поле жена железнодорожного служащего. Вместе с мужем они перетащили тебя в свой домик, а когда пришла наша армия, они передали тебя в полевой госпиталь.

— Я ведь от своих получил,— сказал Жарков и пояснил: — Под налет наших штурмовиков попал. Обидно!

Козырев боязливо глянул туда, где под одеялом должны были быть ноги Жаркова и где их не было. Лицо его стало беспомощным.

— Когда война, Жарков, смерть не закажешь.

— Лучше б уж смерть! — тоскливо произнес Жарков.

— Дурак! И тряпка! — сердито сказал Козырев.— Ты еще заплачь: как я к жене без ног вернусь? К чему я ей?

— А теперь ты дурак,— сказал Жарков.— Моя Лена примет меня, если я и без головы вернусь!

Он об этом уже думал после операции. Но совсем не так, как повернул сейчас Козырев. Нет, он так железно верил в любовь жены, что такое ему и присниться не могло. Он думал только о том, как она будет его жалеть, и от этой мысли ему становилось тоскливо и вместе с тем необыкновенно спокойно. И еще он тревожно думал о том, как на него — безногого — будет смотреть Петька...

Ноги зажили довольно быстро. Жаркову дали протезы, костыли, и он под руководством медсестры начал осваивать это хозяйство. Работал упорно, не жалея сил и как получше. С утра до вечера он громыхал в палате костылями, скрипел новенькими протезами. «Наш ходок» — прозвали его в палате. В конце ноября его на самолете перебросили в Москву, а потом на поезде он уехал в Белорецк, к семье.

В начале января 1944 года он с женой и сыном вернулся в Москву. С вокзала они поехали не к себе, а к его старикам на Красную Пресню. Там состоялся, как шутил отец, расширенный семейный совет. Отец вообще в тот вечер шутил без конца. Жарков понимал: это он у него дух поднимает. Но зря старался: Жарков уже привык к своим новым ногам. И Лена с Петькой привыкли. Жарков объявил, что он хочет получить новую гражданскую специальность, будет учиться. Но Лене одной будет трудно. Хорошо бы сделать обмен жилья и всем собраться в одной квартире, чтобы мама помогала Лене. Петьке-то в школу идти...

Так и было решено. Жарков пошел на свою старую работу. Там стали возражать, говорили, что он должен работать в аппарате. Но Жарков видел, чувствовал, что все это говорится ради проформы. Да и сам он понимал: работа здесь не для инвалидов. Главное, разведчиком ему уже не быть, а работа в аппарате его никогда не прельщала.

Жарков поступил в автодорожный институт. Окончил его с отличием. Когда шло распределение, он сказал:

— Посылайте куда надо. Мне все равно.

Его направили инженером в большое автохозяйство областного города. Там он и работает. Лена в том же городе директорствует и преподает в школе. Петька заканчивает учебу в Харьковском индустриальном институте.

Вот и вся история жизни разведчика Николая Жаркова, жизни, которую я уверенно называю счастливой. Хотя сам он сказал с хитрой улыбкой:

— Ничего красивого, и для книги вам не годится...

ОЗАРЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Представим себе май 1924 года... Время, когда еще не остыл накал классовых битв, литературная чересполосица и групповщина мешают здоровым всходам молодой советской литературы. Надо было зорко всматриваться в ростки нового, направлять писателей в русло партийной литературы, видеть перспективу развития не только суммы явлений, но и каждой творческой индивидуальности. В то время и появился велением партии литературный орган, активно способствующий росту молодых писательских сил страны.

Ядром журнала стала группа писателей-коммунистов, группа прекрасных людей, смелых и благородных, орлиное племя революции: А. Серафимович — закаленный в огне пресненских баррикад, Д. Фурманов — откованный в гражданской войне, Ф. Гладков — испытавший гнет подневолья, А. Фадеев — дальневосточный партизан-коммунист, юный делегат X партсъезда, участник подавления мятежа в Кронштадте. Немного позже на двадцатишестилетнюю редакторскую вахту встал талантливый Федор Панферов, человек изумительной энергии и самоотдачи, всегда верный чести и долгу.

Что и говорить, не каждый печатный орган мог похвалиться такими вожаками!

«Октябрь» привлекал на свою сторону, сплачивал на общепролетарской платформе, как тогда выражались, и начинающих и признанных, широко известных писателей и поэтов. В журнал пришел Д. Бедный. «Октябрь» взял под защиту В. Маяковского и С. Есенина, которые подвергались нападкам с различных сторон, и они вошли в его актив.

В «Октябре» сформировались М. Шолохов, Б. Горбатов, Ю. Либединский — это на первых порах. Забегая вперед, назову вышедших из купели «Октября» В. Ставского, И. Шухова, В. Ильенкова, А. Чапыгина, Г. Серебрякову, Б. Полевого, А. Чаковского, В. Василевскую, В. Овечкина, А. Коптяеву, Е. Поповкина, Н. Грибачева, Т. Семушкина, В. Закруткина, Г. Коновалова, С. Бабаевского, С. Васильева, С. Сартакова, Н. Шундика, Е. Исаева... Сколько еще можно назвать воистину славных имен писателей, связавших свое творчество с «Октябрем»!

Пользуюсь памятью, как оружием, ибо сам находился с журналом, пожалуй, не меньше тридцати лет и именно в нем напечатал все свои основные произведения.

Вот имена славных авторов журнала «Октябрь»: А. Жаров, М. Светлов, В. Сосюра, И. Сельвинский, И. Садофьев, М. Исаковский, А. Акопян, Н. Ушаков, Э. Багрицкий, П. Тычина, Дм. Кедрин, Вл. Луговской, А. Гидаш, Н. Кочин, Б. Галин, М. Храпченко, П. Антокольский, Л. Первомайский, Джек Алтаузен, Е. Долматовский, А. Решетов, М. Бажан, А. Лахути, П. Беспощадный, М. Голодный, К. Симонов, Н. Рыленков, А. Сурков, Н. Асеев, С. Кирсанов, В. Саянов, А. Прокофьев, Г. Николаева, К. Паустовский, М. Пришвин, А. Корнейчук, Берды Кербабаев, Самед Вургун, В. Гусев, Л. Мартынов, О. Гончар, Л. Татьяничева, С. Михалков...

Задача, взятая для решения первопроходцами, решалась успешно. Журнал вел борьбу и критическим, и публицистическим, и литературоведческим словом. В нем выступали М. Ольминский, А. Луначарский, Морис Торез, печатались И. Бехер, Мате Залка, Р. Роллан, Т. Драйзер, М. Андерсен-Нексе, Х. Лакснесс, Л. Фейхтвангер, Д. Ибаррури, Васил Коларов.

«Октябрь» всегда выделялся своей целеустремленностью, общественной активностью, постоянной направленностью на ведущие темы нашей действительности, оружием ярких художественных образов всегда отстаивал завоевания советского народа. Единство программных деклараций журнала и его практической деятельности не могло не дать уже в первые годы существования «Октября» замечательных литературных свершений. Наряду с активной пропагандой вышедших в свет «Цемента» Ф. Гладкова и «Железного потока» А. Серафимовича (статью пишет Д. Фурманов) в журнале печатаются «Последний из удэге» А. Фадеева, «Школа» А. Гайдара, «Баня» В. Маяковского. Публикации «Тихого Дона» М. Шолохова, а также «Брусков» Ф. Панферова явились событиями в советской литературе. Советская классика закрепляется на страницах «Октября». В журнал приходит С. Сергеев-Ценский с двумя романами—«Загадка кокса» и «Севастопольская страда», выступает с «Непокоренными» Б. Горбатов, с «Сыном полка» В. Катаев, с «Двумя капитанами» В. Каверин.

Великая Отечественная война! В боевой форме встретил журнал жестокое испытание. К прежним авторам присоединились А. Зегерс, Б. Брехт, Э. Вайнерт, активно сотрудничают А. Толстой, Л. Соболев, А. Довженко, С. Голубов, Вяч. Шишков, К. Тренев, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, Л. Леонов, Н. Хикмет, А. Караваева.

Частыми гостями редакции после войны становятся участники боев, прославленные полководцы. Среди них — командир партизанского соединения С. Ковпак, адмирал Н. Кузнецов, маршалы Советского Союза С. Бирюзов, К. Ворошилов, В. Чуйков и многие другие герои Великой Отечественной. И сегодня, спустя 30 лет после окончания победоносной битвы, журнал не ослабляет усилий по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Большой вклад в развитие традиций журнала внес в последние годы Всеволод Кочетов, сменивший на вахте Ф. Панферова и в течение двенадцати лет возглавлявший коллектив «Октября».

В эти дни у «Октября» праздник. Для авторов нашего журнала главное — высоко нести знамя Великого Октября, быть верными накопленным традициям, умножать их, неустанно поднимая художественный уровень публикуемых произведений.

Журнал «Октябрь» свято хранит ленинские заветы о партийности советской литературы, журнал живет, работает, старается идти вперед и выше, как завещал А. М. Горький.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Валентин СОЛОУХИН

* * *

После смены ночной,
после шахты
Шел я — улицы были тихи:
Заступить не успели на вахты
Огнеперые петухи.
Солнце плавило темные своды,
Ночь кончалась,
как смена моя.
Чтобы мать не будить,
у ограды
Засыпал под акацией я.

И ничто на земле
так не пахнет,
Как акации белая кисть.
И светлели цветы,
словно в шахте
Огоньки по забоям зажглись.
Сон накатывал глыбой тяжелой,
Вмиг — заботам и думам
конец...

А будил меня песней веселой
Коногоном свистевший
скворец.

* * *

Еще на севере зима,
А здесь лазурь под солнцем
плещет,
Как призрак, тучка
Птицей вещей
Парит над пропастью одна.
Сейчас на севере морозы,
Сугробы в поле —
не пройдешь,
Здесь вечерами, словно дождь,
С кустов сдувает ветер росы.
Бывает, море зашумит,
Под шум волны
глаза смежаю,
Воображаю, как межами
Метель с полей в леса спешит.

* * *

Прошел и этот год, как день...
Морозным утром
листья сбросив,
В глуши, у тихих деревень,
До снега притаилась осень.
Как будто и весна была
С разливом ландышей,
ромашек,
И в лето знойное цвела
Густая рожь у темных пашен,
То буйство многоводных рек,
Зной на проселочных дорогах —
Как будто было...
Будет снег —
И тот исчезнет понемногу.

НАД ГРЕМЯЧЕЮ РЕЧКОЮ...

Над Гремячею речкою
В ивняке перед вечером
Запевали соловушки
Долгожданно сердечную.

Над закатною кромкою
И крутыми извивами
Неокрепшая, ломкая
Песнь рождалась пугливая.

И весь вечер до полночи
За лугами за синими
Тлели цветом подсолнечным
Омута карасиные.

Владимир ЗОЛОТУХИН

* * *

Если кем-нибудь мы дорожим,
С его смертью легко ль
согласиться?
Потому до сих пор
живым
Часто-часто
отец
мне снится!

В дни войны среди Брянских
лесов
На пригорке, снарядами
стертом,
Он уснул непробудным сном,
Как порой говорят
о мертвом.
...У могилы столпились года.
Спит отец, и не дрогнут
ресницы.
Спит отец.
Но ему никогда,
Никогда не смогу
я присниться!

НА ПОСТУ

Слышишь, Родина, сердца стук?
Видишь — даль голубая лежит.
День и ночь я стою на посту,
Охраняя твои рубежи.

День грядущий нам радость
несет.
Как его не беречь, не любить?
Я в ответе за все, за все —
От небес до морских глубин!
Что б ни сталось...
Пусть жизни конец,
Но с поста своего не уйду!
Этот пост завещал мне отец,
Что погиб в сорок третьем
году.

ОСЕННЕЕ

В парках снова подсохли
лужицы,
Бродят парочки вновь под
кленами.
Листья падают,
листья кружатся,
Словно бабочки, над
влюбленными.
Ах, какие деньки погожие!
Не поверишь, что время
осеннее.
И все встречные, все прохожие
Улыбаются по-весеннему.
Я хмелею, дыша прохладою.
Не грустится мне и не
тужится.
Листья падают,
листья падают,
На ветру огоньками кружатся.
Клумбы греют на солнце
лысины.
Жизнь разбужена птичьим
гомоном.
Клены званье мое повысили,
По листку обронив на погоны
мне.
Я к любимой бы так и
пожаловал,
Если б ветер меня не
разжаловал.

* * *

Опять я занят неотложным
делом,
К себе на «точку» я опять
спешу,
Прости, что часто по неделям
целым
Тебе я, мама, писем не пишу.
Ждешь почтальона.
Только молча, прямо
Проходит он, спокойствие
храня.
Ты понимаешь все. И верю,
мама,
Не сердишься нисколько на
меня.
Устанешь за день...
А когда повиснет
Ночь на окошках черным
полотном,
Мои ты ненаписанные письма
Читаешь, дорогая, перед сном.

КОРЧНОЙ ЖДЕТ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Не раз за этот месяц приходилось нам читать лаконичное сообщение: партия не состоялась по болезни такого-то гроссмейстера. Неужели шахматисты так часто болеют? Согласно регламенту, в полуфинале турнира претендентов каждый участник имеет право два раза взять «тайм аут», и для этого вовсе не обязательно заболеть. Сколько раз бывало, через два дня «больной» являлся на очередную партию и играл с бешеной силой.

Счет в матче Корчной — Петросян после пяти партий был в пользу Корчного — 3:1, и перед Петросяном стояла труднейшая спортивная задача сравнять счет с соперником, находящимся в отличной спортивной форме. Но разве человек перестает надеяться, разве шахматист и в труднейшей ситуации думает о безоговорочной капитуляции? Конечно, нет. Но, как известно, шестая партия матча Петросян — Корчной не состоялась. Петросян действительно заболел, и его отвезли в больницу. С почками шутки плохи! Это лучше всех может подтвердить М. Таль. Победа Корчного, несомненно, очень убедительна: он провел матч в прекрасном стиле. Стремительным, мощным натиском Корчной повергну сперва молодого бразильского гроссмейстера Э. Мекинга, а теперь выбил из конкурса такого труднопробиваемого шахматиста, как Петросян.

Каждому предельно ясно, в чем заключается план Корчного: он хочет добраться до Фишера, а пока первый финалист отправился домой в Ленинград, где присутствует как наиболее заинтересованный зритель на матче Карпов — Спасский.

В восьмой партии Спасский получил многообещающую позицию, и, казалось, что ему удастся сравнять счет и основательно испортить Карпову настроение в день Первого мая. До сих пор никому не удалось в этой партии найти явный путь к выигрышу для Спасского, но позиция Карпова была, мягко выражаясь, подозрительна. И все же молодому гроссмейстеру удалось выйти сухим из воды. Встреча закончилась вничью к огорчению Спасского. Никак ему не удается уложить Карпова не на одну, а на обе лопатки, ловко умеет спасать трудные позиции Анатолий.

И вот пришел час девятой партии. Как известно, в первой партии Карпов потерпел поражение, начав игру ходом е2—е4. Подумайте, сколько выдержки, сколько практицизма у молодого гроссмейстера! Весь апрель он, садясь за доску, больше не дотрагивался до королевской пешки, и теперь ясно, что он вместе с секундантом С. Фурманом тщательно изучал, в чем была причина проигрыша. Начался май, и Карпов вернулся к своему любимому дебютному началу. Спасский принял вызов и снова избрал Сицилианскую защиту, но, видимо, понимая, что бригада Карпов — Фурман времени зря не теряла, первым уклонился от варианта, который ему принес успех на премьере. Однако экс-чемпион мира не улучшил применяемый вариант, скорее наоборот. Удивительно легко, внешне совсем просто, Карпову удалось переиграть Спасского по всем правилам шахматной стратегии, и уже после 35 ходов все было кончено. Теперь Карпов значительно укрепил лидерство — счет 3:1 в его пользу.

3 : 1! Приятного для Спасского мало. Официально, правда, соперники могут сыграть еще 11 партий. Но теперь действует новая система: матч продолжается до четырех побед, поэтому при счете 3:1 отстающий находится в нокдауне. Вот почему почти все шахматные обозреватели после девятой партии дали заголовок к своим отчетам: «Карпов близок к победе».

Да, если Спасский не сумеет добиться резкого перелома в ходе борьбы, для чего ему необходимо совершить шахматный подвиг, то и второй полуфинал закончится триумфом ленинградского шахматиста, и тогда осенью ленинградцы увидят шахматный деликатес высшего сорта — финал Карпов — Корчной.

И. Лапиков в роли Ермакова, Борис — Е. Киндинов.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Леван РОНДЕЛИ

Уже никто не помнит в большом старинном московском доме Михаила Николаевича Ермакова; соседи с интересом приглядываются к новому жильцу, который умеет всему сообщить свое оживление и веселость, и никому в голову не приходит, что под внешней безмятежностью человека, вышедшего на покой, протекает столь напряженная внутренняя жизнь... Раньше у него никогда не было свободного времени для воспоминаний, и вот теперь они разом пришли к нему... В эти дни, когда Михаил Николаевич, дядя Миша, подводит итоги своей жизни, мы и встречаемся с ним в новом телефильме «Моя судьба». Фильм поставлен в творческом объединении «Экран» режиссером Леонидом Пчелкиным.

По мотивам своей пьесы «Твой дядя Миша», которая с успехом идет в театрах нашей страны и за рубежом, Георгий Мдивани написал сценарий трехсерийной картины «Моя судьба». Премьера фильма состоялась по Центральному телевидению в праздничные майские дни.

Незаурядность личности Михаила Ермакова, человека большой и сложной судьбы, становится еще отчетливее, когда он изображен рядом с Павлом Тимофеевичем,— его играет Е. Евстигнеев, и в остром исполнении артиста это неглупый, но мелкий человек, матерый обыватель, всю жизнь думающий только о себе...

Ермаков и смотрит и видит на многие годы вперед, а такие, как Павел Тимофеевич,— лишь бы что-то урвать для себя и дотянуть до пенсии... Павел Тимофеевич приспособится и будет жить при любом строе, а Михаил Ермаков борется за счастье и справедливость в продолжение всей своей жизни, не изменяя своим убеждениям и идеалам.

— Если бы кто-нибудь меня сейчас спросил,— размышляет герой,— к чему ты пришел, коммунист Михаил Ермаков?.. Что ты получил от жизни? Трижды простреленные легкие, перебитые ноги, больное сердце, бессонные ночи старика и больше ничего?.. Нет! Тот, кто думает так, не знает истинной радости жизни! Я все получил от жизни! Все, что хотел!

В центре внимания драматурга Мдивани всегда были крупные характеры, жизнь незаурядных людей. Никогда не тянуло его к тем незначительным судьбам, тем образам мелких человечков, которые нередко еще выходят на сцену и экран. И понятен постоянный интерес писателя к событиям революции, гражданской и Отечественной войн, к борьбе за социалистические преобразования, в ходе которой и вырастали личности, отражающие облик времени.

Биография Ермакова — это в какой-то мере история нового нашего мира, история беззаветного ему служения.

Новое общество рождалось и крепло благодаря самоотверженности именно таких людей, как коммунист Ермаков. Фильм отображает основные моменты жизни героя, важнейшие ее вехи, глубоко затрагивает бытие и восемнадцатилетнего юноши — Миши Ермакова и семидесятилетнего Михаила Николаевича, дяди Миши... И тут показано единство, внутренняя революционная преемственность между комсомольцами, молодежью двадцатых годов, штурмовавшими оплоты контрреволюции, молодежью тридцатых и сороковых годов, бравшей Берлин, и комсомольцами наших дней, штурмующими крепости науки...

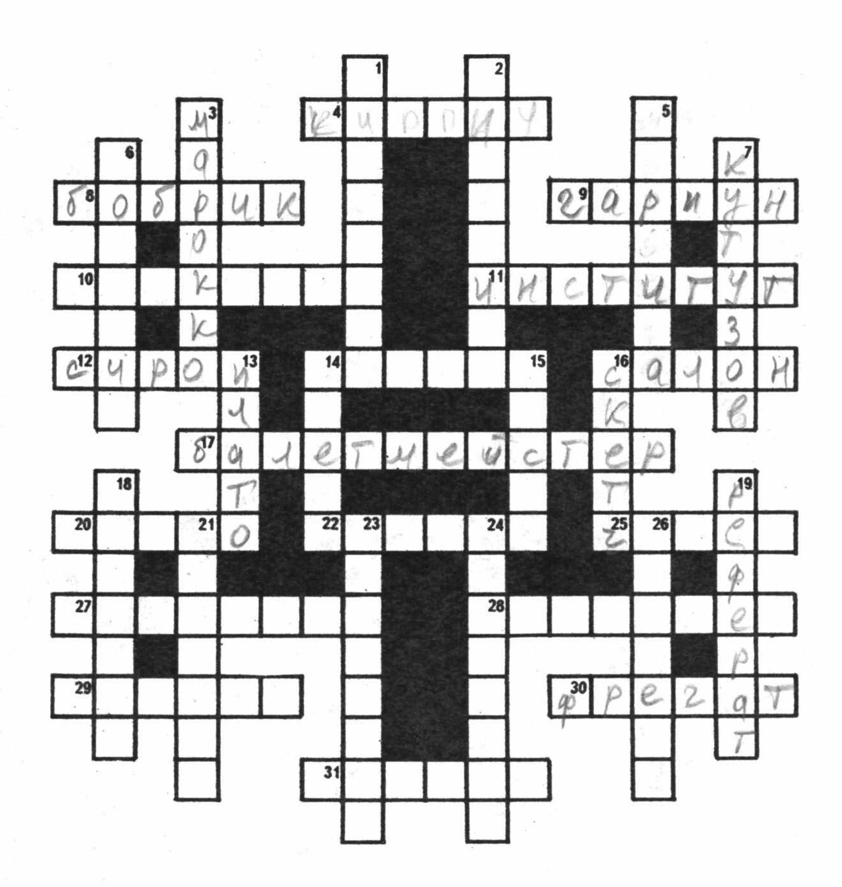
Картина учит мыслить масштабно, по-граждански: она призывает не к отвлеченным идеям добра, человека «вообще», а утверждает конкретный идеал солдата партии, патриота и интернационалиста.

На экране — страницы истории зарождения ВЧК, где работали честные люди, «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками», как говорил Дзержинский.

Благодаря талантливой работе режиссера Леонида Пчелкина и актеров, занятых в фильме, многие зрители полюбили героев, зажглись их идеей. Особенно пленяет яркий характер главного героя. Созданный И. Лапиковым образ дяди Миши полон достоинства и силы.

Отлично доносят суть драматургии артисты В. Стржельчик, Г. Волчек, Г. Андреева, Л. Терзиева, Е. Киндинов, В. Расцветаев, А. Мягков, А. Граве, Е. Герасимов, Г. Попова, В. Кашпур и другие.

Композитор Кирилл Молчанов в содружестве с поэтом Николаем Доризо создали запоминающуюся песню о Москве, которая стала лейтмотивом всей картины. Музыка вообще помогает выявить те чувства и настроения, которые стараются скрыть от чужих глаз мужественные, немногословные герои...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Строительный материал. 8. Шерстяная ткань с ворсом. 9. Китобойный снаряд. 10. Остров у берегов Северной Америки. 11. Высшее учебное заведение. 12. Концентрированный раствор сахара. 14. Озеро в Карельской АССР. 16. Выставочное помещение. 17. Постановщик танцев. 20. Поэма М. Ю. Лермонтова. 22. Курорт в Крыму. 25. Приток Волги. 27. Картина В. А. Тропинина. 28. Быстро летающая птица. 29. Основной аккорд лада. 30. Парусный корабль. 31. Древнегреческий драматург.

По вертикали: 1. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 2. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 3. Государство в Африке. 5. Ягода. 6. Порт в Аргентине. 7. Русский полководец. 13. Возвышенная равнина. 14. Инструмент скульптора. 15. Хищное животное семейства куньих. 16. Эстрадная пьеса шутливого содержания. 18. Овощ. 19. Научное сочинение. 21. Цветок. 23. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дым». 24. Пирог. 26. Высота боковой грани в правильной пирамиде.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 4. Коломбина. 7. Ленок. 8. Инжир. 9. Америка. 12. «Маскарад». 15. Тарантас. 17. Афиша. 18. Болконский. 19. Мадагаскар. 22. Обрат. 24. Диффузор. 26. Открытка. 28. Дудинка. 29. Тикси. 30. Крона. 31. Бадминтон.

По вертикали: 1. Демография. 2. Токката. 3. Индиана. 5. Геракл. 6. Кимоно. 10. Багульник. 11. Варакушка. 13. Рассказ. 14. «Далибор». 15. Таранто. 16. Рубанок. 20. Крапивница. 21. Афелий. 23. Зыкина. 25. Ординар. 27. Трактор.

На последней странице обложки: Народная Республика Болгария. На Шипке. * Долина роз. Сборщица лепестков Пенка Маринова. * Бургасский нефтехимический комбинат имени Ленина.

Фото Ю. Кривоносова и Ю. Лушина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/IV — 1974 г. А 00565. Подписано к печ. 7/V — 1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 971. Тираж 2 140 000 экз. Заказ № 2145.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Александр Васильевич Свешников беседует с юными певцами.

Г. МАКАРОВ,
фото автора.

Перемена! Звонок оборвал торжественные созвучия хорала Баха... Мальчишки выскакивают из классов, скатываются по лестнице, спешат во двор, нагретый солнышком. Все как в школе. И немножко не так.

Московское государственное хоровое училище Министерства культуры РСФСР — так называется это единственное в Советском Союзе учебное заведение. Со всех концов страны отбирают сюда семи-девятилетних особо одаренных абитуриентов. Десять лет они изучают здесь, кроме школьных предметов, хороведение, сольфеджио, гармонию, ритмику — все то, что нужно знать будущему учителю пения, дирижеру хора, преподавателю музыкальной школы. Большинство выпускников поступают в высшие музыкальные учебные заведения, а до той поры, когда начнется ломка мальчишеского голоса, они поют. И поют так, что, раз побывав на концерте, захочешь слушать ребят еще и еще...

Сегодня они исполняют хоровые произведения самых разных композиторов. В репертуаре: Перголези и Танеев, Бах и Шостакович, Прокофьев и Чайковский, Монтеверди и Стравинский, Бетховен и Моцарт...

Время, события, появление новых песен и новых композиторов, естественно, вносят свои коррективы, но с неизменной бережностью сохраняется в репертуаре хора впервые исполненное в 1944 году произведение «Родимый край». Слова и музыка любимой песни написаны основателем училища Александром Васильевичем Свешниковым.

Сегодня, когда они в коричневых бархатных курточках с роскошными кружевными жабо поднимаются по лестницам Московской консерватории, даже местные «ветераны», педагоги и капельдинеры, не говоря уж о старых меломанах, с восхищением смотрят им вслед. Маленькие артисты пришли на очередную репетицию перед концертом к бессменному художественному руководителю училища, Герою Социалистического Труда, лауреату государственных премий, народному артисту СССР, ректору Московской консерватории, профессору А. В. Свешникову.

Рассказывая об истории хора, Александр Васильевич упоминает имена известных музыкантов, выпускников училища: среди них Александр Юрлов, композитор Родион Щедрин, ректор Института имени Гнесиных Владимир Минин, проректор консерватории Борис Куликов... Главный хормейстер и дирижер хора мальчиков Виктор Попов — также воспитанник училища.

МАЛЬЧИШКИ ПО

Разучивают хорал Баха.

— Держи, держи звук!..— Занятие с первоклашками ведет хормейстер Людмила Серостанова.

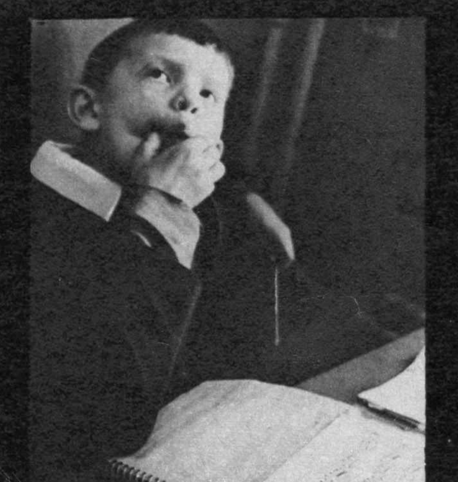

ЮТ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

До начала концерта пять минут.

Музыкальный момент.

Победа.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.